

ГЕОРГИЙ
ГРИГОРЬЯНЦ

ГРОМ
над
АРАРАТОМ

16+

Георгий Григорьянц
Гром над Араратом

«Автор»

2016

Григорьянц Г.

Гром над Араратом / Г. Григорьянц — «Автор», 2016

Римский полководец Лукулл, одержимый поисками таинственной кладовой сокровищ и чудес, двинул легионы на Армению. Царь Тигран II Великий полон решимости отразить агрессию. В ожесточенной схватке противостоят победоносный Рим и древние цивилизации Востока. Кто победит? Возможно, роковую неизбежность предредают загадочные явления, дворцовые интриги, борьба за власть, любовь, ненависть, хитрость и коварство.

© Григорьянц Г., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1. Невероятное спасение	5
Глава 2. Нашествие змей	11
Глава 3. Тревожная ночь	15
Глава 4. Ложные надежды	19
Глава 5. Почетное пленение	23
Глава 6. Восточный базар	26
Глава 7. Опасный соперник Рима	34
Глава 8. Нокаутирующий апперкот	38
Глава 9. Сонное царство Каппадокия	44
Глава 10. Ночная охота на львов	49
Глава 11. Армения полна чудес	52
Глава 12. Правда перед лицом смерти	57
Глава 13. Тайна приоткрылась	62
Глава 14. Раб страсти	72
Глава 15. Парфянская головоломка	77
Глава 16. Откуда исходит угроза?	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Георгий Григорьянц

Гром над Араратом

Глава 1. Невероятное спасение

Быстро темнело, по земле стелился рваными клочьями туман, погоня отстала, и в какой-то момент конница Митридата, преследуемая римлянами, рассыпалась по лесу. Царь остался без охраны, рядом только Гипсикратия, его жена.

– Мой царь, похоже мы заблудились, – забеспокоилась женщина.

– Ты луч света, разве я могу с тобой заблудиться... Хотя ты права. Мы в лесу, и совершенно непонятно, куда идти дальше. Вон большой камень, давай отдохнем и подождем остальных.

Привязали коней. Царь сел на камень, а его спутница, как страж, держа лук в руках, охраняла его.

– Куда же меня занесло? – Митридат VI Евпатор рассеянно оглядывался по сторонам.

– Нужно двигаться дальше, нас могут догнать, – волновалась женщина.

Осознавая безнадежность своего положения и потеряв волю к сопротивлению, понтийский царь чувствовал беспомощность и внутреннее опустошение. Он, прежде ухитрившийся найти тысячу способов исправить любую ситуацию, теперь потерял вкус к жизни и просто сидел на камне.

– Ты знаешь, – рассуждал он, – меня, смертного, сравнивают с Гераклом. Как и его, почитают во всей Малой Азии, а мой лозунг «Освобождение греков!» в высшей степени востребован.

Гипсикратия слушала, ни на минуту не забывая о грозящей им опасности, а Митридат смотрел на жену и удивлялся: она совсем не чувствует усталости.

– Я бросил вызов Риму, чтобы заставить его считаться с греческой цивилизацией, – продолжал монарх. – Мы хотим жить, как нам нравится. Для решительной борьбы я мобилизовал все ресурсы и... проиграл. Мне бы готовиться к смерти, но даже сейчас думаю о последней схватке с римлянами.

Гипсикратия была шестой женой Митридата, женщина-воительница из скифского племени – таких греки прозвали амазонками. Любила она своего владыку беззаветно, а он называл ее неукротимой. Однажды увидев, поразился уверенности и спокойствию воительницы. Дочь вождя, благоухая свежестью, вошла в его спальню и безграничная любовь красивой женщины потрясла великого понтийца. С тех пор они не расставались.

– Холодно, разожги костер, – сказал он.

– Великий царь, нас обнаружат, нельзя зажигать огонь.

– Ну что ты, здесь в лесу, и при таком тумане мы в безопасности.

Развели костер.

– Великий царь, все образуется, – ободрила мужа Гипсикратия.

Митридат грустно посмотрел на нее:

– Нет, я не великий. Единственный, кого сейчас можно назвать великим, – это царь Армении Тигран II.

Тиграна он считал себе ровней. Армянский монарх мудр, рассудителен, честолюбив. Царство Армения огромно, от моря и до моря. Захоти Тигран, так покорил бы Рим и стал владыкой мира, но не хочет. Религия не позволяет. Все выбирают себе удобных богов, а этот верит в одного. У него на уме не борьба, не владычество, а процветание Армении. Повелитель Понта уже давно породнился с ним, выдав за Тиграна дочь.

Митридат продолжал размышлять о превратностях судьбы, как внезапно раздался топот копыт. Стрела, ударившись о камень, отлетела в сторону. Гипсикратия приготовилась к бою. С копьем наперевес прямо на них несся римский всадник, а навстречу ему летела меткая стрела. Всадник свалился с коня как мешок. Слева выскочил другой наездник, закрытый щитом. Амазонка, оттолкнувшись от камня, на лету зацепила щит топором: короткий рывок, быстрый удар тычком в голову – и воин повержен. Из леса выбежали два пехотинца. Молниеносная атака женщины и здесь принесла результат: первый солдат с топором в голове упал на землю, второй успел лишь занести меч – Гипсикратия сноровисто проткнула его защиту кинжалом. Воин рухнул.

Митридат, как замороженный, все время боя стоял с обнаженным мечом и с нескрываемым восхищением наблюдал за кровопролитной схваткой.

Он вскричал:

– Ты не просто спасла мне жизнь, ты вернула меня к жизни! Я вдохновлен, осознал, что за каждым спуском следует подъем! – Увлажненными глазами царь очарованно смотрел на еще не отошедшую от перипетий схватки жену: – Извини, извини за костер, я был слишком беспечным, а беспечный и мертвый – одно и то же.

– Мой властелин, ты ни в чем не виноват, а твоя похвала излишня, я люблю тебя и буду любить вечно.

Час назад. Подавленный Митридат сидит на походном троне в шатре, а вокруг, в лагере понтийцев, царит хаос и повальное бегство. Казалось, все потеряно и смерть – лучший выход из положения. В 71 г. до н. э. Митридат VI Евпатор, правитель Понта, царства, лежащего на берегах Понтийского (Черного) моря, заклятый враг Римской республики (он тиранил Рим и его союзников тридцать лет), наконец проиграл войну. Проиграл, как ему казалось, безнадежно. Его предали. В битве при Кабире римляне разбили понтийскую армию и теперь готовились пленить самого царя. Ни талант полководца, ни дар предвидения на этот раз не помогли ему избежать окончательного поражения.

Поимкой Митридата лично занимался победитель сражения проконсул Римской республики Луций Лициний Лукулл. Напряженно вглядываясь вдаль сквозь сгушавшийся туман, он пытался определить возможные пути бегства царя. Из свиты сопровождавших его всадников к нему присоединился легат Мурена, боевой генерал из рода Лициниев Мурен. Его предок разводил мурен – рыб, очень ценившихся в Древнем Риме.

– Лициний, – напыщенно заявил он, – сражение выиграно, противник бежит, наши легионы преследуют воинов царя Митридата, осталось завершить окружение и захватить его лагерь.

Лукулл строго посмотрел на него:

– Луций, нельзя считать выполненным дело, если не можешь рассказать всем и каждому, что добился потрясающих успехов. Что докладывает разведка? Где царь?

– Лазутчики доносят: он еще в своем лагере.

– Пленить царя! Эта лиса так просто не сдастся и попытается вырваться из кольца окружения. Мурена, слушай приказ: отрезать все возможные пути прорыва! Тот, кто схватит царя, получит две тысячи денариев. Митридат мне нужен живым.

Лукулл, один из богатейших людей Римской республики, пятидесятилетний худощавый и высокопарный полководец, получивший почетный титул «император» (полководец-победитель), подкупил генералов Митридата и добился того, чего не удалось его предшественнику, самому жестокому правителю Рима Сулле. Он, Лукулл, одолел великого царя Востока, главного врага республики, конечно же только благодаря своему полководческому таланту. Солдаты Митридата разбежались при первом боевом кличе римлян, и теперь его, Лициния Лукулла, ждет небывалый триумф в столице. Полководец и его войско торжественно вступят в Рим с

богатой добычей – золото, статуи, вазы, рабы, гарем, – а во главе процессии в качестве главного трофея военной кампании сам понтийский царь.

Но где сейчас Митридат? Без этого восточного деспота триумф будет неполный. Жестокый монарх прячется, возможно, еще в своем лагере, но ему не уйти. Римские воины контролируют местность, скоро окружение будет полным.

– Усилить дозоры! – Лукулл раздавал распоряжения легатам. – Деспот должен быть схвачен, и только живым!

А сам подумал: «Царь хранит одну тайну, мысль о которой уже много лет не дает мне покоя. Я избран владеть великим знанием».

Со свистом, рассекая воздух, мимо его уха пролетела стрела, угодив в одного из военачальников свиты. Конь Лукулла взвился на дыбы, но всадник, крепко натянув узду, сдержал скакуна.

– Кто? – крикнул он.

– Убит префект Титус! – закричал Мурена.

– Даже раздавленная змея способна нанести ядовитый укус, – холодно проговорил Лукулл. – Уходим!

Тем временем Митридат по-прежнему оставался в своем шатре. Среди подчиненных царя атмосфера уныния и безысходности.

– Война проиграна, – отчаянно шептал до крайней степени изнеможенный монарх. – Судьба безжалостна...

В битве его войска дрогнули, он потерял пехоту и конницу, флот полностью уничтожен. А всё предатели, вступившие за спиной правителя в тайные переговоры с Лукуллом!

Царедворец Каллистрат, стратег и советник, разделял уныние правителя:

– О великий царь, твои солдаты пали духом, их одолел страх. Начался бунт. Убиты многие полководцы и сановники...

Митридат VI Евпатор, тщеславный и гордый человек, гений власти и великий злодей, всегда отличался энергичностью и предприимчивостью. Соединяя в себе все пороки восточных деспотов – дикое суеверие, коварство, жестокость, необузданную похотливость, – он везде видел измену. Теперь же надломленный, в совершенном бессилии ожидал приближения смерти.

– Мы в окружении, и это чудо, что меня еще не схватили, – в глубокой апатии и тоске шептал царь.

Самонадеянный глупец! Римляне прижали, и вместо того, чтобы спастись, он приказал атаковать пехоту противника кавалерией, не зная, что в тылу, за горой, затаилась римская конница. Решающая битва проиграна. Глупость одной минуты разрушает долгий труд мудрости. Поражение было предрешено, противник знал все его замыслы.

В шатер вбежал начальник царской охраны Диафант и, вызвав окончательное замешательство царедворцев, закричал:

– Римляне движутся к лагерю!

Каллистрат, больше беспокоясь о своей судьбе, предложил:

– Государь, ты можешь сдать на милость победителя.

– Нет, лучше умереть, – проворчал Митридат.

В полной мере ощущая беспомощность, осознавая, что ему шестьдесят три, он стар, война проиграна, жить больше незачем, он ласково посмотрел на единственного здесь дорогого ему человека – жену Гипсикратию, страстно его любившую и неотлучно находившуюся рядом.

Взволнованная женщина призвала:

– Великий царь! Ты сумеешь собрать новое войско и поставить римлян на колени!

– Не в этот раз, – на глазах Митридата навернулись слезы.

Свою жизнь он посвятил борьбе с Римом. Война – его страсть. Много городов и царств были покорены Митридатом, взяты несметные богатства, самый большой гарем на Востоке был у него. Но зачем теперь все это? Он столько раз терпел поражение от Рима, что растратил душевные силы на бесконечное возрождение из пепла. Враг топчет понтийскую землю и грабит богатые города, не сдавшиеся крепости долго не устоят, смысл жизни, который он видел в борьбе и возвышении над человечеством, потерян.

В минуту упадка духа ему привиделись бывшие жены и близкие родственники. Что с ними сделают? Даже если толпа не растерзает их, они окажутся в Риме в качестве трофея, а потом всех продадут в рабство. Вспомнилась любимая Береника, принесшая безмерное счастье, а еще властная и ненасытная Монима, всячески изводившая царя... При мысли о женах, наложницах и сестрах на лице Митридата появилась слабая улыбка. Но вдруг его выражение лица стало жестким. Не допустить позора! Никогда драгоценные камни его диадемы не станут добычей римлян!

– Позовите Вакхида! – приказал он.

Гипсикратия, схватив царя за руку, опустилась на колени:

– Не все потеряно, бежим, я спасу тебя!

Он нежно смотрел на нее:

– Удача окончательно отвернулась от меня...

В шатер вошел евнух Вакхид:

– Повелитель, ты звал меня?

– О мой друг, Вакхид! Ты всегда был мне как брат. С тобой мы прошли половину мира. Ты же предан мне? – схватив евнуха за руку, царь смотрел ему в глаза, пытаясь разглядеть ответ.

Вакхид всякий раз в точности исполнял приказы царя. Теперь ему предстояло ехать в Пантикапей и Евпаторию и убить всех жен, наложниц и сестер правителя. Величайший позор, если они попадут в плен к римлянам. Нужно лишь предоставить им выбор, как умереть.

– Мне незачем жить, – негромко говорил монарх. – Яд не поможет. Вакхид, вот мой последний тебе приказ: пронзи меня мечом.

– Нет, мой повелитель, я не могу!

– Спасения нет. Делай, что сказал! – Митридат закрыл глаза.

Вакхид, помедлив, обнажил короткий меч, отвел руку назад и, сделав выпад ногой, направил меч для удара в грудь царя. Неожиданно по клинку Вакхида ударил кинжал Гипсикратии, не дав нанести смертельный укол. Взбешенный Вакхид, отступив, метнулся в атаку на женщину. Она закрылась кинжалом. Клинок воина заскользил по ее клинку. Амазонка, стремительно развернувшись, приставила лезвие кинжала к горлу Вакхида. Тот от неожиданности замер.

– Пока я жива, – сердито выпалила женщина, – никому не позволю причинить тебе вред, великий царь.

Митридат открыл глаза:

– Ну ладно, опустите оружие.

Гипсикратия убрала кинжал в ножны, отошла. Узвленный Вакхид продолжал смотреть перед собой ничего не видящим взглядом.

– Вакхид, убери меч! – царь повысил голос. – И слушай меня: возьми десять всадников и направляйся в Пантикапей. Выполняй приказ!

Вакхид ушел и вскоре с отрядом всадников поскакал выполнять безрассудный приказ. Митридат, всегда подверженный резким перепадам настроения, медленно вышел из оцепенения, перевел взгляд на Гипсикратию и устало произнес:

– Ты моя Ариадна. Подобно ей, пожалуй, выведешь меня из лабиринта смерти... – Бесстрастным тоном он добавил: – Жизнь и смерть – это безумный танец преодоления человеческой природы, но в этом танце я испытываю наслаждение.

Его настроение улучшилось, появилось желание сделать что-то значимое. Царь обратился к начальнику охраны:

– Осел готов?

– Да, владыка.

– Отступаем в Коману.

С отрядом всадников из личной охраны численностью до восьмисот человек Митридат и Гипсикратия поскакали из военного лагеря понтийцев на восток, надеясь на удачу, туман и приближающуюся ночь.

Римляне взяли лагерь Митридата без боя. Большой отряд римской конницы пустился вдогонку за царем. В тумане преследователи разделились, и одна из групп практически настигла беглецов, но солдаты наткнулись на осла, навьюченного мешками с золотом. Увидев высыпавшиеся из дырявых мешков монеты, римские солдаты бросились делить золото, дав царю время уйти.

Но уйти недалеко. Лукулл предвидел, что Митридат попытается прорваться из окружения. На основных путях отступления уже были устроены засады.

В шатре понтийского царя хозяйничали римляне.

– Император, мы захватили казну и гарем Митридата с десятью наложницами, – докладывал обстановку легат Мурена, когда главнокомандующий уселся на походный трон монарха. – Царя нигде нет, отряд Сорнатия преследует его.

Грозно посмотрев на военачальника, Лукулл отрезал:

– Поймать царя! Доставить его ко мне живым!

Бросив взгляд на убранство роскошного шатра, повертев в руках золотую статуэтку грифона, терзающего волчицу, он подозвал к себе военного летописца:

– Пиши: «Преследование продолжалось долго и затянулось на всю ночь, пока римляне не устали не только рубить, но даже брать пленных и собирать добычу».

Лукулл, человек высокообразованный, надменный и упрямый, снова взглянул на статуэтку грифона – мифического существа с головой, когтями и крыльями орла, а телом льва. Подозвав к себе Мурену, своего старого соратника, дальновидного и храброго генерала, он сказал:

– Посмотри на статуэтку. Это – послание. Митридат намекает, что подобно мифическому крылатому существу, соединяющему ум и силу, он имеет власть над небом и землей, не так ли?

– Да, Лициний, – отвечал Мурена. – Похоже, Митридату хочется верить, что он вращает колесо судьбы.

– А знаешь, я припоминаю: в греческих книгах грифона зовут стражем сокровищ и тайного знания, – Лукулл произнес это с загадочным выражением лица.

«Так-так, – думал он, – хвастаешь тайным знанием, ну посмотрим, чья возьмет!»

В шатер входили военные с очередными донесениями, новостей о царе не было, как вдруг появился легат Секстилий:

– Пойман раб, личный парикмахер царя! При нем царская диадема. Он утверждает, что Митридат убит.

– Привести!

Ввели связанного раба лет тридцати с короткими волосами, в понтийской черной куртке с широким красным поясом, шароварах и высоких сапогах. Лукуллу подали диадему Митридата. Главнокомандующий держал в руках символ царского достоинства и не мог поверить, что случилось невозможное: чудовище повергнуто! Головное украшение царя в форме золотого

обруча с белыми лентами, свободные концы которых свисали до плеч, имело династическую эмблему понтийских Митридатидов – шестилучевую звезду над полумесяцем. Несомненно, это – диадема Митридата. Греческие источники писали о ней. Слово диадема по-гречески означает проведение народов, а тот, кто обладал этим предметом, являлся предводителем нации.

Полководец в упор глянул на пленника:

– Ты знаешь, кто я?

– Да, император.

Лукулл удовлетворенно окинул взглядом подчиненных: даже варвары знают, что он император.

– Откуда же ты меня знаешь?

– Царь часто о тебе говорил.

– И что же он говорил?

– Называл тебя великим полководцем, достойным ему противником.

– Неужели? Твой царь большого о себе мнения. – Сделав паузу, Лукулл смягчил тон: –

Как тебя зовут? Ты ведь не понтийский грек?

– Да, император, я Децебал, фракиец. Парикмахер.

– Говоришь на латинском?

– Да, и еще на многих языках.

– Ты сказал, что царь убит. Почему я должен тебе верить?

– Я сам видел, как стрела настигла его и он упал с коня.

– Откуда у тебя царская диадема?

– Генерал Диафант дал ее мне и приказал доставить в Пантикапей сыну царя Фарнаку.

Теперь он царь Понта.

– Какая коллизия! Всем известно, что Митридат неуязвим, а ты утверждаешь, что он убит. Так где же правда?

– Я говорю правду, император!

– Не верю! Очередная уловка царя. Послушай, Децебал, скажи, где Митридат, и помоги его поймать, и получишь свободу, сможешь вернуться на родину.

– Я всего лишь раб, верно служивший господину. Своей родиной давно считаю Понтийское царство, принял новую веру.

– Фракиец, принявший чужую веру?! Он предан царю до мозга костей, правды от него не добиться... Увести!

Когда раба увели, Лукулл распорядился:

– Оставить в живых, этот раб хорошо образован: можно выгодно продать.

Деревья в ночном лесу, где прятались Митридат и Гипсикратия, отбрасывали длинные таинственные тени, лунный свет с трудом проникал сквозь сплошную путаницу ветвей, а влажный белый туман лениво клубился по земле, скрывая взволнованных беглецов. Гипсикратия, ожидая новых атак, встревоженно спросила:

– Куда же мы пойдём?

– Осталось одно – искать защиту в Армении у Тиграна, – ответил Митридат. – Он мой родственник, и не откажет мне. – В глазах царя засверкал озорной огонек: – Знаешь, Гипсикратия, теперь мы выберемся. У меня есть магнит.

Затушив костер, они сели на коней и продолжили путь. Ловушек Лукулла больше не было, а проводником им служил небольшой сосуд с водой: в нем плавала пробка с маленьким магнитом. Воины Митридата и его охрана спасались, кто как мог, – разбившись на мелкие отряды, они искали себе убежище в недоступных горных районах.

Глава 2. Нашествие змей

В это время правитель Великой Армении Тигран II, еще не зная о крупном поражении понтийского войска, находился в столице своего царства городе Тигранакерте в великолепном дворце, построенном недавно по его повелению. В пурпурном одеянии, обложившись шелковыми подушками, он возлежал на диване, покрытом ковром с изображением дракона, и, вкушая яства, разложенные на приставном столике, лицезрел совершенство красоты – виртуозные движения танцовщиц, исполняющих перед владыкой танец «Дароне».

Вокруг на диванах и пуфах из тканей со сказочными узорами, сплетенных армянскими мастерицами из золотых, серебряных и пурпурных нитей, сидели придворные, главным образом губернаторы областей, военачальники, дипломаты, иностранные гости и члены царской семьи. Женщины-аристократки составляли общество своим мужьям. В зале витали ароматы жасмина и благородного вина.

– Наша жизнь здесь, на Армянском нагорье, – загадочное переплетение фантастики и реальности, – сказал Тигран сидевшему на соседнем диване царю Атропатены Дарию Мидийскому. – Мы живем в привычном мире, но нам в нем не уютно. За однообразной очевидностью скрываются чудеса огромного масштаба, и это благо иметь хорошее воображение.

За спиной царя со строгими лицами стояли двое – министр Васак и начальник службы безопасности Меружан, в зале неусыпная стража зорко следила за присутствующими. Виночерпий Генуни, самый приближенный к царю чиновник (у него Тигран иногда спрашивал совета), неустанно подливал царям прекрасное армянское вино.

Хотя культура эллинов проникла на Восток, и многие мужчины, начиная с царя Тиграна, подражая заведенной еще Александром Македонским моде, тщательно брились, все же в одежде, убранстве и пище доминировал армянский стиль, правда не без влияния Персии.

– Дорогой Дарий, – говорил Тигран, – в наши дни весь мир говорит и думает по-гречески, а театр, поэзия и философия эллинов захватили умы просвещенных людей.

– Несомненно, великий! У них есть пленяющие нас произведения, – поддержал Дарий.

Вечер. Огонь в бронзовых канделябрах высвечивал в большом полутемном зале умиротворенные лица царедворцев, актеров и музыкантов. На стенах в такт мерцания языков пламени трепетали высеченные в камне изображения львов и орлов – символов силы и власти, – и вместе с длинными тенями колонн они являли мир вечерних видений. Повсюду устланы великолепные египетские тапесы и армянские ковры, придавая интерьеру утонченную роскошь.

– Как ты находишь танец? – обратился Тигран к Дарию Мидийскому.

– О царь царей, танец девушек красивый и изящный.

Титул «царь царей» Тиграну уступил парфянский царь, что означало старшинство верховного азиатского правителя над другими царями. Когда-то армянский правитель Арташес I, основатель династии Арташесидов, уже носил этот титул. Он попытался соединить под своей властью территории, где проживали армяне. Удалось многое, но не все: не получилось присоединить к Великой Армении Малую Армению, Цопк и Коммагену. Впрочем, царство Цопк, теперь называемое Софена, уже двадцать лет как захватил его внук Тигран II, поставивший перед собой беспрецедентную цель – создать небывалую державу в Азии и приобщить армянский народ к мировым ценностям.

– Как тебе моя новая столица? – поинтересовался Тигран.

– Тигранакерт – поистине чудесный город, его надо видеть самому, иначе трудно поверить, что такое возможно возвести. Твоя столица – символ величия твоих побед, – с поклоном отвечал Дарий Мидийский.

Тигран, владыка с поседевшими волосами, умным и выразительным лицом, пронзительным, завораживающим любого собеседника взглядом, удовлетворенно кивнул. Ему уже семьдесят, и новая столица вызывала у него законную гордость за проделанную работу.

Город Тигранакерт, находящийся в южной части Армянского нагорья, в широкой долине на берегу реки Нимфия, притока полноводного и быстрого Тигра, был неприступной крепостью. С севера его защищали крутые горы, с юга горные складки и холмы (проходы в них знали только армяне), с запада река, с востока глубокий ров с водой, вокруг города возведены высокие крепостные стены. Дворец армянского царя располагался на высоком плато, примыкавшем к крутым склонам гор, а ниже дворца лежал город ремесленников, земледельцев, торговцев и воинов.

Всякий, кто прибывал во дворец, поражался величию постройки. Великолепное здание, имеющее десятки залов и сотни помещений, утопало в зелени деревьев и экзотических цветов, свезенных со всей Малой Азии, региона, который греки также называли Анатолия, то есть Восток. Пруды, окружавшие дворец, создавали прохладу, в них плавали лебеди и утки, плескалась рыба. Вода из этих прудов не только охлаждала и увлажняла знойный воздух в саду, но и протекала в специальные шахты дворца, где испарялась, и охлажденные и насыщенные влагой потоки воздуха поступали во все помещения, неся в зной спасительную прохладу и создавая благоприятную атмосферу в монументальном здании.

В саду гуляли олени, по деревьям прыгали обезьяны. Все звери в жару получали охлажденные арбузы, были накормлены и ухожены, радуя глаз царя и приближенных. В приятной прохладе деревьев работали свободные граждане, вольноотпущенники и рабы.

– Я построил этот город, полагая, что о мощи царства судят по столице, – Тиграну нравилось говорить на эту тему. – Другая моя столица, славный город Арташат, основанный дедом Арташесом I, потерял главенствующее значение.

– Понимаю, о великий! – сказал Дарий Мидийский. – Ты хочешь поднять свой народ на новый уровень развития, из патриархальной старины до высот цивилизации. Я последую твоему примеру.

Тигран кивнул. Тигранакерт действительно являлся богатым и роскошным городом и, по мысли царя, должен стать центром армянской культуры и новой цивилизации. Дарий Мидийский, искренне восторгаясь столицей, обратился к Тиграну, называя его братом. Цари всех стран в те времена называли друг друга «брат».

– Брат, ты неслыханно расширил пределы своего царства. Твоя держава простирается от Каспийского моря до Западного моря...

Западным морем на Востоке называли Средиземное море, как это завели когда-то ассирийцы.

Тигран гордо заявил:

– Через Тигранакерт проходят торговые пути из Индии и Китая. Я контролирую их. Арташат же теперь – на окраине моей державы.

Царь Атропатены лукаво сощурился:

– Алчный Рим с завистью наблюдает за усилением твоего могущества.

– У Рима завышенная самооценка, – холодно отозвался Тигран.

– Ты прав, – сказал Дарий, – но Риму не нужен сильный лидер во главе Великой Армении. Тебе будут противодействовать.

– Придется считаться со мной, – взгляд Тиграна стал тверже.

– Да, царь царей, ты сильный лидер, вокруг твоей фигуры объединились элиты почти всех государств Востока, быть рядом с тобой – великое счастье и наслаждение.

...Волшебный, неповторимый и таинственный танец, выразительные целомудренные движения, передающие ритуальный смысл образов, смена положений в медленном ритме, плавность и грациозность во всем. Созерцающая отстраненные лица девушек, бесшумное скольже-

ние их ног, царь погрузился в поток мыслей, и энергия, исходящая от танцовщиц, обволакивала его, пробуждая желание и наслаждение. Акомпанемент зурны, каманги, дгола, кифары и иногда греческой флейты, гордая осанка красавиц, их мягкие движения, шелковые платья с золотым шитьем и сверкающие украшения завораживали взгляд, добавляя танцу элементы медитации.

– Царь Дарий, посмотри, какие страстные, утонченные, красноречивые движения!

Действительно, танцем можно выразить внутренний мир человека, особенно если греческая и восточная культуры в ритмичных движениях проникают друг в друга. Греки вообще считали, что танец из всех искусств наиболее влияет на душу.

– Государь, должен заметить, что персидское влияние на культуру наших стран также большое, – проронил Дарий Мидийский, отпив вина из кубка.

Дарий Мидийский покровительствовал в своем царстве Атропатена зороастризму, религии, пришедшей из Персии. Персы стали цивилизованным государством благодаря Киру Великому, завоевавшему Вавилон с его богатым наследием. Мировой центр культуры и искусства раньше был в Афинах, а теперь постепенно перемещается из медленно угасающей Греции (ее захватил Рим) в Великую Армению. Перемены проявились не только в культуре, но и в религии. Тигран в его царстве воспринимали как бога. Он понимал: быть божеством для миллионов людей – значит влиять на обычаи и традиции народов, на их язык. Из многих племен с разноязычной речью Тигран лепил один народ с сочным и красивым языком, и, как видно, успех не заставил себя ждать: армянская знать подражала царю, а простой народ знати.

Тигран обратился к Дарию Мидийскому:

– Я рад, что ты мой верный союзник и с удовольствием отдаю тебе в жены свою дочь.

Тем временем танец девушек закончился. Появился распорядитель вечера:

– Великий царь, тебе свое искусство покажет чародей Иопад из Египта!

На середину зала вынесли богато украшенный цветным орнаментом и иероглифическим письмом сундук. Музыканты заиграли. Появился человек в длинной и широкой одежде, в полосатом платке немесе. Он двигался с благоговейной торжественностью, медленно и важно. Накрыв сундук синим покрывалом, чародей поднял руки и нараспев произнес заклинание. И, о чудо! Сундук медленно оторвался от пола, немного поднялся и завис в воздухе. Иопад стал вращать руками, и сундук завращался в одну сторону, в другую, а потом по велению артиста опустился на место. Царь и все придворные с неподдельным восторгом смотрели на невиданное диво. Искусные фокусники всегда завораживали публику.

Сдернув покрывало, чародей открыл сундук, продемонстрировав, что тот пуст. Подошла помощница, красивая девушка в золотистом плаще-нарамнике, с повязкой на голове и золотыми браслетами на руках. Придерживая крышку сундука, она дождалась, когда Иопад залезет внутрь. Крышка захлопнулась, девушка взошла на сундук, накрыв себя покрывалом. Мгновение, и покрывало откинута: перед публикой вместо помощницы предстал переполняемый гордостью и счастьем Иопад. Он раскланивается, спрыгивает на пол, открывает сундук, а там красивая помощница, но уже в белом нарамнике. Метаморфоза! Чародей удивил повелителя необычным зрелищем.

Представление продолжалось. У артиста в руках четыре платка: синий, желтый, красный и зеленый. Сложив вместе, он скомкал их, и вдруг возник большой золотистый платок. Сделав пассы, он сдернул платок, представив публике шкатулку изящной работы. Иопад с поклоном стал приближаться к Тиграну. На его пути встал Меружан.

Чародей воскликнул:

– Да будет благословен царь Великой Армении, это подарок ему! – и передал шкатулку Меружану.

Тот рассмотрел шкатулку со всех сторон и попытался открыть. Тщетно.

– Меружан, принеси, я взгляну, – приказал Тигран.

Это была увесистая, необыкновенно красивая персидская шкатулка хатам – инкрустация по дереву. Восьмигранная, с узорами из эбенового дерева, слоновой кости и раковин устриц, с золотыми и серебряными вставками. На крышке изображена птица-солнце с распростертыми крыльями. Над ее головой диск, в когтях символы возрождения. В диск и символы ювелир вмонтировал хорошо отшлифованные камни оранжево-красного сердолика. Тиграну понравилось, что ему прочат не только возрождение, но и любовь, ведь сердолик, как известно, способствует возникновению любви. Тремя пальцами он одновременно нажал на все три камня, в шкатулке что-то щелкнулось, крышка открылась.

Тигран похолодел. Из шкатулки высунулась светло-желтая смертельно опасная, угрожающе шипящая египетская кобра. Холодные немигающие глаза змеи неотрывно следили за человеком, и, чтобы лучше учуять запах добычи, кобра высунула язык. Отвечающий за безопасность царя Меружан застыл в оцепенении. Царедворцами овладел страх. Змея приготовилась к броску. Не теряя самообладания, Тигран молниеносным движением схватил змею. Шкатулка с шумом упала на пол, по залу прокатился испуганный вскрик. Царь держал змею в вытянутой руке, неотрывно смотря ей в глаза, а затем бросил к ногам Меружана. Одним точным движением меча тот обезглавил гада, и еще двумя ударами прикончили окончательно.

Меружан с извиняющей улыбкой посмотрел на Тиграна, а монарх, изменившись в лице, показывал рукой в центр зала:

– Смотри!

Меружан обернулся. Из сундука поднимался человек во всем черном с мечом в одной руке и кинжалом в другой. Со злобным лицом, не оставляющим сомнений в намерениях, он пошел на царя. От неожиданности глаза Меружана широко раскрылись, но реакция была инстинктивной. Без промедления бросившись с обнаженным мечом наперерез наемнику, он вступил с ним в схватку. Меружан сделал выпад, собираясь вонзить меч в грудь наемника, но тот отбросил меч кинжалом, Меружан попытался нанести удар мечом по ногам убийцы, тот отступил. Смертельная схватка двух мастеров разгоралась.

Царь, выхватив из рук телохранителя короткий меч, приготовился отражать нападение. Подходы к царю блокировали стражники; десяток воинов, обнажив мечи, окружили бившихся в центре зала Меружана и наемного убийцу. Приближенные и царедворцы, вскочив с мест, в страхе повалили из зала.

Иопад поспешил было к выходу, но на его пути выросла фигура министра Васака. Схватив египтянина за одежду, царедворец притянул его к себе и пронзил кинжалом. Бросив медленно сползающее тело на пол, Васак побежал к Тиграну и встал на его защиту. Царь, хмурая брови, исподлобья глядел на происходящее, и уже был готов сам вступить в бой.

Вдруг из сундука полезли змеи, в основном кобры-убийцы, одна за другой, и, растревоженные невообразимым шумом, быстро расползлись по залу. Людей охватила паника, на ходу сбивая друг друга, они с криками стремглав выбегали вон. Одного из стражников большая кобра укусила за палец. Бедолага немедленно отрубил мечом укушенный палец.

Охрана отеснила Тиграна вглубь зала, а потом и вовсе увела. Стражники закрывали двери – не дать змеям расползтись по дворцу, – уничтожая мечами ползучих гадов. Подосланный убийца раз за разом атаковал Меружана, но в какой-то момент открылся, и, получив от армянского военачальника смертельный удар в голову, рухнул.

Глава 3. Тревожная ночь

Ночь в дворце Тиграна была беспокойной. Стража с факелами обходила помещения, проверяя нет ли змей и на предмет чего-то подозрительного. Никто не спал, обсуждали неудавшееся покушение на царя.

В тронном зале столкнулись двое приближенных – министр Васак, возглавлявший службы по наследованию, дипломатии и шифрования, и азарапет Гнуни, начальник дворца, ведавший финансами и налогами царства. Два царедворца ненавидели друг друга, но, соблюдая баланс сил, установленный Тиграном, справедливо полагали, что для прочности царства лучше вести себя учтиво, правда, в личной беседе не стеснялись в выражениях.

– Я приветствую высокомерного министра Васака.

– Не могу сказать, что в такой час рад встрече с министром Гнуни.

– Уж не твоих ли рук покушение? – финансист с подозрением смотрел на оппонента.

– Почему ты так решил? – возмутился Васак.

– Уж очень быстро ты заколол чародея.

– Люди часто обвиняют других в том, в чем виноваты сами. Кстати, ведь это ты из казны оплатил артистов?

– Казной распоряжается лично царь, – раздраженно отмахнулся Гнуни.

– Я дипломат, – Васак гордо выпятил подбородок, – и забочусь об успехах царства во внешних делах.

– Дипломатия, как известно, не только печется о мире. Бывает, и войны развязывает...

– двусмысленно сказал Гнуни.

– Нет, я занимаюсь другой дипломатией: хочу всех убедить следовать законам Тиграна.

– Надеюсь...

Васак насмешливо посмотрел на Гнуни:

– Мы все любим нашего государя, пусть боги даруют ему много лет жизни. Лично я готов отдать жизнь за царя.

Они разошлись по сторонам.

В царских покоях верховный жрец Спандуни успокаивал Тиграна. Они сидели напротив друг друга на жестких стульях с высокими спинками.

– Великий царь! – говорил Спандуни. – Этот мелкий эпизод твоей жизни не должен поколебать веру в свое предназначение. К тебе подослали наемных убийц, но бог Арамазд избрал тебя на благое дело и потому не дал свершиться злодейству.

Тигран горестно отвечал:

– Учитель Спандуни, с каждым разом мои противники изобретают все более изощренные уловки, чтобы убить меня. Я стар, но хочу завершить начатые реформы.

– В тебе соединилось все лучшее, что за тысячи лет своей истории накопили армяне. Ты, мудрейший и храбрый, жаждешь бессмертия своего народа. Жречество поддерживает тебя.

Спандуни воодушевлял царя, а тот, погрузившись в невеселые мысли, думал о бессмертии народа: бывает ли оно в жестоком мире, где народы рождаются, живут и погибают? Если да, то вот она высшая цель любого владыки. Вопрос в том, как обеспечить своей нации право на вечную жизнь. Ответ Тигран еще не нашел, зато чувствовал противодействие замыслам. Воцарению Тиграна предшествовало знамение – необычный небесный гром над Араратом. Что это? Знак свыше? Создав великую державу, государь стал строить мир во имя процветания народа.

Жрец изрек:

– Ты отличаешься большим умом и дальновидностью, я буду молиться за тебя.

– Спасибо, учитель. Ты духовный предводитель армян, помогай же мне творить добродетель!

Пятьсот лет назад незабвенный царь Персии Кир II Великий, захватывая соседние царства, все же оставался для их народов спасителем и исцелителем. Следуя ему, Тигран проявлял милосердие к покоренным народам. А еще Кир высказывал идею свободы вероисповедания, и эта мысль тоже запала Тиграну в голову.

Жрец ушел и тут же охрана впустила в покои сыновей царя. Артавазд, старший сын, красивый и сильный, двадцати одного года, прекрасный борец и храбрый воин, и Тигран Младший, высокий, бледный, утонченный, девятнадцати лет, отличный наездник, эмоциональный, остро реагирующий на несправедливость. Длинные распущенные волосы обоих юношей в те времена считались символом мужества и величия.

Царь встал и с осанкой, исполненной благородства, направился к ним.

– Два царевича пришли узнать, жив ли царь после змеиного нашествия. Как видите, жив и очень зол.

– Отец, я молил бога, чтобы с тобой ничего не случилось, – сказал Артавазд. – Ты всегда можешь положиться на меня.

– И на меня тоже, – произнес Тигран Младший. – Мой меч был готов вонзиться в наемного убийцу.

– Вы оба пылкие, сильные и высокоодаренные юноши, достигли больших успехов в науках, литературе и языках, я горжусь вами.

Царь отвернулся, желая закончить аудиенцию, но тут услышал голос Тиграна Младшего:

– В час тревоги нам не хватает рядом матери.

Резко развернувшись, Тигран сердито посмотрел на сына:

– Я отдалил от себя вашу мать Клеопатру Понтийскую, потому что она предала меня дважды.

Жена царя Клеопатра Понтийская, дочь Митридата, настроила против правителя двух старших из четырех сыновей, и оба погибли. Зарей по наущению царицы, когда царь находился в походе, отчеканил монету с надписью «Царь царей Зарей», поднял мятеж, но был разбит и обезглавлен. Тигран Средний осмелился надеть царскую диадему, когда на охоте государь упал в обморок. Это царица, решив, что с мужем покончено, убедила сына поступить так. Юноша также поплатился своей головой. Оба предали не только царя, но и идеалы, ради которых он жил. Предательство не прощалось.

– Отец, я, как никто другой, помогаю тебе во всех делах, – пылко произнес Артавазд.

– Вы оба моя надежда, один из вас продолжит дело отца. Но кто? Кто достоин взять на себя непосильную ношу быть гегемоном в Азии? Ты, Артавазд, ты, Тигран, а может быть, мой брат Гурас?.. Я еще не решил.

– Любой из нас готов стать во главе народа! – выпалил Тигран Младший. – Но мы любим свою мать, а она любит тебя. Страдая в крепости Сафа, просит вернуть ее в Тигранакерт.

– Вернуть сюда, чтобы продолжила интриги? Она дочь Митридата, а убийство царственных родственников – привычное дело в их роду.

После рождения Тиграна Младшего Клеопатру Понтийскую как подменили. Она вмешивалась в государственные дела, задумала отравить царя и править страной, хоть от имени сына, хоть без него. Власть портит людей.

Артавазд воскликнул:

– Мой меч никому не позволит поднять на тебя руку!

– Дорогой Артавазд, на царской диадеме изображен орел – символ мудрости, а мудрость и есть главное оружие против врагов.

В покои быстрым шагом вошел Меружан. В этот вечер именно он заколол наемную убийцу, выполнив долг телохранителя и друга. На ходу он говорил:

– Государь, есть срочное сообщение от нашей разведки: Митридат потерпел поражение от римского войска под городом Кабира.

Царь, потрясенный известием, на мгновение окаменел, затем справившись с волнением, мрачно произнес:

– Удача отвернулась от него, как когда-то от Ганнибала, а его мечта о создании мощного государства эллинов, по всей вероятности, несбыточна. Он жив?

– По нашим данным он направляется к границе твоего царства.

Многие называли Митридата деспотом, но у Тиграна он вызывал уважение: талантливый военачальник, властолюбивый и энергичный человек.

Взглянув на сыновей, царь молвил:

– Не сомневаюсь, он прорвется.

– Отец, почему же? – недоумевал Артавазд.

– Потому что у него есть одна черта характера, которой я всегда восхищался. Он упорно движется к поставленной цели.

– Но цель не всегда покоряется ему, – дерзко усмехнулся Тигран Младший.

– Ему покорялись и разноликая масса народов, и сильные царства. Он принял на себя роль защитника греческой цивилизации в соперничестве с римской. А знаешь, какую приоритетную цель он избрал?

– Нет.

– Остановить движение Рима на Восток.

– Нельзя выбирать недостижимые цели, – не унимался Тигран Младший. – Он затронул римские интересы, и республика ему этого не простила. Давно следовало поменять цель.

Глядя в упор на младшего сына, Тигран вразумительно истолковал ему:

– Сын, меняйся сам, но не меняй мечту, умей постоять за себя, но не забывай об интересах государства! – Оборотившись к Меружану, приказал: – Завтра утром собери военный совет! Свободны!

Когда все вышли, Тигран опустился на стул, погрузившись в тяжелое раздумье. Его охватили беспокойство и грусть. В комнату неслышно вошла Аревик двадцати четырех лет, наложница царя, красивая как богиня. Длинные пышные каштановые волосы, пухлые губы, миндалевидные глаза, обаятельная улыбка, гордая осанка – гармония во всем. Словно прекрасный цветок, она вызывала восхищение мужчин и зависть женщин. Ее одежда из тончайшей белой ткани виссон, на ее голове шапочка с висюльками филигранной работы, на лбу ленточка с цветами из драгоценных камней и жемчуга, на руке браслет в виде змеи. Ее томный взгляд завораживал Тиграна прямо-таки невероятно.

Она подбежала к государю и, сев к нему на колени, обвила руками шею, поцеловала в губы.

– Ты красивая женщина, и любишь меня, – сказал он. – Ты сокровище, сумела наполнить мою жизнь любовью.

Счастливая и довольная, она протянула руку к столику с вином и фруктами, взяла золотой кубок и, наполнив его вином из кувшина, подала Тиграну:

– Выпей, мой царь!

Тот выпил, поставил кубок на столик и поцеловал ее в губы. Любуясь ею, произнес:

– Ты мое солнышко.

Наложница восхищенно взглянула на царя. Она умела пробуждать в нем самые сокровенные желания, ее пластичность, изящество, эмоциональность приводили Тиграна в неописуемый восторг.

– Ты меня обольщаешь? – спросил он.

– Ты жаждешь наслаждений, – отвечала она.

Нежными прикосновениями и поцелуями ей удалось разогнать тоску и печаль государя, его мрачное настроение начало меняться, возникло состояние умиротворения и блаженства. Улыбаясь, он промолвил:

– Тебе нет цены.

Среди наложниц царя было много певуний и танцовщиц, услаждающих слух и взор, но Аревик единственная обладала волшебной и манящей силой.

– Старость в поисках молодости... – пошутил Тигран.

В беспокойном дворце на террасе два царевича спорили между собой. Тигран Младший горячо отстаивал свое мнение:

– Артавазд, неужели ты не понимаешь, что отец хочет отдать корону своему брату. Нас с тобой он ни во что не ставит.

В недавней истории такое уже бывало. Царь Парфии Фраат I перед смертью не назначил преемником ни одного из своих сыновей, а передал трон брату.

Артавазд отмахнулся от надоедливого брата:

– Отец понимает, что ты не готов править.

Тигран Младший настаивал:

– Он безрассудный и сделает ошибку, отдав трон тебе или Гурасу.

– Сегодня отец чуть не погиб.

– А ты уже приготовился занять его место? Мечтаешь о победах и великих свершениях?

Артавазд, не отвечая на колкость, спокойно отреагировал:

– Ненавижу высокопарное «великие дела», «великие свершения». Любое стоящее дело великое. Неужели ты не понимаешь, что змея могла укубить царя? Да, я был близок к тому, чтобы занять трон, но бог Арамазд защитил государя и не дал свершиться безумному преступлению.

Тигран Младший выпалил:

– Ты, кроме как махать мечом и драться, ничего не умеешь! Я предназначен к правлению!

– И не мечтай, Тигран! – решительно заявил Артавазд. – Я старший сын царя, и трон достанется мне!

– Похоже, тебе не терпится перенять пышный титул царя царей!..

Внезапно Тигран Младший схватил Артавазда за пояс и, весь кипя от накопившейся злости, попытался провести бросок, однако соперник увернулся, сбил брата с ног и прижал коленом к каменному полу:

– Остынь, Тигран, в борьбе кох тебе меня не победить.

Посрамленный Тигран Младший угрюмо пробурчал:

– Я вызываю тебя на бой завтра, после совета. Ты обязан принять вызов, таков обычай.

– Договорились.

Глава 4. Ложные надежды

В зале военного совета за большим столом расположились самые опытные военачальники и наиболее приближенные к царю сановники. Сам Тигран, слушая подчиненных, сидел в резном кресле, установленном на возвышении. За его спиной висел царский штандарт красного цвета с вытканными золотом восьмилучевой звездой и двумя орлами. Стены зала из натурального камня увешаны боевым бронзовым оружием и щитами, темно-зеленые колонны увиты золотистой лентой, а капители изображали парные головы львов. В углу на небольшом куске мраморной колонны стояла большая бронзовая чаша, по форме напоминающая греческий килик. Обломок колонны – немой свидетель овеянных мифами и легендами великих событий – Тигран привез из разрушенного Александром Македонским царского дворца в Персеполе. Наполненная водой «Чаша мира» была богато орнаментирована сценами войны.

Тигран II никогда не принимал решение единолично, по каждому направлению деятельности у него были советники, к мнению которых он прислушивался. Прямо перед ним сидел спарпет Мамиконян, главнокомандующий войсками Великой Армении, мужественный и решительный человек могучего телосложения. Он докладывал:

– Римляне теснят войска Митридата, сражения уже идут на территории Понтийского царства. К сопротивлению готовы лишь крепости.

– Митридат может вновь овладеть ситуацией, – высказал мнение полководец Багарат.

– Он уже ничего не может, и, прежде всего, рационально мыслить, – заявил заместитель Меружана Кухбаци. – Беспечный эллин!

Все вспомнили, как в Эгейском море, имея огромный флот, Митридат все потерял. Его бездарные флотоводцы, не вступив в сражение, проиграли его. Эгейское море часто штормит, и в тот день разыгралась буря, потопившая флот Митридата. Теперь римские суда свободно бороздят Понт Эвксинский (Черное море).

– Я согласен с Кухбаци, – сказал Меружан, человек жесткий и бесстрашный, не раз доказавший свою бесконечную преданность царю. – Митридат потерял чувство реальности.

Теперь все вспомнили штурм города Кизик. Это был провал, которого не знала история. Понтийский царь не сумел взять город, обороняемый горсткой защитников, и потерял три четверти армии. Вскоре подошли римляне. Тигран и скифы прислали Митридату на подмогу отряды пехотинцев и всадников, подошло немало наемников из местного населения, но понтийский царь все равно потерпел поражение, но уже от римского полководца Лукулла.

Высказался Гнуни, осторожный, неподкупный и находчивый царедворец:

– Я предрекаю крах Понта.

Царь Тигран поднял бровь, сказав этим веско и много, не произнеся ни слова. Он знал, что Вифиния – небольшое государство фракийцев, захваченное когда-то Митридатом, – уже отвоевано римлянами. Если падут очаги сопротивления в Понтийском царстве, это будет означать: Митридат потерял царство, а римские войска вышли на границу Великой Армении. Слушая своих советников, Тигран думал о сложном положении, в которое попала его держава. Но он продолжал верить донесениям разведки и силе своего гения.

– Васак, – обратился он к министру, – доложи военному совету разведывательные данные!

– Да, государь, – Васак, высокий и незаурядный царедворец, встал. – В дипломатической почте и донесениях разведки говорится, что римский сенат не готов ввязываться в войну с Арменией. Рим занят подавлением восстания рабов под предводительством Спартака и войной с непослушными легионами в Испании. Для нашего царства опасности нет.

– Ложные надежды! – выкрикнул старик астролог Вараздат. – Звезды говорят, что Восток в опасности, с запада исходит гибельное свечение. Тигран, поставь надежную защиту!

Царь понимал: цели Рима на Востоке – обогащение за счет грабежа и владычество. Римские богачи и спекулянты ждут побед Лукулла, и тот может не ограничиться Понтийским царством. Пойдет ли он дальше, только богам известно.

Тигран заключил:

– Не стоит недооценивать полководца Лукулла.

Васак примирительным тоном произнес:

– Я бы не стал преувеличивать опасность. Мы мощная преграда от нашествий парфян на запад, и Рим это понимает.

Встал Евсевий, армянский мудрец, историк и советник царя:

– Государь, вот уже двадцать пять лет царствуешь ты в Великой Армении. Митридат поставил тебя в сложное положение. Реши, что для тебя важнее: оказать помощь своему союзнику Митридату и ввязаться в войну с Римом или завершить начатое твоими предшественниками дело – сделать Великую Армению могущественным государством?

Его слова разбудили у Тиграна воспоминания. Долгие годы, тогда еще царевичем Армении, он провел в качестве заложника у парфянского царя. Это царство основали скифы, необычайно воинственный народ, ловкие наездники и отличные стрелки из лука. Однажды, разбив Армению в бою, парфяне обложили ее данью. Отец Тиграна выполнил требование парфян и отправил сына ко двору парфянского царя. Там юноша пережил трагедию, но продолжал верить в возрождение своей державы и ее великое предназначение. Когда царский трон Великой Армении опустел, Евсевий посоветовал молодому Тиграну уступить парфянам семьдесят плодородных долин. Сделав так, он получил свободу, а став царем, пошел войной на Парфию и вернул обратно все земли своему царству. Теперь парфяне боятся его, как огня.

Взойдя на престол Тигран II тут же оказался в водовороте судьбоносных событий: Парфянское царство погрузилось в смуту, Понтийское царство, подчинив своей власти все Причерноморье, возвеличилось, Тигран породнился с Митридатом VI, Римская республика после гражданской войны встала на грань развала, парфяне уступили Тиграну Месопотамию и титул царя царей... Он поверил в свое предназначение. Но одна мысль не давала ему покоя: какова его роль в возвышении родины и как воспользоваться властью, чтобы восторжествовали мир и гармония в царстве?

Военный совет ждал решения царя. Тигран встал, подошел к «Чаше мира». С благоговением он дотронулся до нее. Древняя чаша несла в себе идею собирания, бессмертия, преданности и надежды. Она всегда наполнена водой как символ мира и богатства государства. А надпись по верхнему краю чаши гласила: «Мудрость дороже золота, благоразумие порождает пользу, а отвага – половина победы». Полководец и завоеватель, умудренный опытом и способный к ясному анализу правитель, Тигран имел все свойственные армянам качества: редкостное упорство и врожденные чувства справедливости, доверчивости и мечтательности. Он принял взвешенное решение.

– Мы союзники Митридата, и будем верны союзническому долгу. В Риме продолжают считаться с мощью Великой Армении и не хотят вступить с нами в войну.

Военный совет завершился, и два царевича пошли в рощу недалеко от дворца, чтобы помериться силой на площадке для борьбы. Артавазд в хорошем настроении, по-мальчишески сверкая глазами, говорил:

– Брат, боги тоже любят сходиться в дружеской схватке, ведь борьба кох тренирует истинно мужские качества.

– Когда у богов кох, в Армении землетрясение, – обмолвился Тигран Младший.

Древний вид единоборства кох имел сложный ритуал, уходящий корнями в тысячелетия. Тогда культура боевых искусств была одним из важнейших проявлений повседневной жизни армян.

Разминаясь, Артавазд продолжал:

– Отец рассказывал, что в молодости, когда Эллада попала в подчинение к Риму, его допустили к участию в борцовских состязаниях на Олимпийских играх. Он тогда стал победителем.

Тигран Младший ехидно заметил:

– Услышав это, я должен восхититься и восславить богов?

– Вспоминая твой поступок накануне, – сказал Артавазд, – я бы предпочел, чтобы перед началом боя, как это делают олимпийцы, ты дал клятву соблюдать правила.

– Хочешь обвинить меня в мошенничестве? Отец учит идти к поставленной цели, но одними надеждами ее не достичь. Превзойти тебя – вот моя цель!

– Прежде чем намечать цель, попрощайся с бессмысленными иллюзиями, что ты станешь царем.

Площадка для коха – это яма, засыпанная песком, а поверх песка – отруби, на них стелется ковер. Поединок начался. Главной целью соперников, одетых в опоясанные чоху (кафтан), являлся кох, то есть бросок соперника на спину, либо выталкивание его за пределы площадки.

Артавазд крепко стоял на ногах. Сильный, ловкий и выдержанный, он со знанием дела проводил приемы борьбы. На это раз и Тигран Младший, вступив в схватку, проводил захваты более умело, чем накануне. Вот Артавазд провел бросок, и младший брат упал на спину. Прижав его коленом к земле, старший протянул руку:

– Ну, вставай, Тигран, тебе не помешает еще потренироваться.

В спортивном азарте Артавазд не заметил, как из-за деревьев вышли двое в черных масках и схватили его за руки. Его держали, а подошедший Тигран Младший остервенело наносил удары кулаком в живот брата. Артавазд держал удары молча, только вены на шее вздулись от злости.

Тигран Младший наносил удары еще и еще и визгливо кричал:

– Пощады ты, конечно, просить не будешь! Но ты ведь не пожалуешься отцу? Гордость не позволит рассказать, что младший брат побил тебя.

Устав, он кивнул подручным отпустить брата. Глядя на Артавазда, упавшего на колени, он, как бы ставя точку в поединке, сказал:

– Ты крепче меня, но победитель схватки не обязан быть самым сильным. В былые времена хитрость приравнивалась к доблести.

Артавазд медленно поднял голову и с презрением произнес:

– Ты ничтожество, но я вызываю тебя на поединок. Победитель схватки обязан принять вызов, таков обычай.

– Договорились!

За поединком наблюдали, оставаясь незамеченными, двое. Это были министр Васак и его помощник, телохранитель и доверенное лицо Багдасар.

– Похоже несладко пришлось Артавазду, – сказал Васак. – Хороший урок преподнес ему Тигран Младший.

– Детеныш хочет обратиться в волка, – хихикнул Багдасар.

– В конце концов Тиграну Младшему придется стать волком, иначе не выжить ему и трона не видать.

– Он любит власть; мы могли бы это использовать, – Багдасар зловеще улыбался.

– Ты прав. Он именно тот, кто нам нужен.

Васак двусмысленно посмотрел на Багдасара, подобострастно говорившего:

– Если кто и должен быть царем, так это ты, основав новую династию.

– Претендентов на трон из династии Арташесидов еще много... – ядовито заметил Васак.

– Ну это как сказать... – прищурился подручный.

– Во всяком случае, надо внушить Тиграну Младшему, что лишь он один достоин трона. – Васак посмотрел на своего помощника: – Следи за ним и его друзьями из аристократической знати! Их энергию попытаемся направить в нужное русло.

– Посеем вражду во дворце – пожнем бурю во всем царстве, – хохотнул Багдасар.

– Что ты все улыбаешься? Никогда не выдавай своих волнения или радости. Тот, кто умеет ждать, получает желаемое... Я поскачу к Митридату. Царь Тигран поручил поговорить с ним, чтобы составить мнение и вовремя принять меры.

Глава 5. Почетное пленение

Митридат VI Евпатор, царь Понта и Боспора, стремился во всем подражать Александру Великому. В политике, идеологии и даже в официальных изображениях он не просто копировал своего кумира, а искал изюминку для развития образа божественного освободителя Азии. В зависимости от настроения он надевал на себя определенную маску: то он безрассудный Дионис, то мифический Геракл, то непобедимый Александр. Теперь пришлось оставить патетические образы могущественного военачальника и богоравного героя. Он в Армении, а царь Тигран не спешит с ним встретиться, более того, в крепости Бнабел, предоставленной ему, хозяйничала армянская стража, весь персонал тоже был армянский. Больше похоже на почетное пленение.

В большом зале в неистовом танце, напоминающем понтийский танец «Сэрра», двигался Митридат, разгоряченный бодрящей музыкой и неумеренным пьянством. Под аккомпанемент кемендже (лира), зурны, даула (барабан) и кавала (флейта) он танцевал так, будто хотел забыть все печали. В зал вошел присланный Тиграном министр Васак и изобразил притворное удивление:

– Я вижу вакхические пляски! Такие танцы и пьянство чужды ясному уму и пылкому темпераменту эллина.

– Конечно, я кружился в безумном танце жизни и смерти, но как приятно нарушать порядки, зная, что отвечать не будешь. – Они обнялись, музыканты затихли, а Митридат продолжил: – Я тот, кто подчинил себе целое море – Понт Эвксинский, прозванное персами Черным. Мой гарнизон стоит даже в крепости Евпаторий, а племена скифов и тавров – мои союзники. Легендарная Колхида, так почитаемая греками, моя сатрапия.

– Ложь – осколки правды! Увы, от твоих владений ничего не осталось, – парировал Васак.

– Все течет, все меняется.

– Конечно меняется. Но ты все тот же: коварен, жесток и хитер, – шутил Васак.

– Коварен? Преувеличение. Жесток и хитер – да. Моего предшественника царя Понта убили римляне. Римские ростовщики хотели прибрать к рукам царство.

– Говорят, ты убил своих мать и брата? – как бы невзначай спросил гость.

– Она мне не мать. Я убил ее, потому что женщина хотела моей смерти, а брат организовал заговор против меня. Зато я устроил им пышные похороны. Да, я, подобно Дионису, совершал убийства, будучи взбешен, но люди меня почитают, так как я один шел против великанов, облаченных в римские доспехи.

– Ты отождествляешь себя с Дионисом?

– А разве ты не знаешь, что я сын бога и был рожден из бедра Зевса?

Эллины, как ни странно, объявили Митридата живым воплощением бога Диониса. Ходили легенды, что он вскормлен и воспитан Силеном, богом с рогами, хвостом и копытами, научившим царя всем знаниям и искусствам, в том числе, виноделию и пчеловодству, открывшим ему тайны природы и наделив пророческим даром. Вот откуда в его характере соединение животного и низменного с серьезным отношением к наукам и искусствам. Он многому научился. Например, входя в пророческий экстаз, видел будущее.

– Предскажи, что нас ждет! – воскликнул Васак.

– Эллины говорят, что Силен неохотно делится с людьми знанием будущего: для этого надо его поймать хитростью, – захохотал Митридат.

– Я принес дары Дионису, – лукаво подмигнул Васак.

– У меня все есть. Вот дары Диониса: зерно, поддерживающее жизнь, и вино, веселящее душу.

– Если ты Дионис, ты должен понимать не только человеческие языки, но и птичьи и звериные... – Васаку явно нравилось поддерживать разговор.

– Я, мой друг, знаю все языки современного мира. В Пергаме, в грандиозной библиотеке, я провел много часов.

– Кто же ты? Кого я вижу пред собой – энергичного и наделенного острым умом человека или полубога?

– Мне нравится, когда меня, смертного, сравнивают с Гераклом, – прыснул Митридат.

– Государь, в Риме Дионис почитается под именем Вакха.

– Это западное варварство, – возмутился Митридат. – Я греческий бог и веду ожесточенную борьбу с Римом.

Васак вдруг стал серьезным:

– Я принес тебе неприятную весть. Мои шпионы сообщают из Боспора, что Диокл, которого ты направил за помощью к скифам с золотом и многими дарами, перебежал к Лукуллу.

Митридат помрачнел. Какое-то время он выглядел растерянным, но потом взял себя в руки:

– Все неприятности случаются в неподходящее время... От Диокла я подлости не ожидал. Но огорчаться не буду, неудачи бывают у всех. Ты хотел узнать будущее. Так вот, я принял имя бога Диониса – бога умирающего и воскресающего, бога страдающего и побеждающего, – потому что имею сверхъестественные способности, пророческий дар и неуязвимость...

– Ты не договариваешь. Речь идет о магии? – перебил его Васак.

– Вся моя жизнь преисполнена мистики, – ответил Митридат. – Я неуловим, всегда возрождаюсь из пепла, и предсказываю: Диокл погибнет, а свое царство я себе верну.

– А как насчет Великой Армении?

– Сейчас на Востоке самый могущественный человек – это царь Великой Армении Тигран II. Я хочу встретиться с ним и просить вступить в войну.

– Царь не расположен воевать с Римом.

– Не забывай, он мой родственник, я отдал за него свою дочь, он не может мне отказать. Тем более, я сам царь Армении. Ха! Я царь Малой Армении!

История темная. Правитель царства Малая Армения Антипатр взял Митридата под свое покровительство, когда тот спасался от убийц, а потом вдруг умер, завещав ему все свои владения. Разноречивые слухи о том, как это произошло, распускались по всему громадному полуострову Малая Азия.

– Царь Тигран тебя очень уважает, – примирительно сказал Васак.

– Твой царь – человек сильной воли и твердого характера, жесткий и решительный правитель. Я глубоко уважаю армянский народ. Армяне трудолюбивы, изобретательны и храбры, я много раз в этом убеждался.

– Царю Тиграну понравятся твои слова, я передам.

– Скажи ему еще, что у него дерзкий ум, его поступки непредсказуемы, и в этом его сила.

Митридат знал себе цену, и мог убедить любого. Его имя на персидском языке означало «дар Митры» или «богом данный». Ничего не доставалось ему в жизни легко – за все приходилось бороться. Он мог заниматься делами без отдыха, для достижения своих целей не останавливался ни перед чем, добивался своего любой ценой и любыми методами. Он не знал равных себе в искусстве верховой езды и стрельбы из лука, хитрый и изворотливый ум этого человека обладал умением читать мысли собеседника, он умел завоевывать симпатии простых людей, которым обещал свободу от налогов и избавление от гнета Рима, и те охотно служили в его армии или снабжали ее.

Принесли еще вина и собеседникам подали наполненные кубки. На руке у Митридата Васак заметил браслет с когтем птицы. Царь поднес коготь к кубку и опустил его в вино.

– Коготь грифона, – пояснил он. – Очень ценная и нужная вещь. Он меняет цвет в присутствии яда, поэтому я всегда кладу его в сосуды для питья.

Выпили вина. Васак дружелюбно произнес:

– Чтобы хоть чем-то порадовать тебя, хочу сообщить, что твои осажденные города Амасия, Синопа, Амастрис и Гераклея оказывают римлянам упорное сопротивление.

– Твои слова для меня словно бальзам! – возрадовался Митридат. – Я предчувствовал: впереди предстоят большие дела.

– Твой боевой дух подпитывают месть и жажда борьбы, – Васак смотрел на царя с восхищением.

– Да! Сегодня же отправлю письма скифским вождям, парфянскому царю и своему зятю Тиграну II. Я полон энергии, хочу и дальше быть предводителем азиатских народов в борьбе с врагами.

Они тепло попрощались, Васак ушел, а Митридат кивнул музыкантам. Заиграла кемендже, и под музыку, приплясывая, он снова впал в экстаз.

Глава 6. Восточный базар

Среди ночи Тигран открыл глаза. В дворце установилась настороженная тишина, в окне мерцают звезды. Легкий ветерок колышет шелковый полог балдахина, огонек масляной лампы едва озаряет спальню царя. Вдруг незримая тень, коварно проскользнув под полог, по складкам покрывала стала приближаться к изголовью. Тигран в ужасе приподнял голову, отпрянул. Огромная змея подползала все ближе, змеиное шипение доносилось отчетливее. Постоянно увеличиваясь в размерах, змея раскрыла пасть, готовясь напасть, но нет, он понял: она хочет войти в человеческое тело и завладеть им. Спасаясь, ценой невероятных усилий, он соскочил с кровати. Из всех щелей поползли другие змеи. Шипя, они обвинялись вокруг него и вонзали острые зубы. Змеи были везде и нигде. Царь задыхался, возникла боль в груди и... он проснулся.

Кошмарный сон. Медленно возвращалось ощущение пространства и времени. Государь огляделся: все тихо и спокойно, от дуновения ветра трепещет в светильнике огонек. Необъяснимое тревожное чувство охватило Тиграна. Весь в холодном поту он выглянул в окно. Южная ночь. Внизу, в долине, лежит спящий город, а вокруг него амфитеатром раскинулись поля, сады и виноградники.

Наступило утро. Тигран верхом на лошади следовал в храм бога Тира. Его сопровождали царедворцы и охрана. По пути царь тесно общался с губернатором столичной области Арзанена Барзапром, имевшим титул великий бдешх (правитель большой области).

– Я не хочу, чтобы об армянах думали только как о воинах-завоевателях. Мой народ – созидатель, он творец величественных городов, – говорил Тигран.

– Твой дворец, о великий, по красоте соперничает разве что с дворцом Дария I в Персеполе, к несчастью, сожженного Александром Македонским по прихоти женщины, – отозвался Барзапр.

– Дворец Дария жаль, но женская прихоть – не только затейливая фантазия, но и стимул, побуждающий мужчин к действию.

– На мой взгляд, – скупно проронил бдешх, – женская прихоть – тяжелое бремя расходов.

Величие и роскошь дворца Тиграна поражали воображение. Архитектура большого монументального здания с чудесными изваяниями и множеством надписей на разных языках подчинена одной идее – возвеличиванию царя царей. Античные капители уживались с изумительными армянскими каменными узорами, рельефные фризы изображали богов, героев, львов и орлов, колонны и двери имели золочение – все должно подчеркивать значимость царя.

– Что нового в Арзанене? – поинтересовался Тигран.

Барзапр отвечал:

– Мы стали добывать нефть.

Тигран удовлетворенно кивнул. Черная жидкость, которую персы использовали для обрядов огнепоклонничества, оказалась не так проста. Еще не все ее секреты раскрыты, но армяне уже применяли нефть в качестве вяжущего материала в строительстве, а также как зажигательную смесь. Врагам не нравилось, когда с крепостных стен их обливали горячей нефтью.

– Что ж, противник не дремлет, готовь ему сюрпризы, – сказал Тигран.

Дворец и город окружали толстые и высокие крепостные стены из тесаных базальтовых глыб, точно пригнанных, скрепленных железными скобами и бронзовыми шипами с заливкой из свинца – для защиты от землетрясений. В стенах много ниш с конюшнями и складами вооружения и продовольствия.

– Я основал этот город в центре державы, чтобы влиять на огромные территории вокруг, – говорил царь.

– Да, государь. Твоя столица – оборонительный пост, но контролирует и торговые пути, – охотно подтвердил губернатор.

Тигранакерт продолжал строиться. Царь стремился сделать свою новую столицу центром армянской цивилизации. Население формировалось способом, принятом тогда в мире, – в город переселяли чужестранцев из завоеванных государств и городов, однако прослышав о богатстве и красоте столицы Тиграна, много людей в поисках лучшей доли сами приходили в его столицу из разных уголков Малой Азии. И что интересно: все вдруг начинали говорить по-армянски.

– На днях я заключил договор с кочевыми арабскими племенами об охране торговых путей на юге, – поделился новостью царь.

– Неужели арабы будут взимать таможенные пошлины в пользу твоей казны? – искренне удивился собеседник.

– Да! Они сразу поняли, что торговля более увлекательное занятие, чем война.

Миновали строящийся театр в греческом стиле.

– Государь, зачем нам греческий театр? – недоуменно поморщился Барзапр.

– Греция, мой друг, создала мудрость мира, а ее искусство, украшая жизнь, постепенно проникает в армянскую среду. Мне претят суетность и невежество, разрушающие красоту.

Процессия царя приблизилась к храму, все спешили. Тигран, взойдя по девяти ступеням, вошел внутрь. В зале полумрак. Лучи солнца, проникая из оконцев в потолок, игрой света и тени усиливали впечатление от нехитрого убранства святилища. В зале витали благородные ароматы и дурманящие испарения лавра. Лучик золотисто-желтого цвета падал на мраморную статую Гермеса, привезенную Тиграном из похода в Финикию, и словно оживлял ее. Гермес – греческий бог торговли и проводник душ умерших в подземное царство, но в армянском царстве его отождествили с богом Тиром.

Главный жрец поклонился царю:

– Государь, ты прислал храму много даров. Богу Тиру сегодня принесли в жертву белого быка.

Бог Тир являлся писцом верховного бога армян Арамазда. Высоко, в обители богов, Тир записывал повеления Арамазда в отношении каждой человеческой жизни. Его храмы пользовались великой славой за прорицания и толкования снов, вот и царь пришел в храм истолковать свой сон. Жрец подвел владыку к стоявшим у алтаря в экстатическом состоянии семи жрецам-толкователям. Один из них сказал:

– Тир записал твои деяния, государь. Я читаю их на твоём лбу.

Другой произнес:

– О великий, Тир навеял тебе сон, открывающий будущее.

Третий попросил:

– Государь, поведай свой сон, мы объясним его значение.

Царь желал знать, что ждет его и хотел получить руководство в делах. В этом храме собраны лучшие толкователи снов, и Тигран поведал им приснившийся сон, повергший его в смятение. Жрецы слушали владыку с бесстрашием мудрецов, а когда тот закончил, монотонно заговорили один за другим:

– Бог Тир открывает нам твоё ночное видение.

– Тебя посетили духи, они, и только они питают склонность появляться в облике змей или драконов.

– Тебя мучает вопрос: «Что будет после тебя?» Тир предупреждает: «Опасность грозит твоему царству».

– Пробудились драконы-вишапы, заточенные твоим дедом в пещере на горе Арарат. Теперь оковы, видимо, пали. Из горы выходят черный дым и языки пламени, иногда земля трясется.

- Ты, Тигран, призван одолеть драконов-вишапов. Это – твоя личная война.
- Ты победишь или умрешь.
- Не бойся, драконы не выносят железо, огонь и молнию.

Сказав это, семеро жрецов умолкли и опустили глаза. Тигран, переполненный чувствами, пытался что-то спросить, но главный жрец, поклонившись, произнес:

– Это все, что мы видим, государь. Скоро ты встретишь человека, обладающего магическим знанием, и он откроет тебе больше; возможно, даже предскажет предзнаменования и божественное откровение.

Со смешанным чувством тревоги и просветления Тигран покинул храм.

Сердцем города был базар, живший по своим законам и правилам. Базар не терпел вмешательства властей и всегда играл особую роль, так как вокруг него складывалась вся жизнь местного населения. Где процветает торговля, там процветает государство. Дворец царя располагался подальше от шума и суеты, на самой окраине города, а базар Тигранакерта, окруженный жилыми кварталами, соседствующий с государственными и религиозными зданиями, подпитывался энергетикой народа. Город получал с базара еду, вино, специи, ткани, ювелирные украшения, торговые сделки, новости и сплетни. Это место поражало обилием рас, одежд и нравов, на каждом углу звучала армянская, греческая, персидская, арабская, арамейская и латинская речь. Восточный базар не только место торговли, но и пространство активного общения.

На осле едет старик. Молодой торговец вином, увидев его, кричит:

– Отец, подъезжай, попробуй моего вина!

Старик подъехал, в чашу ему налили вина.

– Мое вино лучшее в городе! – громко, чтобы слышали все вокруг, кричит торговец и тут же предлагает тост: – Выпьем за здоровье твоего осла, за его большие глаза и длинные уши!

Завсегдатаи смеются.

– Отец, скажи тост! – еле сдерживая смех, предлагает торговец.

– Что мне сказать? – озорно улыбается старик. – За здоровье моего осла! Слушай, осел, оказывается, в этом городе у тебя такой славный друг, а ты мне ничего о нем не рассказывал...

Публика одобрительно загудела. Старик, вызвавший расположение толпы, важно продолжил путь, а торговец, поставивший себя в нелепое положение, глупо глядел ему вслед.

Торговля согласно древнему постулату – двигатель цивилизации, и царь Тигран поощрял торговлю. Мимо города проходила большая дорога, объединяющая крупные торговые центры Азии. Из Китая армянские купцы везли шелк-сырец и шелковые ткани, из Александрии и Месопотамии – стеклянные изделия и сосуды, со всех концов Великой Армении привозили в столицу медную посуду, гончарные и столярные изделия, свинцовые трубы, ворсовые ковры и шитые золотом ткани.

Встречаются на базаре три знатных армянина. Они давно знакомы, одеты в длинные туники и фригийские головные уборы. Аргам, плавая на кораблях по Евфрату, занимается поставками армянского вина в города Месопотамии, Баграм содержит гостиницы по всей стране, Паруйр продает армянские абрикосы по всему миру.

– Баграм, друг, слушай меня! У тебя царские замашки, – весело говорит Аргам.

– Это почему же?

– Ну как же! Всем указываешь что делать, много льстишь, много лжешь.

– У меня есть и другие достоинства, – напыжился от гордости Баграм. – Но я готов побороться за престол!

Паруйр говорит:

– Не сомневаюсь. Ты так себя уважаешь, что можешь быть кем угодно.

– Предположим, ты будешь нашим царем, – продолжал Аргам, – но каким образом, имея самую сварливую в городе жену, будешь управляться с гаремом?

– Очень просто: вас обоих сделаю своими евнухами!

Все трое рассмеялись. Народ мудр, вот и сила государства обычно накапливается из этой мудрости, как озеро из неиссякаемых горных источников.

На базаре много людей. Встретились два иудея.

– Куда идешь ты, Асаф? – спрашивает Надав, торговец посудой.

– Мы с гостем идем подкрепить себя пищей, – отвечал Асаф, торговец пряностями.

– Какой гость, кроме тебя здесь никого нет? – удивляется Надав.

– Надав, а моя бедная душа разве не тот же гость в нашем теле? Сегодня она есть, а завтра, глядишь, и нет ее...

Когда царь Тигран ходил походом в Палестину, он взял в плен много иудеев, имеющих навык городской жизни, и поселил в Тигранакерте, Арташате, Армавире, Ервандашате и других городах страны, и иудеям в Армении жилось хорошо и свободно, а в торговле они особенно преуспели.

– Время сейчас стабильное, моя торговля пряностями процветает, – говорит Асаф.

– Асаф, хочу предложить тебе выгодную сделку, – шепчет Надав. – Я был в Египте, приобрел там мраморный саркофаг, а теперь уступаю тебе всего за сто драм.

– А что я буду делать с этим мраморным саркофагом? Живу я в маленьком доме с одной комнатой, места едва хватает мне, жене и детям.

– А два саркофага за сто двадцать драм?

– Вот это уже деловой разговор!

Они прошли мимо рядов арбузов, дынь, орехов, но задержались у сладостей. Понюхав запахи назука и пахлавы, пошли дальше.

Из храма бога Тира царь верхом на лошади в окружении многочисленной охраны и пестрой группы сановников поехал в сад, расположенный на холме рядом с дворцом, где в одеоне, построенном на греческий манер в качестве школы ораторского искусства, предстояла встреча с делегацией знатных горожан – каппадокийцев и киликийцев. В душе владыки боролись противоречивые чувства: надежда и безысходность. Неужели драконы, о которых рассказывают легенды, вырвались на свободу и теперь угрожают самому существованию Армении? И что значит «твоя личная война»?

Из сада, что на пригорке, он видел большой и шумный базар. Базар шумит – значит, жизнь кипит. Процессия остановилась, все спешили и устроились в одеоне. Греки уже сидели на каменных скамьях вокруг оркестры. На середину вышел каппадокиец Амфиохий:

– Великий Тигран, царь царей, греческая община приветствует тебя! Ты соизволил с нами встретиться, и мы с радостью приняли твое приглашение.

– Я очень уважаю греческий мир, давший миру философию, поэзию, риторику и театр, – сказал Тигран.

– Государь, – продолжил Амфиохий, – ты переселил сюда, в свою новую столицу, много греков из Каппадокии и Киликии, обеспечил всех землей, жильем и ремеслом. Но греки привыкли к демократии, то есть к системе свобод, где каждый ищет свой путь, а все терпимо относятся к выбору каждого.

– И что же вы хотите?

– Мы хотим иметь право делать неправильный выбор, и тогда демократия улучшит экономику, поднимет жизнь людей, приумножит доходы от торговли и ремесел.

– Сюда я также переселил много армян – каппадокийцев и киликийцев, и они довольны жизнью на новом месте.

– Мы, греки, хотим верховенство закона, равенство всех граждан перед законом и решение вопросов по большинству.

Царь промолвил:

– Платон писал, что избыточная демократия неминуемо влечет за собой тиранию.

Проигнорировав ремарку царя, Амфиохий продолжил:

– Твои царедворцы, чиновники и губернаторы далеки от народа, они думают только о своем кошельке. Ими не управляет дух соперничества. Мы обеднели.

Тигран, оглядев присутствующих, заключил:

– Говорят, у народа есть только сиюминутные интересы, люди подвержены эмоциям и манипулируются меньшинством. Но я вижу у моего народа колоссальный внутренний потенциал. Вам же советую работать. Работа избавляет от нужды.

С западной стороны дворца, погруженной в это утреннее время в черную тень, из окна на четвертом этаже вылез человек. Он был во всем темном: шелковая рубаша, жилет елак, куртка бачкон, тонкие шаровары. За красным поясом виднелся нож с ручкой из персикового дерева, на голове шапочка, лицо закрыто платком. Человек, прекрасно владея техникой скалолазания, неспешно передвигался вниз по вертикальной стене, легко переходя с точки на точку. Несомненно, между телом и духом этого субъекта наличествовала гармония. Ловко цепляясь за выступы, он аккуратно переносил вес тела с ноги на ногу, и наконец, добравшись до низа, спрыгнул на землю. Оглядевшись, он побежал к кустам и исчез в саду.

Базар, несмотря на ранний час, был полон жизни и зазывал покупателей. Повсюду яркие краски и блеск меди, пьянящие ароматы пряностей и благовоний, дразнящий, плывущий над торговыми рядами запах свежего хлеба. Торговцы расхваливали товар, кричали водоносы, жарился хоровец (шашлык), но людей тянуло к тандырам – керамическим полусферам с круглым проемом в верхе. В этих печах, не требующих много дров или соломы, готовили лаваш – тонкие пресные лепешки из пшеничной муки.

Торговая лавка – купольная постройка – представляла собой небольшую комнатку со сквозным проходом из одного торгового ряда в другой. На восточном базаре двери и окна – это переходы в иные пространства. В одну из лавок, благоухающую миррой и розой, где продавали смолы, масла, благовонную древесину и корни, зашел юноша в темной одежде с красным поясом. За поясом у него торчал нож с ручкой из персикового дерева, в руке небольшой черный мешок.

В лавке полумрак. Кто-то окликнул вошедшего:

– Береника, я здесь!

Вошедший обернулся. Красивое лицо с чистой, гладкой кожей, выбивавшаяся из-под шапки небольшая прядь светлых волос, выдавали девушку, юную и привлекательную. Это была Береника, наложница царя, чью мать царицу Сирии Селену I Тигран пленил и заточил в крепость Селевкия.

На освещенное место вышел мужчина лет пятидесяти в традиционной одежде армянина.

– Вот мой пароль.

Мужчина предъявил Беренике агатовую гемму с изображением оленя, на спине которого сидел орел. Эта гемма принадлежала матери Береники Селене I, дочери египетского царя Птолемея VIII, уникальной женщине, бывшей замужем пять раз. Все ее мужья – два египетских царя и три сирийских – умерли загадочной смертью. Ее сын сирийский царь Антиох XIII был недавно свергнут с престола Тиграном. Взбешенная Селена, перебравшись в Птолемаиду, что в Финикии, вступила в беспощадную войну с армянским правителем, покорявшим страны одну за другой. Тигран II осадил Птолемаиду, обороной которой руководила лично Селена, и после долгой осады город взял, излив на царицу гнев и мщение. Береника, став наложницей царя, была отдана Тиграну Младшему. Теперь девушка делала все, чтобы освободить мать из заточения.

– Я Сетос, – представился мужчина. – Тебя никто не видел, когда ты выбиралась из дворца?

Она сняла платок с лица:

– Думаю, нет. Как мать?

– Твоя мать, словно птица в клетке, пытается открыть ее, и не может, но хочет летать, поэтому не сдается.

– Затея с египетским чародеем и змеями не удалась, к Тиграну не так-то просто подбраться, – огорченно вздохнула Береника.

– Твоя мать продумала все до мелочей, но звезды были не на нашей стороне.

– Что она мне передала?

– У нее новый план. Вот кольцо с тайником под камнем! Камень откидывается, внутри яд аконитин.

Береника внимательно рассмотрела серебряное кольцо. Невзрачное, да и камень подельный, сердолик цвета ягоды кизила.

Она задумчиво произнесла:

– Мама всегда говорила, что кольцо – символ непокорности, а камень – обломок кавказской скалы, к которой приковали Прометея. Хочу верить, что это кольцо воплощает идею освобождения матери.

– Селена полагает, что отравить вино будет сложно, – сказал Сетос.

– Подсыпать яд в пищу царя невозможно. У него профессиональные пробогатели, – промолвила Береника. – Что же делать?

– Тебе поможет человек из свиты Тиграна. Твоя задача пронести кольцо в дворец и незаметно положить в пасть каменному льву из Персеполя. Лев среди прочих скульптур находится в тронном зале.

Береника спрятала кольцо за пояс.

– Сетос, возьми этот черный мешок, в нем два почтовых голубя. Я прикармливала их на своем окне. Передай матери: она обретет свободу, тиран умрет, а мой брат, как и прежде, будет править Сирией!

В этот момент в лавку заглянул стражник с большими черными усами по имени Джалал. Спуск Береники из окна дворца не остался незамеченным: на базаре вовсю шел розыск преступника. Увидев подходящего под описание подозрительного человека, Джалал, зло скалясь, спросил:

– А ну стой, ты кто такой?

Сетос, ощутив опасность, с размаху ударил кулаком по прилавку, опрокинув лоток с благовонными маслами. Раздался грохот бьющегося стела, масло растеклось по полу. Береника, схватив склянку с мускусом, немедленно плеснула вещество в лицо стражника, и еще запустила в него горсть черного молотого перца. Стражник взвыл, стал тереть кулаками глаза, а вдохнув крайне вонючий запах мускуса, попытался выбежать на улицу, однако поскользнулся в масляной луже и неуклюже грохнулся на пол. Барахтаясь в масле, он ревел как бык, чем привлек внимание остальных стражей. Береника, закрыв лицо платком, вместе со спутником выбежала из лавки на другую торговую улицу.

Базар зашумел еще громче, все смешалось. Стражники, не разбирая дороги, сметая все на своем пути, понеслись галопом за беглецами. По дорожкам покатались дыни, арбузы, персики, абрикосы... Покупатели в ужасе прижались к стенам, торговцы попрятались под прилавки, собаки залаяли, куры, почувствовав угрозу, вдруг полетели, петухи в испуге пронзительно закричали. Один из стражников с мечом в руке, наступив на спелую хурму, заскользил прямо к развалу с орехами, и жареные фисташки брызнули фонтаном во все стороны. Кто-то выкрикнул: «Богатым будешь!» Фисташковые орехи почитались как символ богатства. Другой стражник, пытаясь схватить беглеца, угодил в скотный ряд и, перепугав коз и овец, врезался

лоб в лоб в бородатого козла. Козел заблеял, страж истошно завопил. И недаром! У старого козла крепкие рога.

Береника и Сетос разделились. Последний смешался с толпой, а погоня сосредоточилась на девушке. Уходя от преследователей, она перебежала с одной торговой улицы на другую, карабкалась по стенам, лезла на крыши. Народ, окунувшись в невообразимую суматоху, перестал торговаться и, войдя в азарт, заметался по базару – поглазеть на зрелище. В одеоне на горе из-за превеликого шума прервалась дискуссия. Царь, его начальник охраны Меружан, а затем и все остальные повставали с мест и с холма в изумлении наблюдали за происходящим на базаре. Береника неслась по торговым рядам, совершая акробатические трюки, немислимые пируэты, прыгая как кузнечик. Оказавшись среди жилых построек, она, лавируя, бежала чуть ли не по стенам домов, а когда на пути возник огромный детина, широко расставивший руки, а за его спиной выстроились стражники, девушка с разбегу запрыгнула на амбала и, оттолкнувшись от его лысины, перелетела десяток воинов и побежала дальше.

Вооруженных людей прибывало. Казалось, беглецу не уйти, впереди высокий каменный забор царского сада, бежать некуда. Многочисленная стража с мечами стремительно окружала со всех сторон. Беглец, сделав немислимый прыжок с кувырком, перелетел через забор и оказался в царском саду. Стражники, крича и ругаясь, побежали к воротам. Народ окончательно потерял дар речи, когда человек в темной одежде и с красным поясом начал подъем по стене дворца. Он карабкался по вертикальной поверхности на глазах с интересом наблюдавших за одержимым верхолазом тысячи зрителей. Береника в мужском облачении и с платком на лице свободно чувствовала себя на стене из вулканического базальта. Ставя носки ног на зацепки и неровности, а иногда и повисая только на руках, она грациозно лезла все выше и выше. Наконец на четвертом этаже влезла в окно и благополучно исчезла.

Начался тотальный обыск помещений огромного строения. Пугая многочисленную придворную челядь, армию поваров и шумный гарем, стража врывается во все покои, переворачивая столы и стулья, рыская под кроватями и копаясь в сундуках. Преступника нигде не было.

В личные апартаменты Береники вбежали два стражника. Она сидела перед зеркалом из отполированного до блеска обсидиана (вулканическое стекло) в красивой расшитой узором ночной рубашке и с улыбкой на устах расчесывала гребнем свои пышные светлые волосы. Изобразив смятение и вскрикнув, она отбежала в угол и, прикрыв грудь руками, закричала:

- Что вам нужно, что случилось?
- Сюда мог войти мужчина в темной одежде. Ты видела?! – заорал стражник.
- Сюда никто не входил! – испуганно отвечала девушка.

Не слушая девицу, один стражник метнулся к сундуку, выбросил из него всю одежду, а другой залез под кровать и даже выглянул в окно. Убедившись, что посторонних нет, они ушли. Береника со спокойным видом подошла к зеркалу, села и продолжила расчесывать волосы.

Внутреннее убранство покоев красавицы было небогатым, с минимумом мебели и необходимыми вещами. Великолепный, работы пунических мастеров, сундук из кедра имел панели из слоновой кости с рельефными сюжетными сценками: прибытие кораблей, сбор урожая, несущие добычу солдаты, плененные ассирийцы и персы. Она привезла сундук с собой из Финикии, и он всегда напоминал ей о жизни у моря. На полу рассыпаны нежные лепестки крокуса и несколько шепоток шафрана, усиливающего желание.

Береника заплела волосы в косы и убрала их под головной убор саккос. Она знала, что в Армении, впрочем, как и в Греции и Риме, ее считали особенно красивой: белокурыми женщинами, по представлению людей, были богини; у греков и римлян натуральные светлые волосы считались редкостью. Взяв в руки кольцо, переданное ей Сетосом (оно лежало на столике и тем самым не привлекало внимания), она в задумчивости поднесла его к глазам, повертела, а затем положила в шкатулку с украшениями.

Дверь открылась. На пороге возник Тигран Младший. Встревоженный и недоумевающий, он приблизился к Беренике и, положив руки ей на плечи, внимательно всмотрелся в ее изображение в зеркале:

– Я испугался за тебя. Произошло невероятное: кто-то проник в дворец, взобравшись по стене. Наверное, очередной убийца отца. Спрятаться негде. Несомненно, его найдут.

Береника, прижавшись щекой к его теплой руке, ласково сказала:

– Главное, что ты вне опасности.

Развернувшись, она посмотрела на юношу своими голубыми глазами, похожими на два глубоких озера, и, притянув к себе, поцеловала в губы.

– Твои чары неотразимы, – говорил он. – Ты сумела пробудить мое не тронутое муками любви сердце.

– Твое сердце пылает от любви ко мне, – шептали ее губы, напоминая яркие рубины.

Тигран Младший со стоном произнес:

– Только ты любишь меня, остальные ненавидят. Сумасбродный отец не хочет мне оставлять престол. При первой же возможности убью его. И разгоню царедворцев: ни во что меня не ставят.

Он наслаждался созерцанием своей Береники, а она молча целовала его.

– Хочу растоптать брата... – уже не так уверенно говорил Тигран Младший.

Она, поднявшись со стула, прижалась к нему, обняла и поцеловала в губы. Он почувствовал, что раздиравшие его раздраженность и недовольство окружающим миром куда-то улетучились.

– Отец говорит, что женская прихоть не только затейливая фантазия, но и стимул, побуждающий мужчин к действию.

– Царь прав, – она улыбалась, – я помогу тебе обрести веру в себя. Служить женщине одно удовольствие.

Он доверился ей, страсть вырвалась наружу, они целовались и ласкали друг друга...

Глава 7. Опасный соперник Рима

На римском Форуме стоял древний храм двуликого бога Януса, олицетворяющего хаос. Двери храма Януса, владыки всех начал и начинаний во времени, держали открытыми в годы войны и закрывали в периоды мира. За все время существования Римской республики святылище ненадолго закрывалось лишь два раза. Война – главное дело римлян. Рим смотрел на завоеванные страны, как на свои поместья, почти все римские граждане извлекали из этих территорий выгоды: нобилитет управлял провинциями и обогащался, сословие всадников занималось в них откупам (сбором налогов), легионеры делили военную добычу.

В Риме размеры зданий и роскошь их наружного убранства были ограничены стесненным городским пространством и необходимостью считаться с общественным мнением, но зато в домах видных аристократов делалась мировая политика и вырабатывалась теория управляемого хаоса. В доме Луция Домиция Агенобарба, как и в жилищах других знатных римлян, роскоши не было. Суровые воззрения политика в эпоху республики допускали лишь скромность и умеренность, поэтому его дом отличался от других только красивым обрамлением дверей и окон и расположением на холме.

Хозяин дома, патриций, представитель известного рода аристократов Домициев, ярый сторонник Помпея, прохаживался со своими гостями в атриуме. Он сопровождал главного гостя народного трибуна Гая Манилия, имеющего право вето на решения патрициев, а также трех известных людей республики: Квинта Марция, претора (второй человек после высшей власти консула), ведавшего судебными делами между римскими гражданами и чужестранцами, Мания Глабриона, претора, ведавшего внутренними судебными делами и Авла Габиния, военного трибуна. Последнему покровительствовал сам полководец Гней Помпей. Говорили о восстании Спартака, охватившего всю Италию.

– Слава Юпитеру, армия завершает подавление восстания, – сказал Габиний.

Победы Спартака, возглавлявшего рабов, лишили Рим всех военачальников и армии. Рим с трудом сформировал еще восемь легионов, и их возглавил претор Марк Красс, политик и богач. Сначала он, обнаружив, что солдаты роптали и случалось неповиновение, установил в легионах крепкую воинскую дисциплину: подвергнул войско децимации – казнил каждого десятого, – и дисциплина была восстановлена. Затем придумал, как подавить выступление рабов.

– Восстание идет на спад, – сказал Манилий. – Необычайно удачливый вождь Спартак убит, но беглые рабы все еще нападают на виллы, убивают землевладельцев. Думаю, еще немного, и Красс покончит с мятежниками.

Прогуливаясь с гостями по мозаичному полу мимо бюстов предков и мраморных фонтанов атриума, Луций, хозяин дома, решил перевести разговор на другую тему, очень интересовавшую его и ради которой он созвал этих людей.

– Пора свои взоры нам обратить на Восток, там лежат богатые земли, и там тоже неспокойно, – произнес он. – Когда Мурена потерпел полное поражение от понтийского царя и трусливо бежал с поля боя, мы назначили нового полководца Лукулла, чтобы заставить Митридата уважать Рим.

– На Востоке подняли головы антиримские силы, – подтвердил Глабрион.

– Да, должен сказать, что оттуда идут плохие вести, – произнес Марций.

Пока Митридат не мешал Римской республике, она выкачивала из Азии огромные ресурсы. Провинция под названием Азия (несколько захваченных государств) всегда исправно отправляла в Рим налоги и зерно, а цари Каппадокии, Пергама и Вифинии (на их земли распространялось владычество римского народа) с помощью дорогих подарков и громадных взя-

ток покупали расположение влиятельных политиков. Митридат все испортил. Он неуправляем, не повинуется Риму, злодей, разрушающий экономику республики.

– Митридат – жестокий и деспотичный правитель, не гнушающийся ничем для достижения своих целей, – вставил Глабрион.

Все прошли в таблинум, помещение с высокими потолками, в котором хозяин дома обычно принимал гостей и посетителей, и расселись в деревянные кресла.

– А знаете на чем покоится наша экономика? – с иронией спросил Габиний и, выждав немного, сам, как бы в шутку, ответил: – На непомерном потреблении!

Он забыл добавить, что римская экономика, в отличие от той, что описана у грека Ксенофонта в его трактате «Домострой», покоится еще и на несправедливом распределении награбленного и обманном обмене товарами.

Все рассмеялись, а Габиний добавил:

– И нам это нравится! Мы приветствуем такой порядок. Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку!

– Порядок из хаоса! – торжественно провозгласил Агенобарб.

Манилий с серьезным лицом произнес:

– Выкачивать ресурсы и извлекать выгоду из восточных земель становится все труднее. А массовое убийство наших граждан в Азии! Оно совершено по приказу Митридата. Неслыханное преступление!

Марций резюмировал:

– Эта резня свидетельствует о провале римской политики на Востоке.

– Вождей галатов, – возмущенно произнес Глабрион, – Митридат убил прямо на пиру, куда сам же их и пригласил!

Галаты – союз кельтских племен, переселившихся в III веке до н. э. в Малую Азию, образовав государство Галатия, ставшее подконтрольным Риму.

Манилий утешил собрание:

– Хорошо, что Лукулл разбил Митридата, ведь понтиец грозился изгнать нас из Азии.

– Его союз с Тиграном II Армянским – прямая угроза Риму! – вдруг серьезно заявил Луций Агенобарб.

Все насторожились. Армения считалась не просто опасным соперником, а единственным достойным противником Рима. Недаром это царство заняло главенствующее положение среди государств Азии. В сенате поговаривали, что Тигран силен как лев, богат как Крész (царь Лидии, которому платили дань все греческие города Малой Азии), его страна огромна, а воины храбры и хорошо вооружены. Римский сенат и раньше беспокоило это государство, столь высоко вознесшееся в своем могуществе.

Марций нерешительно признал:

– Непосильное бремя война с Арменией.

– Не все так просто, – задумчиво сказал Луций. – Полагаю, держава Тиграна внутренне непрочна. Власть армянского царя над покоренными народами опирается лишь на силу оружия.

В зал вошли рабы, разнося кубки с вином и фрукты. Гости с удовольствием лакомились.

Глабрион, закусывая, поморщился:

– Этот хитрый лис Митридат выдал свою дочь Клеопатру Понтийскую за Тиграна.

Все понимали: хоть Митридат и ослаблен, но союз двух царей очень опасен для Рима, и ввязываться сейчас в войну с Арменией – авантюра. Взять хотя бы то, как Тигран разделался с Парфией.

Габиний решил разрядить обстановку:

– Армения контролирует и охраняет большинство торговых путей из Индии и Китая в Рим, кроме того, Тигран сдерживает варварскую Парфию. Мы же не хотим, чтобы полчища парфян, этих дикарей, хлынули на запад? Так что Тигран делает доброе дело.

Агенобарб холодно произнес:

– Я выскажу свою точку зрения. Пора вмешаться в азиатские дела, время господства Рима на огромном полуострове Малая Азия пришло, и мы не желаем более терпеть там никакого соперника.

Все от неожиданности замерли. Однако Манилий поддержал Луция:

– Усиление Армении противоречит интересам Римской республики.

Каждому в этой комнате было ясно: Армения стремится к власти над всем Востоком, а это обширная территория: Малая Азия, Южный Кавказ, Армянское и Иранское нагорья, Месопотамия, Аравийский полуостров. Рим пока не готов к завоеванию Армении и придерживался стратегии равновесия сил, не позволяя усилиться ни одному династу.

– На все воля богов, – проронил Глабрион.

– В Риме давно никто не верит, что от богов что-то зависит, – пошутил Габиний.

Луций отстаивал свою точку зрения:

– Тигран слишком богат, чтобы его не рассматривать как потенциального врага. Митридат разбит, и, если раньше нельзя было одолеть союз двух царей, теперь армянский царь в одиночестве.

– Тигран ищет связей с Римом, – осторожно сообщил Марций, – его послы и сейчас здесь, в городе. Они, не жалея золота, подкупают сенаторов, трибунов и консулов, предлагают выгодную торговлю: лучшие в мире лошади, медь высокого качества, зерно, абрикосы, вино и многое другое...

– Я бы не стал занижать возможности Тиграна, – подал голос Глабрион.

Глабрион знал, о чем говорил. Армянский царь представлял большую опасность, так как имел боеспособную армию. Претору не давала покоя одна давняя история, рассказанная ему отцом. Ганнибал из Карфагена, безжалостный враг Рима, потерпев поражение от великого Сципиона и будучи в изгнании, нанялся к армянскому царю Арташесу I, чтобы возглавить его армию и снова пойти на Рим. Опасность для римлян была нешуточная. Арташес мудро решил не портить отношения с Римом и попросил Ганнибала заняться другим делом – подобрать место для новой столицы его царства и сделать проект крепости. Когда возвели Арташат, город стал богатейшим в Азии и получил прозвание азиатский Карфаген.

– Риму не нужна конкуренция ни со стороны Арташата, ни со стороны Тигранакерта! – решительно сказал Манилий.

Габиний встал и изобразил позу легендарного сенатора Катона Цензора и, копируя его, горделиво вскинул голову и театрально провозгласил:

– Карфаген должен быть разрушен!

Все посмеялись. Луций, прохаживаясь по комнате, размышлял:

– Итак, мы не можем закрывать глаза на усиление Тиграна Армянского. Он создал слишком большую армию из армян, наемников и воинов из числа покоренных народов. Армения как заноза в пальце! Конечно, сейчас не время входить в прямое столкновение, но готовиться нужно.

– Мы не можем думать о новых восточных походах, – изрек Марций, – у сената связаны руки.

– Выработаем план действий, – сухо объявил Луций Агенобарб. – Конечно, боги не решают нам вмешиваться в династические основы власти, в том числе и в вопросах наследования трона, но выход есть: младший сын царя Великой Армении, по нашим данным, настроен проримски и жаждет власти. Надо помочь ему устранить отца, а царь Парфии Фраат III поддержит нас.

– Лукулл сообщал, что есть человек, один из приближенных Тиграна, готовый сотрудничать, – вкрадчиво произнес Марций.

– Лукуллу нужно с ним встретиться, – резонно заметил Луций.

А Габиний уже прикидывал план действий:

– Сначала начнем словесную кампанию против влияния Великой Армении в соседних землях, затем под предлогом защиты слабых от порабощения вмешаемся в дела Тиграна, потом и сенат не сможет промолчать.

Агенобарб торжественно провозгласил:

– Здесь собрались мои доверенные лица, которым предстоит вершить историю в Азии! Обстановка сложная: в Этрурии постепенно завершается разгром остатков войск [Спартака](#), консулы, увы, ограничили власть сената, шпионы Митридата и Тиграна рыщут по Риму, донося царям о наших планах...

Посмотрев в упор на трибуна Манилия и видя в нем удобное орудие для воплощения своих целей, Луций громко сказал:

– В сложившихся условиях армию на Востоке должен возглавлять более решительный человек, чем Лукулл. У тебя, Манилий, есть право созывать народное собрание и право законодательной инициативы. Воспользуйся своими правами! Решение собрания – закон, обязательный даже для сената.

Затем Луций обратился к претору Глабриону:

– Сенату следует назначить тебя, Маний Ацилий Глабрион, командующим в войне против Митридата, для этого мы проведем тебя в консулы, и ты получишь эту войну.

Потом Луций подошел к претору Марцию:

– Мы также готовимся провести в консулы и тебя, Квинт Марций, чтобы ты стал проконсулом Киликии.

Повернувшись к военному трибуна Габинию, он твердо произнес:

– Авл Габиний, тебе предстоит стать народным трибуном! Надеюсь, тебя заинтересовала Азия? Проведешь через собрание ряд законов, а потом получишь одну из азиатских провинций, например Сирию.

Габиния можно было не убеждать. Как большая белая акула чувствует запах крови, так и он почувствовал запах золота, а потому провозгласил:

– Я верю, что Римская республика – самое богатое и могучее государство мира! Наш патриотический долг – одолеть противника и славить римских воинов, всегда проявляющих незаурядные героизм и мужество!

Марций его поддержал:

– Наши ценности мы будем распространять по всему миру!

– В Армении нужно действовать решительно! – твердо сказал Глабрион.

– Манилий! – вновь обратился Луций к трибуна. – Ты избранник народа, блюститель его интересов, охранитель его прав и достоинства. Займи позицию по Армении! Сенат заинтересован в том, чтобы заранее узнать твоё отношение к войне на Востоке.

Габиний заявил:

– Сенат самоустранился от решения армянского вопроса, власть трибуна – гарантия замены неэффективного главнокомандующего в Азии!

Уже прощаясь, когда все стали расходиться, Луций сказал Манилию:

– Народный трибун, твоё место среди сторонников Помпея. Я устрою тебе встречу с ним, а также с очень влиятельными людьми Рима – Цезарем и Цицероном.

Глава 8. Нокаутирующий апперкот

Первые лучи солнца нового дня, осветив Тигранакерт, заиграли на золотых украшениях фриза дворца. Артавазд с двумя товарищами направлялся на тренировку в гимнастический зал, построенный наподобие греческого гимнасия. Здание с портиками и обустроенными помещениями для школы, бани и раздевалок имело во внутреннем дворе площадку для физических упражнений на открытом воздухе. Здесь уже упражнялись воины-греки. Не найдя себе применения ни в земледелии, ни в ремесле, они с удовольствием шли наемниками в армию армянского царя, хорошо платившего и дававшего возможность неплохо обогатиться в ходе удачных военных походов. Подойдя к висящей груше – мешку из кожи, наполненном финиковыми косточками, – Артавазд с друзьями стал отрабатывать кулачный бой. Мешок держал Георг, а сын царя наносил удары по груше голыми кулаками. Из глубины зала послышался смех, а потом возглас:

– Ты бьешь как девчонка!

Артавазд обернулся. На него смотрел, оскалившись, грек Пиррос, наемник, задира и скандалист.

– Царевич! Боец из тебя дрянь, ты не сможешь одолеть даже блохи, – Пиррос явно злил Артавазда.

Георг, видя, что назревает драка, посоветовал Артавазду:

– Не обращай внимания. Лучший способ мучить своих врагов – быть всегда в хорошем настроении.

Но Пиррос, подойдя ближе, нагло заявил:

– Если ты не трус, сразись со мной, иначе все узнают, как бесславно и постыдно ты бежал из гимнасия.

Артавазд ответил, перефразировав слова Александра Македонского:

– Я готов посостязаться, если моим соперником будет царевич.

– Ну, конечно, тебе подавай удобных соперников, ты же вырос как неженка. Нет ничего более рабского, чем роскошь и нега!

– Ты просто хвастун. И чтобы со своими дружками запомнил меня надолго, я преподам урок, – жестко сказал Артавазд.

– Не восхваляй себя, пока не отведал моих кулаков, – засмеялся Пиррос.

Соперники вышли на середину площадки для упражнений, встали в стойку. Первым удар в область головы нанес Пиррос. Неписанные правила кулачного боя не бить по лицу и в голову сегодня были забыты. Артавазд успешно уклонился и двинул кулаком в грудь соперника. Почувствовав сильный удар, Пиррос перестал улыбаться и отпрянул. Товарищи царевича ободряюще закричали, а воины-греки застонали.

Кулачный бой продолжился. Противники наносили друг другу удары в голову, грудь, живот... Заражаясь злостью, Артавазд беспристрастно оценивал противника: «Не преувеличивай его превосходство, выяви слабые стороны». Царевич бил метко, двигался проворно, уходил от таранных ударов, делал нырки и уклоны, но его противник, гряда мышц, как боевой механизм, яростно наносил сокрушительные удары не только руками, но и ногами. Вдруг грек, поставив подножку, что запрещалось правилами, размахисто ударил Артавазда в плечо, тот упал.

– Вставай, лежачего не бьют! – орал Пиррос.

Царевич поднялся и встал в стойку. В зале появился Тигран Младший (пришел с друзьями потренироваться), и стал наблюдать за боем.

Пиррос победно кричал:

– Пока царь мне платит, я буду верным псом войны и готов продать ему свою преданность, если, конечно, сочту, что риск того стоит!

Артавазд замер, чтобы собраться с силами и отдышаться, а Пиррос уже перешел в атаку. Его кулак резко придвинулся к левому глазу царевича. Реакция Артавазда была молниеносной. Воспользовавшись зевком Пирроса (не закрыл голову), сын царя нанес ему удар в подбородок снизу. Получив апперкот, соперник отлетел и, свалившись без чувств, какое-то время не приходил в себя.

Артавазд, бросив взгляд на притихших друзей Пирроса, сказал Георгу:

– Наглые люди скорее бездарны, чем талантливы. Когда нечем похвастаться, они выставляют напоказ напускную храбрость.

Георг улыбнулся:

– Хвастун получил по заслугам.

– Пошли, Георг! Мне нужно присутствовать на малом совете отца.

Они поспешили в дворец. Ушел и Тигран Младший.

Возмутителя спокойствия, лазавшего по стенам, так и не нашли. Жизнь в дворце армянского царя вошла в привычный ритм. Тиграна II по-прежнему волновали вечные темы: его деяния на весах истории, его бессмертие в памяти потомков, его престолонаследник. Сопровождаемый Меружаном, он проследовал в зал заседаний малого совета. В большой комнате с зелеными колоннами и желтыми капителями, напоминающими нераспустившиеся бутоны цветков, царя ожидали сыновья, а также Гнуни, Васак и секретарь. Раньше в малый совет входила жена царя Клеопатра Понтийская, но теперь она отлучена от двора и проживала в крепости Сафа далеко от столицы.

– Секретарь мне сообщил, – сказал Тигран, садясь во главе стола в отделанное золотом и слоновой костью резное кресло, – сегодня очень насыщенный день, так что начнем.

Все поклонились, сели. Поднялся Гнуни:

– Государь, все губернаторы областей обеспечили исправное поступление налогов в царскую казну, за исключением области Парскахайк. Генерал-губернатор бдешх Зарех второй год подряд не справляется с заданием.

Бдешх Зарех, возглавлявший пограничную область, по мнению царя, не совсем понимал, что налоги – бремя тяжелое, но необходимое. Не будет налогов, нельзя содержать армию, страна станет зависимым государством. То же самое касалось и некоторых богатых армян, жаловавшихся в последнее время на тяжесть налогов, мол, для них платеж непомерный. Но большинство считало, что ничего не поделаешь, государственные расходы большие, кроме того, для крупных рабовладельцев государство – надежная защита от восстаний рабов.

Тигран обратился к финансисту:

– Передай Зареху: смерть и налоги – дело неизбежное!

– Да, мой государь! – Гнуни продолжал: – Содержание двора, государственного аппарата и армии увеличилось, но казна справляется, также своевременно направляются средства на строительство еще двух твоих столиц.

Тигран одобрительно кивнул. Гнуни продолжил:

– Государь, к следующему заседанию совета я подготовлю доклад о доходах от торговли и пошлин.

Финансист сел, а Тигран посмотрел на Васака. Тот встал и доложил:

– Поступили разведывательные данные из Парфии. Там взяли на вооружение новое секретное оружие – катафракты.

– Что это? – спросил Тигран.

– Тяжелый всадник с огромным копьем контос. И конь, и всадник покрыты пластинчатыми доспехами, их еще называют «панцирь».

– Интересно, – сказал царь. – Если парфяне разработают специальную тактику применения этого оружия, они смогут противостоять римскому легиону.

– Да, мой царь! Агент также сообщает, что копья могут крепиться к конской броне, а всадник при этом рубит мечом.

Тигран приказал:

– Секретарь, запиши: данные по катафракте передать главнокомандующему Мамиконяну для изучения и внедрения. Что еще?

– Государь! – встал Артавазд. – У римлян сейчас профессиональная армия, укомплектованная гражданами Рима. Подразделения из неграждан – на второстепенных ролях.

Быстро поднялся Тигран Младший:

– Государь, ты перенял у эллинов систему комплектования армии на основе наемничества. Здесь, в городе, мы содержим иностранных наемных воинов не менее пятисот человек. Это очень много.

Тигран раздраженно бросил:

– Ты считаешь, что я должен иметь гражданское ополчение?

Артавазд напомнил:

– Я учусь военному искусству и кое-что знаю. Армия Александра Македонского разбила более мощную армию царя Персии Дария, потому что Александр набрал армию из жителей своего царства, а у Дария были иностранные наемники.

Тигран Младший затараторил:

– Профессионал-наемник может хорошо хвастать, но не будет рисковать своей жизнью в случае опасности! У греков раздутое самомнение.

– И что же вы оба предлагаете? – царю не нравился разговор.

Артавазд сказал:

– Иноземцы должны служить только во вспомогательных войсках, их вооружать нельзя.

Оба брата сели. Царь задумался. Он никогда напрямую не сталкивался с римскими легионами, лишь недавно приступил изучать тонкости их тактики ведения боя. Греки же с ними воевали не раз. Возможно, в каких-то вопросах владыка делает ошибки, но пока наемники-греки во всех походах показали себя хорошо. В бою они проявляют твердость, и ничем не хуже воинов-армян. И потом – они еще не забыли, что римляне лишили их родину Грецию государственности. Вслух царь сказал:

– Мы будем совершенствовать свою армию, большие дела сразу не делаются. – Посмотрев на синяк под глазом Артавазда, изрек: – Если тебя побил грек, это не значит, что греки плохие бойцы.

Артавазд поднялся:

– Не помню, чтобы меня побили.

Никак не отреагировав на реплику, царь произнес:

– Все свободны, Васак останься!

Поклонившись, приближенные вышли, а Тигран и Васак, прохаживаясь по залу, завели щекотливый разговор.

– Мое царство огромно, от моря и до моря, – говорил Тигран. – Великая Армения в расцвете своего могущества. Сегодня три державы диктуют миру свою волю: Рим, Великая Армения и Парфия.

– Это так, государь, – подтвердил Васак.

Царь нимало обеспокоился усилением сверхдержав. Назревает новый раздел территории Малой Азии и Месопотамии. Опасность идет и с запада, из Рима, и с востока, из Парфянского царства. Два этих государства хотят увеличить свои владения. Готова ли Армения бросить вызов Риму и Парфии? Он, правитель, создал державу, где есть и военная сила, и экономическое процветание, и человеческие ресурсы. Сила – это хорошо, но любая держава не

может долго существовать без мудрой системы наследования верховной власти. Следует принять решение, кто наследует Тиграну. В случае кончины царя и при отсутствии особых оговорок о престолонаследии, действует «аваг сепух», то есть автоматическое наследование престола отца старшим сыном. Тигран, стараясь быть справедливым к своим сыновьям, одинаково нейтрально относился к обоим, хотя они и ждали от него хвалу и порицание.

– Выбор престолонаследника нужно делать, – сказал монарх.

– Твое решение всегда продиктовано мудростью богов, оно закон для меня, и будет исполнено незамедлительно.

– Опасна опрометчивость, Васак.

У царя два сына. Вопрос о наследнике важнейший. Они оба талантливые, целеустремленные и преданные. Но кому отдать предпочтение? Артавазд – могучий воин, но жесток и непредсказуем. Его удел – война, сражения, походы. Прекрасный полководец, бесспорно, и ненавидит Рим. Жестокость – главное качество царя, а сила решает все. Однако, старший сын мало интересуется делами управления огромным государством, не вникает в вопросы товарного производства, не хочет изучать законы торговли. Страна с таким правителем пропадет. Правда, он любит театр, даже пытается писать трагедии на греческом языке и хочет поставить трагедию Еврипида «Вакханки». Тигран с тревогой смотрел на Васака и думал: «Как же Артавазд постигнет тайны удержания державы в своих руках? Да, у него нет склонности к точным наукам, но мыслит он здраво и его цель – воссоединение армянских земель».

Тигран Младший во время учебы показал высокую одаренность, превзойдя остальных в изучении экономики, греческой письменности, культуры и религии. Он умен и особенно любит точные науки, знает, как управлять государством, у него благородные наклонности: учит языки, философствует, спорит со схоластами. Но он высокомерен и самонадеян, дерзок, хитер и изворотлив, никому не прощает обид, первым лезет в драку. А еще вспыльчив и задирист. Тигран подумал: «Обиды нельзя прощать, а вот быть заносчивым – это недальновидное поведение. Такие люди легко подвластны чужому влиянию».

Царь в упор посмотрел на министра:

– И кого же ты рекомендуешь мне в приемники?

Этот взгляд всегда пугал Васака. Казалось, государь читал его мысли. Боясь выдать себя, министр быстро произнес нейтральную фразу:

– Чтобы твоя держава после тебя не раскололась, я готовлю к царствованию обоих.

Тигран отвернулся, потом вышел на террасу. Глядя на плодородную долину, простирающуюся внизу, с полосками обработанной земли, садами и пастбищами, он уверенно произнес:

– Конечно, чтобы удержать созданное мной, нужны и ум, и сила. Ум нужен хотя бы для того, чтобы не скатиться обратно к варварству, а сила нужна, чтобы править миром. Так кто?

Васак опустил глаза:

– Великий царь, не я, а боги советуют тебе. Мой удел очень скромный.

– Ошибка в таком деле, как наследование, может дорого обойтись царству. Мы не вправе сделать ошибку.

Затаенные мысли вновь терзали Тиграна: «Я должен быть уверен, что моя держава будет процветать, но мир таков, что владыка становится тираном: кругом плетутся заговоры, ко мне подсылают убийц. Как совместить жестокость со справедливостью? Не знаю».

Вслух же он сказал:

– Мне предстоит еще много сделать, умирать рано. Не ведаю, сколько времени отпущено мне богами, но хочу обеспечить своему народу право на вечную жизнь.

– Я твой верный слуга! – выпалил объятый страхом министр.

– Васак, твоя задача подготовить сыновей к царствованию.

– Да, мой царь! Разрешь один вопрос. Рим предлагает тебе согласовать кандидатуру на престол Галатии, подконтрольной сенату. Вместо тетрархии – четырех равноправных властителей – они рекомендуют одобрить на трон лишь одного Дейотара.

– Ну что ж, я не против. Поручаю тебе провести переговоры. Поторгуйся. Как опытный дипломат, уверен, ты достойно будешь отстаивать мои интересы.

Наступил вечер, на город опустилась тишина, жара спала. Царь Тигран II в тронном зале восседал на золотом троне, украшенном фигурами фантастических животных – крылатых быков и львов с человеческими лицами. Изображения фантастических существ, по поверьям, должны оберегать царя от воздействия злых духов, сглаза и порчи темной энергией. Окруженный свитой приближенных, царь давал аудиенцию подданным. Рядом с тронном слева, скрестив руки на груди, стояли его сыновья, справа – цари Коммагены и Софены, вокруг расположилась верхушка армянского общества, военная и служилая знать, в том числе губернаторы областей. Ниже подиума, на котором находились государь и свита, восседали писцы из канцелярии, документирующие все сказанное.

Тронный зал многолюден и роскошен. Как и все дворцовые постройки, убранство этого зала провозглашало верховную власть царя, повелевающего огромной державой. Всякий входивший сюда переживал потрясение: подавляли торжественность, монументальность и грандиозность величия. Серые базальтовые стены, колонны цвета терракоты, капители в виде парных морд быков, развешенные бронзовые щиты и стяги, кованые канделябры и мраморные статуи – все это великолепие подсвечивалось сквозь оконца в потолке золотыми лучами заходящего солнца.

Царь благосклонно выслушивал жалобы и просьбы народа. В зал вошли очередные просители из гавара (уезда) Ротпациан, что в ашхаре (области) Утик. Они пали ниц, им разрешили встать и говорить с монархом. Вперед вышел самый старший из них.

– О великий царь, я Ованес из рода Каганкатваци. Ты отменил льготы для нашей общины. В горных районах земледелие – рискованное занятие. Была небывалая буря, посева уничтожены, мы понесли большие убытки и не можем поставить требуемые объемы ячменя, пшеницы и масла. А наш губернатор бдешх Халхал требует дать все. Просим помощи.

– Я велю бдешху Халхалу и моему казначею рассмотреть этот вопрос. Помощь будет оказана. Идите.

Следующая делегация говорила об уничтожении скота и что люди изнурены болезнями. Все случаи происходили в районе горы Арарат. Тигран задумался: «Какие силы наносят такой масштабный урон?» Царедворцы тревожно шептались.

Вслед за представителями провинции в зал вошли пятеро аристократов из знатных родов государства. Вперед вышел Аравелян, старейшина рода, предки которого были возведены в дворянское сословие специальным указом царя Арташеса I за заслуги перед двором.

– Государь, – начал он, – Мы, представители знатных родов Великой Армении, всегда поддерживаем тебя в любых начинаниях и не только платим налоги, но и добровольно даем золото и серебро на украшение твоей новой столицы.

– Так в чем же дело?

Оказалось, все дело в том, что царь увеличил для крупных землевладельцев повинности и рекрутские наборы в армию, из-за чего знать терпит убытки. Не нравилось аристократам и то, что мелких землевладельцев и армян-ремесленников Тигран вообще освободил от податей. Доводы об огромных размерах государственного строительства, растущих военных расходах и повышении боеспособности армии, на богатеев не действовали. Они твердили одно: дань, которую с них взимают, тяжелая, доходы падают. Последний указ их особенно разозлил: государь запретил долговую кабалу крестьян, не возвративших долги.

Царь изрек:

– Из-за вашего непомерного обогащения значительная часть свободных крестьян разорилась.

– Государь, ты провел налоговую реформу, и теперь денежные налоги зависят от размера территории, плодородности земли и количества крестьян. Эта реформа опять привела к снижению наших доходов. Налоги нас просто разоряют!

Тигран стал сердиться:

– Я должен быть справедливым и поддерживать вечный порядок вещей!

– Вот римская знать, – не обращая на сердитый тон царя старый аристократ продолжал, – выкачивает из всего мира огромные богатства, а нам ты запретил заниматься поборами и ростовщичеством в завоеванных странах.

Царь гневно посмотрел на Аравеляна:

– Рим рассматривает покоренные земли лишь как объект безудержного грабежа. Нам это не подходит!

Аравелян решил высказаться до конца:

– Мы не проявляем враждебность к твоим порядкам, но, отдавая две трети своих доходов в царскую казну, многие из нас на грани разорения. Мы всего лишь просим тебя уменьшить бремя, наложенное на нас. Как в Риме...

Тигран встал. Произвол римских наместников, злоупотребления чиновников, хищничество публиканов были хорошо известны. Даже если те царства, которые Рим делал своими союзниками, поднимались в развитии, все равно римские порядки вызывали сильнейшую ненависть у населения. Царь Армении не раз говорил, что это не наш путь. Его управление имеет одну цель – всех привести к благоденствию.

Аудиенция закончена. Просители, понимая, что диалог продолжаться не может, поклонились и вышли.

Приближенным царь сказал:

– Меня беспокоит усиление знати здесь, в Тигранакерте, и ее проримские настроения. Полагаю, нужно выкорчевать у аристократов подобные мысли.

Глава 9. Сонное царство Каппадокия

В сердце Малой Азии расположилось царство Каппадокия. Оно как пограничная полоса: на западе римские владения, на востоке Великая Армения. Царем Каппадокии был Ариобарзан I Филороман, ставленник Рима. Прозвище Филороман дал ему народ, и означало оно узкую привязанность монарха ко всему римскому, но знающие люди говорили, что римляне раскатали этого полного человека до тонкого и прозрачного послушания, словно пресное тесто фило для пахлавы. Ариобарзан при первой же опасности сбегал в Рим, где его снова уговаривали вернуться в Каппадокию и править, а сенат даже принимал специальное постановление, в котором указывалось, что Ариобарзан имеет более других право на власть в царстве. Конечно, Рим заботила не личность царя Каппадокии, хотя закон требовал, чтобы зависимые царства управлялись наследными династиями, а стабильность восточных границ и подконтрольность монарха.

Дважды в страну вторгнулся армянский царь Тигран II, за спиной которого маячил Митридат VI, желавший посадить на трон Каппадокии своего сына Ариарта, но оба раза римские войска входили в Каппадокию, а армянский царь уходил.

Ариобарзан обедал, когда ему донесли, что к столице царства Мазаке идет римский отряд во главе с наместником Рима проконсулом Лукуллом. Трусливая душа Ариобарзана ушла в пятки, кусок дичи застрял в горле, а жирные пальцы застыли в немом оцепенении. Жить спокойно не получалось. Придя в себя, он весь сжался, волна испуга пробежала по всему телу, а в округлившись глазах появился немой вопрос: «Меня хотят сместить?»

Его главный советник Аретий, мудрый старик, зная трусливую натуру своего царя, произнес:

– Мой государь, я не думаю, что возникла опасность, хотя внезапный приезд наместника необъясним... Правда, ты не выполнил его дополнительные требования по провианту и рекрутам. Но думаю, он просто хочет поугагать.

Орлиный нос Ариобарзана почуял опасность, а значит, нужно что-то предпринять. Выскочив из-за стола, он бросился к статуе бога Митры в виде прекрасного, как Аполлон, юноши в развевающемся плаще, фригийской шапке и ореоле лучей вокруг головы. Спрятавшись за скульптурой, царь затаился, однако тучное тело, выпирающее с обеих сторон тощей статуи, выдавало убежище монарха. Придворные смотрели в его сторону озадаченными взглядами и пожимали плечами.

Царь выглянул:

– Что делать?

Со словами «меня нет!» он семенящим бегом принялся носиться взад-вперед, видимо, соображая на ходу, какая кара ждет его на это раз, потом, остановившись у своего главного советника, вонзил в него вопрошающий взгляд. Тот произнес:

– Есть такой прием – быть прозрачным и незаметным для других людей.

– Это как?

– Достаточно закрыть глаза или накрыться чем не будь.

Ариобарзан быстро подбежал к своему первому министру, резким движением сдернул с него манишку и, убежав в дальний угол, сел на стул и накрылся тряпкой.

Возвестили о прибытии наместника. Советник Аретий приблизился к Ариобарзану:

– Государь, тебя зовут государственные дела.

Царь стянул тряпку с одного глаза и посмотрел на царедворца:

– Надо идти?

– Да!

Тяжело встав, он поплелся в тронный зал, как на плаху.

Когда правитель и его свита заняли места в великолепном тронном зале, где колонны и стены были украшены необыкновенно белым мрамором, причем разработки этого мрамора велись только в Каппадокии, и римляне закупили его в огромных количествах для своих вилл, в зал вошел наместник Рима в провинции Азия проконсул Лициний Лукулл. Ариобарзан поднялся с трона и с видом приговоренного к казни двинулся ему навстречу. Сделав несколько шагов, он остановился, ожидая своей участи. Лукулл тоже остановился и торжественно произнес:

– Великий царь, Рим приветствует тебя!

При этих словах лицо Ариобарзана преобразилось, царь стал соображать живее, а увидев, что Лукулл еще и поклонился, самообладание окончательно вернулось к монарху. Немного заикаясь, он произнес:

– П-приветствую тебя, император! Ты давно не посещал мой дворец. Для меня честь принимать такого важного гостя.

Лукулл добродушно пошутил:

– Жаль, что много времени уходит на срочные дела, а на важные, как эта встреча, совсем не остается. Я бы хотел переговорить с тобой наедине.

Царь указал куда идти, и они перешли в диванную. Усевшись поудобнее напротив друг друга и обложившись подушками, они начали разговор.

Лукулл жестко отрезал:

– Ты не поставил тысячу рекрутов для службы во вспомогательных войсках.

– О император, набор рекрутов продолжается, но есть трудности. Ты же знаешь, что армянский царь, напав на мое бедное царство, увел почти всех трудоспособных мужчин и скот в свои земли.

– Да, знаю, и он за это ответит. Но во время войны ничто не снимает с тебя ответственности за своевременные поставки рекрутов. Я не люблю, когда меня дурачат.

– Император, не пройдет и десяти дней, как я все исправлю! – скороговоркой выпалил Ариобарзан.

– Хорошо, – Лукулл высокомерно смотрел на него.

Рим не требовал от дружественных царей уплаты налогов или дани, не вмешивался во внутренние дела этих государств, но интересы Рима должны соблюдаться превыше всего. Шла война, и царь обязан помогать Риму всеми своими ресурсами и, в первую очередь, предоставлять войска в распоряжение наместника.

Подали вино, фрукты и сладости.

Ариобарзан, получив от Рима зримые символы верховной власти – золотую корону со скипетром из слоновой кости, курульное кресло и почетное одеяние высших римских магистратов, – помнил, что власть, данная Римом, может быть и отобрана. Для ее сохранения он готов был из кожи лезть, понимая, что патрон ждет ответных благодеяний.

– Я обратил внимание, – отпивая вина из кубка, сказал Лукулл, – твоя столица Мазака совершенно лишена воды, земля бесплодна и не обработана.

– Мое царство бедное, воды мало.

– Обложи свой народ новыми налогами или возьми нужную сумму у меня в долг под двенадцать процентов годовых.

Двенадцать процентов годовых – высшая норма процентов, признаваемая римскими законами.

Лукулл иронично усмехнулся:

– Все равно ты взыщешь эти деньги со своих подданных.

– Ты предлагаешь мне грабительские проценты! У меня нет столько денег, чтобы брать кредиты. Я умру прежде, чем расплачусь.

– Тогда я конфискую пустующие земли, принадлежащие тебе лично, и пушу их в оборот.

– О великая мать Кибела! – взмолился Ариобарзан. – Когда хочешь наказать, ты всякий раз испытываешь мои честность, неподкупность и воздержание!

Греческую богиню материнской силы и плодородия Кибелу очень чтили римляне. Однажды бессрочный диктатор Рима Сулла, изобретатель репрессий, захвативший власть якобы до тех пор, пока Рим, Италия и вся держава, потрясенные междоусобными распрями, не укрепятся, рассказывал сторонникам сон. Ему приснилось, будто богиня, представ перед ним, протянула молнию и повелела поразить врагов. Ариобарзан, в надежде, что богиня Кибела и ему ниспошлет удачу, обещал подумать о займе, впрочем, понимая: Каппадокия находится на задворках Римской державы и слабо поддается влиянию романизации, поэтому его удача – это Лукулл, и то когда у того хорошее настроение. Поэтому царь никогда не скупился на дорогие подарки.

Трусливый монарх похвастался:

– В твою честь, император, и в благодарность за наставления, я воздвигну в Мазаке храм, и обязательно установлю в нем твою статую в полный рост.

– Не забудь послать в сенат благодарственный адрес, – ухмыльнулся Лукулл. Вдруг став серьезнее, затронул щекотливую тему: – Вскоре мне потребуется плацдарм для римского наступления на твоих непокоренных соседей. Подготовь две тысячи рекрутов, тысячу лошадей и провиант на легион!

Царь тяжело вздохнул:

– Участь моя печальная, но не безнадежная. Как человек добродетельный, я смиряюсь, – монарх поднес ладонь к сердцу и чуть поклонился.

Теперь Лукулл увел разговор в другое русло. Ариобарзану Рим давно поручил чеканить серебряную монету, благо в его царстве имелись залежи серебряной руды. Царь изготавливал самые красивые монеты в Европе, что приносило ему немалый доход, кроме основного источника существования – работоторговли.

– Я хочу, – многозначительно произнес Лукулл, – чтобы ты организовал чеканку золотых монет лично для меня. В ближайшем будущем начнутся поставки золота в больших количествах. Договорились?

Ариобарзан всегда проводил выжидательную политику, но на этот раз сообразил быстро:

– Я возьму заем под шесть процентов годовых.

– Договорились!

Разговор закончился, наместника препроводили в отведенные ему покои, огромную охрану Лукулла разместили во дворце и в соседних зданиях, а царь Ариобарзан, вдохновленный и успокоившийся, поспешил к трапезе. Вдруг доложили, что со стороны Армении движется отряд, видный уже из окон дворца. Первое, что пришло в голову Ариобарзану, – армяне решили взять его в плен и надо срочно прятаться! Он заметался по залам, укрывался за статуями, садился в кресла, набрасывал на голову тряпки, даже заглянул в сундук. Не разбирая дороги, он налетел на постамент со старинной коринфской вазой, и та начала падать, а Ариобарзан, пытаясь ее поймать, проделал головокружительный пируэт, но у него ничего не вышло – ваза упала и, наделав много шума, разбилась вдребезги. В конце концов царь спрятался за персидским ковром неземной красоты.

– Государь, – ласково позвал Аретий, как всегда спешивший на помощь своему повелителю, – отряд армян состоит всего из десяти человек.

Ариобарзан выглянул из-за ковра. Стрельнув глазками налево-направо, спросил:

– Что им нужно?

– Не знаю, наверное, едут на переговоры. Тебе следует принять их, как подобает правителю. Бояться нечего – во дворце двести римских легионеров.

Осмелев, Ариобарзан вышел из убежища, важно проследовал в зал и уселся на трон. Вскоре известили, что министр Великой Армении Васак просит аудиенции.

Васак вошел в тронный зал, за ним внесли сундук с подарками. Министр с почтением поклонился:

– Царь Каппадокии, я министр Великой Армении Васак! Царь царей Тигран II передает пожелания процветания тебе и твоей стране!

– Приветствую тебя, Васак, и благодарю царя царей Тиграна II за добрые пожелания.

– Мой царь хочет и дальше поддерживать мир и покой на границах наших государств.

Прими эти подарки в знак уважения и примирения.

Сундук открыли. Засверкали сделанные руками талантливых армянских мастеров золотые и серебряные кувшины, кубки, чаши и ювелирные изделия. Глаза царя забегали, жадность преодолела страх, алчное сердце не могло насытиться.

– Ваши ювелиры славятся усидчивостью и мастерством. Эти изделия поражают воображение, – только и сказал монарх. – С благодарностью подарки принимаю.

В проеме двери появился Лукулл.

– Государь, – сказал он, – нам с тобой нужно кое-что обсудить с министром.

Все трое прошли в диванную, расселись. Лукулл поинтересовался, какая позиция царя Тиграна по Галатии, и получил сдержанный ответ. У Великой Армении в Галатии имеется интерес. Кельты добывают тяжелый шпат, которого нет в Армении, и поставляют в Египет. Армения также хотела бы закупать его в больших количествах. Из этого минерала делают эмаль, нужную ювелирам. Проблема тут же разрешилась. По словам Васака, в таком случае, царь Тигран не видит препятствий, чтобы Дейотар занял трон Галатии.

После вкусного обеда Лукулл пригласил Васака прогуляться в саду. Они шли по ухоженным дорожкам, а на почтительном расстоянии их сопровождала охрана из легионеров.

– Меня просили влиятельные люди в Риме встретиться с тобой, – произнес римлянин.

– Слушаю тебя, проконсул, – слегка поклонившись, сказал Васак.

Наместник римской провинции Азия и главнокомандующий войсками Лукулл контролировал всю политическую ситуацию на полуострове Малая Азия. Он часто посещал союзные царства и, как арбитр, регулировал непростые взаимоотношения между династиями. Но царь Тигран его беспокоил. Об этом он откровенно говорил. На его взгляд, царь проводит в регионе слишком независимую политику, не считаясь с интересами Рима. Отношения республики с Великой Арменией серьезно испортила поддержка Тиграном Митридата VI. Тигран рискует также испортить отношения с собственной знатью, слишком прагматичной, чтобы рвать связи с Римом. И вообще, в перспективе партнерство с этим царством проконсул видел проблематичным. Как известно, армянский вопрос – одна из самых сложных проблем внешней политики Рима в течение последних ста лет.

Васак осторожно высказался:

– Тиграну не нравится, что вы всех поучаете.

– Васак, ты умный человек, и понимаешь, что Рим не прощает никому и прощает всем одинаково жестко!

Васак пристально взглянул на военачальника:

– Тигран говорит, что Армения – противовес растущему влиянию Рима.

Проконсул остановился и грозно произнес:

– Рим – центр мироздания! Боги дали нам право повелевать народами. Рим настолько силен, что перед ним не устоять ни одному государству. Я надеюсь на твое благоразумие. Сотрудничая с нами, ты получишь царство. Будешь править от имени Тиграна Младшего, так как мы не можем нарушать династические законы, но ты, как друг Рима, будешь иметь небывалые полномочия, а если захочешь, то и римское гражданство.

– Что я должен делать?

– Устранить Тиграна и привести к власти его младшего сына. А если не получится, то способствовать продвижению римских войск в глубь территории Армении.

– Но сенат не давал санкцию на войну с Великой Арменией.

– Сенат совсем потерял контроль над внешней политикой. Войны теперь ведутся по личной инициативе полководцев. Уверю тебя, сенат молчаливо одобрит эту войну.

– Поглотив Армению, вы обязательно увязните в Азии и захлебнетесь в противостоянии с бесчисленными варварами.

– Это неважно. Армения не должна сравняться с Римом ни по мощи, ни по влиянию. Вот главная задача!

– Тигран любит повторять, что алчность сената, диктаторские замашки полководцев и мания власти консулов приведут к краху Римскую республику, – осторожно сказал Васак.

– Рим вечен! Он выше и сильнее всех. Верь в это! Наше сотрудничество даст, я уверен, прекрасные плоды. Ну как, ты согласен?

– Да, проконсул.

Они разошлись в разные стороны.

Глава 10. Ночная охота на львов

Царской забавой в Армении считалась ночная охота на львов. Загонщики с факелами и собаками выгоняли львов из росших вдоль рек и каналов зарослей, жгли костры, шумели, не подпускали зверей ни к воде, ни к местам их обычной охоты. Голодные хищники, потревоженные в логове, лишенные возможности выслеживать добычу, свирепели и могли наброситься людей и лошадей, чтобы растерзать, и не совсем было ясно, кто на кого охотится – азартный человек на льва, подвергая себя небывалой опасности, или свирепый зверь на человека, чтобы сразиться в смертельной схватке.

Большая территория охотничьих угодий уже оцеплена отрядом охраны, но до захода солнца царь и свита оставались в специально разбитом для них лагере. Повара постарались на славу: приготовили замечательный ужин. Тигран и его гость царь иберов Артак за трапезой обсуждали важные темы.

– По моим данным, Рим присматривается к Иберии, – говорил Тигран. – Твоя земля, Артак, лежащая в Южном Кавказе, богата и красива.

– В мою страну ведут всего четыре горных прохода, – отвечал Артак. – Они защищены крепостями. Рим считает, что ему дозволено больше, чем остальным, но в отношении Иберии его желания несбыточны.

До лагеря донесся оглушительный рев голодного зверя.

– Львы близко, – сказал Тигран. – Слепая сила зверя или ум охотника: кто победит? Брат, скачем туда, откуда доносится рык! – с воодушевлением воскликнул государь.

Вскочив на лошадей, цари пришпорили их, а вся свита – сыновья Тиграна, Меружан, Гнуни и другие приближенные – с луками и стрелами в колчанах устремились за ними в заросли. Оруженосцы с копьями и запасными лошадьми еле поспевали за монархами. Егерь – он впереди – приказал спустить собак, удерживаемых слугами на привязи.

Тигран нагонял страху:

– Артак, предстоит опасная схватка с хищником!

– В моем царстве львы не водятся, – без энтузиазма проговорил Артак.

– Лев – властитель животного мира!

Стемнело. Царь и его спутник остановились и прислушались к звукам охоты.

– Количество львов необычайно увеличилось, – сообщил Тигран. – Львы бродят в этих горах в таком количестве и так осмелели, что их жертвами стали люди.

Артак поежился. Меружан подтвердил:

– Это так, мой государь.

Царь с нетерпением ждал вестей от разведчиков, выслеживавших зверя. Наконец донесли, что хищник где-то недалеко.

Меружан предупредил:

– Похоже, это тот самый лев, взявший привычку похищать коров и овец, пасущихся на лугах.

Злобный рык раздался совсем рядом. На мгновение в свете факелов охотники увидели силуэт царя зверей.

– Огромный, и, несомненно, не один, – сказал Тигран. – Крупные хищники живут группами.

– Этот лев чрезвычайно изобретательный и известен как людоед, – предостерег Меружан, дабы побудить людей к осторожности.

Всадники, вокруг которых суетились псы, разделились на три группы, приступив прочесывать местность в поисках зверя. Первую из групп возглавлял царь, вторую – Артавазд, третью

– Тигран Младший. Огромный зверь был где-то рядом, бежать некуда, команда загонщиков беспрерывно шумела и била в барабаны, с факелами в руках гнала зверя под стрелы охотников.

Группа – Тигран, Артак, егеря и начальники охраны царей – шла по поросшему зарослями плато. Рычание льва прекратилось; охотники замедлили движение. Егеря, держа в руке факел, ехал на лошади впереди. Свет выхватывал из темноты неясные очертания деревьев, камней и темных силуэтов.

– Он где-то здесь, – полушепотом произнес начальник охоты.

Лев, оставаясь незамеченным, близко подкрался к людям. Всадники, озираясь и негромко переговариваясь, подошли к нему почти вплотную. Метнулась тень! В стремительном броске лев напал на егеря. Профессиональный охотник от боли пронзительно закричал. Хищник вцепился ему в горло и повалил на землю. Лошадь егеря встала на дыбы, и вдруг неудержимо понесла. Нога всадника застряла в стремени. Обезумевшая лошадь волочила в темноту поверженного егеря и вцепившегося в добычу зверя. Собаки, учуяв запах льва, обратились в бегство, и только два матерых пса повисли на хищнике.

Упавший на землю факел егеря ярко освещал сцену поединка. Тигран первым выстрелил из лука. Стрела вонзилась во льва, тот, выпустив жертву, громогласно зарычал, устремив взгляд на стрелявшего. Тигран видел, как большие глаза льва загорелись, зрачки расширились, когти втянулись, и в этих глазах он прочитал смертельную ярость раненого зверя. Стрелу пустил Меружан. Снова раздался злобный рык. Окровавленный зверь с двумя стрелами в боку, сбросив собак, побежал в заросли кустарника.

Группу Тиграна обошла львица. Очевидно полагая, что самец отвлекает внимание добычи, она затаилась в высокой траве и в неожиданный для людей момент выскочила, набросилась на лошадь Меружана, крепко вцепившись ей в горло. Лошадь заржала и вместе со всадником повалилась на землю. Царские лошади испугались и понесли. Тигран уронил боевой лук, Артак чуть не слетел с лошади, Меружан, не теряя самообладания, выхватил меч и вонзил его в тело львицы. Но та все равно продолжала душить свою жертву и отпустила лишь тогда, когда силы дикого зверя иссякли. Львица затихла.

В дубовой роще лошадь Тиграна наконец успокоилась. Нервно пофыркивая, она шла в темноте между деревьев. Светила луна, мерцали звезды, стояла тишина. Тигран, озираясь, пытался разглядеть дорогу. Треск веток заставил его остановиться на поляне. В лунном свете государь увидел раненого льва, непобежденного, гордого и могучего, с двумя стрелами в боку. Зверь стоял на краю опушки и пристально смотрел на человека. У царя внутри похолодело. Тигран никогда не был малодушным, с юных лет был приучен гордо смотреть смерти в лицо. Без спешки вынув из ножен кинжал, он приготовился к схватке.

Внезапно справа от него на поляну выехал всадник. В руках у него был лук, но стрелу он держал, не прицеливаясь. Царь узнал сына Тиграна Младшего. Два всадника стояли и сверлили друг друга глазами. Государь с кинжалом в руке холодно и бесстрастно глядел на сына, а тот, с луком на изготовку, пылающим и ненавидящим взглядом смотрел на отца, и этот взгляд мог означать что угодно. Тиграна Младшего обуял инстинктивный страх: отец читает в его глазах истинные намерения. Юноша потупил взор.

Хриплый рык раненого зверя разнесся над рощей. Лев потряс гривой, оскалил зубы, разинул пасть. Слепая ярость побуждала зверя обрушиться на того, кто причинил ему смертельные страдания. Присев на задние лапы, лев бросился на Тиграна. Его сын в противоречивых чувствах, с мыслью о своей несчастной судьбе, поднял лук, растянул его и, коснувшись тетивой подбородка, выстрелил. В ночной тишине раздался свист летящей стрелы и глухой удар.

Стрела вошла в тело льва строго перпендикулярно, прямо в сердце. Огромный зверь упал замертво.

– Хороший выстрел! – крикнул Тигран...

Страсти охоты улеглись. В ночном лагере пылали костры, радостный гомон оглушал бивак: пьяная компания славил Тиграна по причине удачной охоты. Слуги разносили вино и жареных куропаток, а участники забавы бахвалились подвигами и невероятной храбростью при встрече со львами. Владыка Армении приказал посвятить убитых львов верховному богу Арамазду.

Когда трапеза была в разгаре, царь подозвал Тиграна Младшего:

– Ты спас мне жизнь, но это не повлияет на мое решение о престолонаследнике. Я хочу видеть во главе государства разумного и рассудительного приемника, способного усердно и ревностно служить народу. Готов ли ты? Я жду знак.

Наутро после завтрака царский кортеж под впечатлением острых ощущений минувшей ночи двинулся обратно в столицу. Дорога пролегла мимо водопада. Кристальные струи падающей с высокой скалы воды и искрящиеся на солнце радужные брызги завораживали и околдовывали. Полюбовавшись водопадом, все, дабы взбодриться, искупались и, почувствовав прилив сил, в приподнятом настроении поехали в дворец.

Глава 11. Армения полна чудес

В библиотеке дворца Метродор, убеленный сединами старец с окладистой бородой, греческий писатель, оратор и политик из Скепсиса, ожидал царя. Метродор вынужден был покинуть Грецию, оказавшуюся под властью Рима, став ближайшим советником армянского царя.

Вошел Тигран. Старый ученый с большим почтением поклонился и, указывая рукой на заполненные рукописями стеллажи, торжественно произнес:

– Твоя библиотека, владыка, становится одной из лучших в мире. Конечно, ей еще далеко до Александрийской или Пергамской, но в ней есть уникальные книги. Здесь мудрость веков.

В библиотеке действительно хранились ценные пергаменты, свитки и книги, в том числе записи походов и побед Тиграна. Летописи, освещавшие события его царствования, вели не только на армянском (древнеармянский язык записывался клинописью), но и на персидском, арамейском и греческом языках. Даже имелись старые записи на хурритском. По указу царя библиотеку сделали публичной.

Они сели за стол. Метродор бережно погладил лежащие перед ним накатанные на палки свитки. Другие свитки хранились в нишах в деревянных и кожаных футлярах, снабженных застежками, но на полках также стояли помещенные в переплет сшитые листы пергамента, именуемые книгами. Одно из новых приобретений – рукопись Аристотеля «Диалоги» – стал рассматривать Тигран. Его зрение было неплохим, хотя возраст брал свое. Вдаль он видел отлично, другое дело чтение рукописей: приходилось пользоваться хрустальным стеклом из Вавилонии.

– Государь, это очень редкая вещь, – с придыханием сказал Метродор, указывая на рукопись. – Есть еще только один экземпляр в Александрийской библиотеке.

Книга была в жалком состоянии. Наследники Аристотеля спрятали его драгоценные рукописи от жадности пергамских царей в погреб, где листы сильно пострадали от сырости и плесени. Недавно богач и любитель книг АPELLIKON продал эту рукопись за высокую цену для библиотеки Тиграна.

Царь, грустно улыбнувшись, констатировал:

– Дорогой Метродор, я рад, что ты собираешь библиотеку для меня.

– Тебя что-то заботит, великий царь? – спросил философ, безошибочно понимавший владыку с полуслова.

Тигран вздохнул:

– Меня заботит вечность.

Неспешная беседа затянулась. Тиграну уже семьдесят. Хотя он и собирался жить еще долго, но о смерти также подумать нужно. Владыка верил, что душа его отправится к небесному трону верховного бога Арамазда, но его заботило, что будут говорить и писать о нем через тысячу лет. Он часто задавался вопросами: почему исчезли с лица земли великие царства Вавилония и Ассирия? почему распались державы персидского царя Дария III и великого Александра Македонского? Конечно, в истории действуют могучие силы, перед которыми бессильны грозные владыки. История – наука о прошлом, но учит она, как жить в настоящем. Однако важно иметь реальное представление о событиях прошлого, ведь, как известно, история повторяется. Еще владыку занимало бессмертие его народа. Царь мечтал, чтобы армянский народ жил всегда. Но в чем секрет бессмертия?

– Вся мудрость в книгах, – философ погладил свитки, – я поищу ответы.

– Как думаешь, Метродор, мое царство ждет та же участь, что и исчезнувших?

– Возможно. Обещаю предупредить тебя, если увижу признаки увядания твоей страны.

Вошел начальник охраны:

– Государь, прибыли твои сыновья!

– Пусть войдут!

В библиотеку вошли Артавазд и Тигран Младший.

Царь пригласил их сесть.

– История, – сказал он, – помогает осмыслить законы бытия, понять куда двигаться дальше, избежать неверных решений. Я хочу, чтобы мои сыновья постигли законы мироустройства и хорошо знали историю армянского народа и его роль в мире, понимали свой долг перед ним. – Царь обратился к Метродору: – Как твои изыскания истории моего царства?

Мудрец поведал:

– Великий царь, твоя земля полна чудес...

Слова полились, рассказ, пронизанный высоким пафосом, зазвучал. Все найденные глиняные таблички, папирусы и пергаменты с письменами, согласно указу царя, доставляли Метродору. Тот привлек к их чтению и переводу лучших ученых со всего света. Вот что они узнали. С незапамятных времен процветали в Армении земледелие и виноградарство, а на горных склонах пасся скот. На армянской земле возникло коневодство – впервые в мире! Уже две тысячи лет с равнин царства отправляют армиям всего Востока лучших лошадей, особенно ниссейской породы. Рим также стал закупать этих лошадей для скачек. У армян всегда было что предложить купцам – пшеницу и ячмень, стручковые плоды и изюм, прекрасные вина и пиво, кунжутное, миндальное и фисташковое масло. Родина абрикоса Армении. Самые сладкие в мире абрикосы армянские.

Медь много тысяч лет плавил вблизи армянских селений Техут, Мецамор и Сюник. Железные копи и железоделательное производство в Армении всегда были свои. Жившие на Армянском нагорье за две тысячи лет до армян хатты первыми в мире освоили метод выплавки железа. Секрет высокого металлургического искусства перешел к хайасам, то есть армянам. С тех пор основным поставщиком железа в Малой Азии являлась Армения. В древние времена железо ценилось выше золота. Медь и железо давали царю Тиграну большой доход, а основной рынок сбыта – богатеющий Рим.

Армяне самые искусные мастера в обработке камня. Достаточно взглянуть на резные рельефы дворца Тиграна и украшения храмов. А еще в Армении зародилось ковроткачество. Уже давно развивалось это ремесло, да так, что на старинных коврах окраска не блекла ни от времени, ни от воды. Дворец царя и все дома в городе устланы армянскими коврами. Древнее слово «карепет», будучи армянским словом, вошло во многие языки в качестве обозначения ковра вообще.

Исторически земли Армении ассирийцы называли страной Наири. Потом на этих землях появилось Ванское царство (его еще называли царством Урарту), и было оно настолько мощным, что его страшилась жестокая Ассирия. Подлинным создателем урартского могущества был царь Менуа, построивший много оросительных каналов, и один из них, проложенный в туннеле в скале, существует по сей день. Поливное ирригационное земледелие с его высокими и устойчивыми урожаями стало основой экономического могущества страны.

Ассирийские тексты характеризуют сына Менуа царя Аргишти I в следующих выражениях: «Аргишти, урарт, чье название страшно, как тяжелая буря, чьи силы обширны...» Однако итог печален. Почти столетнее урартско-ассирийское соперничество закончилось победой ассирийского царя Саргона II. Назревала решительная военная схватка за гегемонию в Малой Азии, и Ассирия сумела создать мощную армию, а Урарту нет.

Армянское царство образовали народы арменов, хайасов и урартов. Геродот в «Истории» пишет, что армены – фракийское племя, переселившееся из Фракии в Малую Азию. Возможно, фракийцы и фригийцы армянам родственны. Еще один факт истории. Армянские вожди сопротивлялись греку Александру Македонскому. Ни он, ни его войска так и не смогли проникнуть в эти земли. Александр полностью преобразовал мир, и это помогло появлению самостоятельных армянских царств. Возникли Великая Армения, Малая Армения и Софена.

Тигран установил торговые отношения с Индией, а товары из Китая везли караванами через Армению. Царь строил города, прививал армянам культуру эллинов, чеканил собственную ходящую по всей Азии и в римских провинциях монету с греческими надписями. Греческий был языком межнационального общения, его знали все. Знатные армяне вслед за царем заинтересовались греческой культурой. Тигран покровительствовал науке и искусству. В столице появилось много ученых – риторы, медики, математики, астрономы, приехали архитекторы и скульпторы, в театре ставили трагедии на греческом и армянском языках. Владыка пригласил даже греческую труппу, и жители ждали ее представления. Народ любил трагедии и комедии, жаждал читать и писать, и в царстве наладили производство пергамента в большом количестве.

Армянские астрономы регулярно наблюдали за ночным небом и, развивая познания хеттов, составили точную карту неба, отметив на ней двенадцать зодиакальных созвездий в виде символов животных. Они также создали солнечный календарь, начало которого обозначено со времени правления Айка, патриарха армян, то есть пять тысяч лет назад. Год по календарю начинался с месяца навасарда (11 августа – 9 сентября), когда приступали к сбору урожая винограда и когда созвездие Ориона-Айка появлялось в ночном небе.

Земельная реформа привела к тому, что землю обрабатывали не рабы, слабо заинтересованные в обильном урожае, а крестьянские общины. Торговля процветала, а торговые пути стали безопасны и удобны. Много стран-вассалов, племен и народов вошли в состав Великой Армении. И все они возносили молитвы богам о процветании державы.

При этих словах, прервав рассказ Метродора, царь встал. Тигран в молитве воздел к небу руки. Поднялись, последовав примеру царя, и остальные. Владыка приподнято произнес:

– Воздадим хвалу верховному богу Арамазду, приносящему добро...

Завершив молитву, Тигран хотел было снова обратиться к Метродору с предложением продолжить рассказ, как вдруг раздался голос Тиграна Младшего:

– Государь, могу я спросить?

– Спрашивай.

– Скажи, почему в армянских храмах стоят статуи сирийских и греческих богов и богинь? Не потому ли, что ты привез эти мраморные изваяния из своих походов, так как тебе нравится греческая культура.

– Дело тут не в культуре, – миролюбиво сказал Тигран. – Народ в лице своих богов поклоняется на самом деле нашей природе: камням, земле и воде, а статуя – это то, что связывает человека с небесным покровителем, являясь неким проводником молитвы. А молится наш человек свободе, силе и мечте.

Армянская религия провозглашала свободную волю и ответственность каждого человека. Почитался верховный бог Арамазд, творящий мир не по собственной воле, а в силу естественной необходимости. С помощью священной стихии огня Арамазд открывал путь к просвещению и науке, к озарению человека огнем истины. Культ Арамазда исповедовал верование о последней, окончательной битве со злом, в которой зло будет полностью истреблено, а дэвы (злые духи, великаны) будут побеждены и уничтожены, праведники воскреснут, и все благие творения Арамазда обретут вечную жизнь.

Тигран Младший не унимался:

– Есть учения, не признающие ни бога Арамазда, ни таинства и догматы этой веры. Если твой бог велик, почему он не может предопределять человеческую волю?

Философ Метродор озадаченно наморщил лоб:

– Форма полемического диалога, конечно, возможна, но с царями обычно не спорят...

Тигран с недовольством смотрел на сына:

– Я не могу сказать, что ты отличаешься невежеством или незнанием, наоборот, ты высокообразован, но не понимаешь сути учения.

Тигран Младший высказывался недвусмысленно:

– Я изучал маздаизм и пришел к выводу, что через это учение ты хочешь стать верховным правителем мира. Не выйдет! Мир таков, что только сила всем диктует правила.

– Ты смотришь на маздаизм предвзято и слишком упрощенно, – расстроился Тигран.

– Бесспорные истины не для меня, – не отступал Тигран Младший.

– Царь должен поддерживать вечный порядок вещей, – напомнил Тигран. – Есть истины, не требующие доказательств.

– И потом, – младший сын, пришедший в возбужденное состояние, уже не мог остановиться: – в царстве, кроме армянских богов, ты разрешил поклонение греческим, персидским и иудейским богам. Не лучше ли всех подданных обратить в единую веру?

– Конечно, множество вероисповеданий в одном государстве не может содействовать дальнейшему развитию, но нам не нужна гражданская война. Процесс перехода к единой вере должен быть постепенным, – ответил Тигран.

Младший сын съязвил:

– Ты мне напоминаешь легендарного царя Гордия: завязываешь слишком сложный узел. Артавазд, до этого момента молчавший, вдруг отозвался:

– Гордий предсказал, что только истинный властелин Азии сможет развязать этот узел.

– Вот именно! – Тигран, обращаясь к младшему сыну, разочарованно спросил: – Почему ты так трудно постигаешь истину?

– С неизбежностью ты поймешь, что не прав... – стоял на своем Тигран Младший.

Царь внимательно, не перебивая, слушал сына и вспоминал. Когда он встал у власти, то сразу осознал: царство нуждается в жестком центральном управлении. Появились законы. Им беспрекословно следовали и знатные люди, и простолюдины, однако царь чувствовал, что источником силы государства является народ. Именно народ сформировал у Тиграна за годы правления принципы, духовные побуждения и веру. Царю шептали, что никаких принципов нет, ты такой же завоеватель, как и Александр, Дарий или Кир, доказывали, что народ не нуждается в завоеванных им Вавилонии, Ниневии, Арбелы, Сирии, Киликии, Коммагены, Атропатены, Финикии. Кто-то даже называл его деспотом. Но гениальный Тигран верил в свою судьбу, избранность и предназначение – обеспечить оборонную и экономическую мощь Великой Армении, превратить ее в великую державу, защитить территориальную целостность, консолидировать нацию, создать армянскую цивилизацию, а еще он хотел оставить след в истории. И вот опять Тигран Младший поднимает эту тему. Юнец даже произнес слово деспот.

– ...По [Аристотелю](#), – не унимался младший сын, – твоя власть схожа с властью хозяина над рабами....

Царь перебил его:

– Сын, ты путаешь понятия «деспот» и «тиран». Наверное, от недостатка образования. Гораздо хуже то, что ты не понимаешь роли царя в раскрытии потенциала нации.

– Я многого не понимаю, – заносчиво надул губы Тигран Младший, – например, зачем ты держишь в крепости как пленницу мать Береники, сирийскую царицу Селену.

Тигран с сожалением смотрел на него:

– Доля царя трудна. Вспомни Дамокла.

По преданию, сиракузский царь Дионисий I предложил Дамоклу, считавшего Дионисия счастливейшим из смертных, занять его престол на один день, и приказал одеть Дамокла, как царя, и посадить на трон. Довольный Дамокл занял трон, но внезапно увидел над своей головой острый меч, висевший на конском волосе. Тогда он осознал призрачность благополучия владыки, всегда живущего на волосок от гибели.

– Я знаю, над царем угроза смерти висит всегда, – заявил младший сын. – Пусть так. Но твои вассалы и богачи, имея корыстные интересы...

Царь с мрачным видом остановил его:

– Я поручил Метродору сегодня рассказать сыновьям, какой вклад вносит мое царство в мировое наследие. Мы накопили предметы и идеи, важные для культуры и нравственности наших людей, книги например, но наше обретение может стать достоянием всех народов. Мои сыновья, вам еще предстоит постичь многое...

В библиотеку вошел взволнованный Меружан:

– Государь, из Арташата пришло известие – над Араратом снова столб черного дыма и разносятся раскаты грома.

Царь метнул на него грозный взгляд, потом, посмотрев на младшего сына, нахмурил брови:

– Сын, во что бы ты ни верил, оставайся верным своему долгу. Все свободны, Артавазд, останься!

Старый властитель, помедлив, с тревогой в голосе заговорил:

– Дым над Араратом – плохой знак. Что-то не так в моем царстве... А может быть, это знак «не доверяй Тиграну Младшему, присмотришь к старшему сыну»?

Царь пытливо заглянул в глаза Артавазду. Тот сбивчиво заговорил:

– Отец, я всегда разделял твои взгляды... Арамазд – главное божество мира, творец небес и земли, он обладает величайшей мудростью...

– Да, сын, мудрость обычно несет в себе идею добродетели, а кто добродетелен, тот справедлив.

– Арамазд дарит процветание, изобилие и тучность земле, он не терпит насилие ради религии...

– Да, ты глубоко понимаешь истоки учения. Меня это радует. Все армянские божества благочестивы. Наши покровители Арамазд, Анаит, Тир, Михр, Ваагн и Нанэ укрепляют национальный характер народа.

– Народ поклоняется этим богам, значит, они не ложные!

– Так, Артавазд! Вера – главный оплот единства народа. Начав кровопролитные войны, я осознал великую тайну: во имя процветания народа нужно строить мир.

Артавазда осветила вспышка внезапного озарения:

– У народа есть потребность добра и счастья.

Тигран, вдохновленный краткой беседой со старшим сыном, понял: знак судьбы указывал на Артавазда. По-новому взглянув на него, он тихо сказал:

– Великий правитель должен дать своему народу добро и счастье. Я вижу, ты сильный и сможешь удержать царство. Ты унаследовал от меня стойкость перед лицом трудностей, с тобой народ Великой Армении выстоит и не исчезнет в песках истории. Ты мой наследник!

От удивления Артавазд широко раскрыл глаза. Они вышли на террасу. Царь окинул взором окрестности. Не было ни клочка невозделанной земли.

– Смотри! – призвал Тигран. – Чтобы страна процветала, ей нужен сильный правитель.

– Плоды твоих усилий дают всходы... – вторил Артавазд.

Тигран с нежностью посмотрел на него:

– Ты мой старший сын, и отныне только ты обладаешь привилегией быть всегда рядом со мной – учиться науке властвования. Придет время, и ты возглавишь царство.

Глава 12. Правда перед лицом смерти

В саду перед дворцом упражнялся с товарищем на мечях Тигран Младший. Сын царя отрабатывал реакцию на неожиданные удары, пытаясь уловить мимолетные предпосылки движений вражеского меча, причем, оттачивая технику владения оружием, он стремился вымотать и запутать противника, иначе победы не видать.

– Ты красиво двигаешься, – послышался голос Васака.

Остановив бой, царевич повернулся к говорившему.

Васак, улыбаясь, тоном без нравоучений сказал:

– Тренировка на мечях – полезное занятие, но никогда не забывай: смотреть нужно не на клинок или руки соперника, а ловить его взгляд. Глаза покажут, что хочет сделать он в данный момент.

– Спасибо за совет.

Физиономия Васака расплылась в самодовольной ухмылке:

– Меч – мое любимое оружие. Особенно я люблю обманные движения.

– А я люблю атаковать, – Тигран Младший был польщен вниманием министра.

– Мы можем поговорить?

– Конечно! – молодой царевич передал меч товарищу, полотенцем промокнул лицо и последовал по дорожке сада за придворным.

Васак в упор посмотрел на юношу:

– Царь принял решение по приемнику. – И это не ты. Артавазд! Твой брат сумел доказать, что разделяет идеи и взгляды царя, убедив его, что продолжит дело отца. Завтра он будет официально объявлен наследником престола.

– Невероятно! – вознегодовал царевич. – Все это унижительно: отец никогда не воспринимал меня всерьез.

– Твой отец – выдающийся полководец и опытный политик.

– Он мелкий азиатский царек! – в глазах Тиграна Младшего плясало неистовое пламя.

– У него, конечно, есть слабые стороны, – осторожно признал Васак. – Я выскажу свое оценочное суждение. Наблюдая со стороны за конфликтами, ведущимися вне его державы, он упускает из виду, что внутренние дела Армении затрагивают интересы Рима.

– Потому что он уверен в своей безнаказанности, – зло процедил царевич.

Они шли по дорожкам сада, и подстрекатель Васак разжигал огонь ненависти в неокрепшей душе юноши. Министр объяснял, что Рим не позволит никому сравняться с собой по силе, момент столкновения приближается, победитель навязет побежденному неравноправный мирный договор, возможен распад державы Тиграна, и тогда зависимые страны не удержат: они отколются.

Тигран Младший эмоционально реагировал:

– Война станет отправной точкой возрождения Армении! Я буду рад этой войне. Все противоречия не разрешить, но хотя бы противостояние сметет со сцены отца.

Васак остановился, взял за плечи царевича:

– Я всегда был на твоей стороне и предсказываю тебе будущее величие! Только ты должен быть владыкой Армении! Но власти царя Тиграна нет предела, и он, к сожалению, принял решение...

– Васак, что нужно делать?

– Не живи как трус!

– Путь убийства отца мне омерзителен, – царевич отвернулся. – Такое злодеяние непростительно.

– Да, это преступление, но ты же достоин власти! Зевс, главный бог Греции, взошел на престол, свергнув своего отца-титана. В Хеттском царстве почти все цари забирали власть, убивая отцов. Александр Македонский стал царем в двадцать лет, организовав в сговоре с матерью убийство отца Филиппа II...

На лице Тиграна Младшего отразилось волнение.

Васак отошел в сторону и, оценивая шансы юноши, думал о заговоре. Потом сказал:

– Я предрекаю тебе победу. Он тиран!

– Я робею перед отцом.

– Ты должен стать больше, чем есть!

– Он читает мои мысли.

– Не смотри ему в глаза, помни: он тебя притеснял!

– Да, я смогу! Это мой шанс стать царем!

– За тобой пойдут недовольные правлением Тиграна генералы и аристократия. переворот обычно удается, когда поддержан знатью и приближенными царя.

Тигран Младший, обуреваемый тяжелыми мыслями, в растерянных чувствах побрел в дворец, а Васак, долго смотрел ему вслед и думал: «Вот событие, которое изменит ход истории. Мои терпение и труд будут вознаграждены».

В обязанности виночерпия Генуни входило снимать пробу с любых напитков, предназначенных царю. Особый прохладный царский погреб с вином был в подвале дворца, и ключ от хитроумного замка в это помещение хранился только у Генуни. Кроме того, проходы в подвал, где были винные погреба и склады продовольствия, неусыпно охраняла стража, так что проникнуть туда посторонним было невозможно.

Наполнив золотой кувшин красным вином из караса – глиняного сосуда, хранение в котором придает аромату напитка неповторимые свойства, – и закрыв погреб, Генуни стал медленно поднимался по крутым ступеням в зал приемов, самый красивый зал дворца, украшенный изумрудными колоннами с позолоченными капителями и мраморными скульптурами. В зале собрались приглашенные царем приближенные. Здесь были министры, постельничий, сокольничий, заведующий царской охотой, сыновья и дочери царя, а также несколько блистательных женщин из гарема.

Все мирно переговаривались, ожидая владыку.

– Как расцвела Аревик! – с восхищением сказал Васак, обратившись к Генуни.

– Ее лицо источает солнечный свет, – подтвердил тот.

Артавазд, ласково поглядывая на жену Анаит, тихо говорил:

– Ты сегодня ослепительно красива, сердце мое.

– Надеюсь, я еще и умна. Женщина необязательно делает только глупости, нередко она приводит мужчину к власти.

– Знаю, – улыбнулся Артавазд, – и восхищаюсь твоей чарующей красотой и редкостным умом.

Тигран Младший, находившийся подле Береники и тяжело переживавший происходящее, съязвил:

– Мы с тобой лишние на этом празднике.

Береника, взглянув на грустное лицо любимого, ободряюще сказала:

– Найди меня в своем сердце и порадуйся счастью любви.

Меружан, как всегда, проверив безопасность и расставив охрану, обратился к своему заместителю Кухбаци:

– Абсолютную безопасность выстроить нельзя. Я не стал бы гарантировать полную безопасность даже в закрытом погребе.

– Меры предосторожности никогда не помешают – проговорил Кухбази. – Где больше двух человек, там всегда опасно.

Вошел виночерпий Генуни. В одной руке он нес золотой кувшин, а в другой золотой кубок. На безымянном пальце правой руки сановника поблескивало невзрачное серебряное кольцо с сердоликом цвета ягоды кизила. Вслед за ним шагали его помощники, одни с серебряными кувшинами с вином, другие с кубками для гостей.

В зал вошел царь. Все поклонились. Властитель в хорошем настроении, озарившись улыбкой, произнес:

– Мои сыновья и дочери, министры и друзья! Меня посетило великое прозрение, с которым хочу, как можно быстрее, поделиться с вами. Был знак! Бог Арамазд указал мне того, кто станет править царством после меня. Пока не назову его имя, традиция требует спросить волю богов. Завтра утром я принесу богу Арамазду богатые жертвы, и, если он одобрит мое решение, я официально подпишу и скреплю печатью указ об объявлении наследника царского...

Раздался страшный грохот. Все присутствующие вздрогнули, стража схватилась за мечи, Меружан заслонил царя. По мраморному полу с шумом катился кубок, предназначенный царю. Младший сын наступил на подкатившийся сосуд, прекратив и шум, и движение. В наступившей тишине взоры обратились к Генуни. Виночерпий, уронивший кубок, стоял растерянный, расставив руки. В одной из них был кувшин с вином. Помощник выбежал из зала за новым кубком.

Меружан успокоился, отошел, и царь продолжил:

– Этот указ будет немедленно разослан по всем ашхарам и гаварам, а через иностранных послов мы известим страны мира. Мой приемник будет носить титул наследника престола вплоть до своей официальной коронации. Я в восторге, что сегодня вы разделите со мной эту радость. Возблагодарим бога Арамазда за ниспослание нам законного наследника!

Все, воздев к небу руки, произнесли молитву:

– Мы почитаем Арамазда, всеведущего и всевидящего бога, в его обители света! Взываем к тебе, всекрушащий и творящий добро, быть нашим защитником...

После молитвы Тигран провозгласил:

– А теперь, по обычаю предков, поднимем кубки, приблизим их к небу в благодарность богу!

Вино разлили по кубкам и разнесли по залу. Виночерпий Генуни подошел к царю и нарочито неспешно стал наливать вино в принесенный золотой кубок. Тигран и Меружан смотрели, как Генуни, наполнив кубок, отпивает из него, демонстрируя, что вино не отравлено, и подает государю. Тут подошел Васак и отвлек внимание царя и его генерала вопросом:

– Государь, не поступить ли тебе, как велит старая традиция? При назначении наследника престола в государстве объявлялась амнистия для осужденных за преступления небольшой тяжести.

– Что ж, не возражаю освободить от наказания таких людей.

Сказав это, царь вновь посмотрел на Генуни. Тот с остекленевшими глазами держал на вытянутой руке кубок. Тигран ощутил угрозу. В голову ему закрались подозрительные мысли, но их он отгнал: Генуни из знатного рода, они дружат с самого детства, а должность виночерпия – самая почетная в царстве.

Подошла красавица Аревик, взяла кубок из рук Генуни и протянула его царю:

– Владыка, сегодня ты доставил радость другим, выпей вина и ощути радость сам!

Тигран взял кубок из рук любимой, посмотрел на нее, такую чистую и неискушенную, нежную и сияющую, потом снова взглянул на Генуни, желавшего, видимо, доказать свою правду злом и предательством. Подняв кубок, монарх произнес тост:

– Выпьем за всепобеждающую правду! Правда опасна, а иногда порождает ненависть и отравляет мысли, но никогда не отступает даже перед лицом смерти!

Он поднес кубок к губам. От царя не укрылось, что глаза виночерпия в нетерпеливом ожидании расширились. Вдруг, опустив кубок, Тигран потребовал:

– Генуни, попробуй вино!

Глаза Генуни виновато и трусливо забегали, он засуетился:

– Государь, но я уже пробовал, вино хорошее.

– Выпей еще раз!

Разговоры в зале прекратились, все присутствующие обратили взгляды на виночерпия. Тот безотрывно смотрел на Тиграна, словно мышшь на кобру, и стоял как вкопанный.

– Ну! – властно повелел Тигран, протягивая кубок.

Генуни медленно подошел, взял кубок, с обреченным видом посмотрел по сторонам и стал пить. Выпив, с глупым выражением лица уставился на царя, у него даже появилась бледная улыбка. Внезапно схватившись за горло, он хрипло задышал, выронил кубок, весь в страшном поту, держась за сердце, шаткой походкой пошел по залу, пока не потерял равновесие. Опершись на стол, стал падать и, сметая со стола посуду, рухнул на пол.

В зале поднялся шум, люди в смятении обступили Генуни. Конец его был страшен. Он бился в судорогах, изо рта шла белая пена, лицо исказилось до неузнаваемости.

– Такая смерть может быть вызвана только ядом, – проговорил Меружан.

– Лекаря! – крикнул Артавазд.

Лекарь Егия, всегда находившийся либо подле царя, либо где-то рядом, вбежал в зал, бросил взгляд на Тиграна, потом кинулся к лежащему на полу Генуни. Встав на колено и приложив пальцы к шее виночерпия, он измерил пульс. Подняв голову, сказал:

– Он мертв.

– Это яд? – спросил Тигран.

– Да, судя по всем признакам. Внезапная смерть, судороги, пена у рта, лицо исказилось – все говорит об отравлении.

– Ты можешь сказать, какой это яд? – спросил царь.

– Какой точно, пока нет. Возможно цикута или мышьяк, хотя нет, они действуют иначе. Я должен внимательно осмотреть тело. Пусть отнесут его в мою лабораторию.

Меружан, опустившись на колено перед телом Генуни, поднял его правую руку и внимательно рассмотрел серебряное кольцо, обычно носимое мужчинами в качестве амулета. Осторожно откинув камень цвета ягоды кизила, произнес:

– Кольцо с тайником, здесь, несомненно, был яд.

Тело унесли стражники, а находящиеся в подавленном состоянии царедворцы, ставшие свидетелями неудавшегося покушения, неподвижно стояли в задумчивости, смотря в свои кубки и думая о бренности мира и хрупкости человеческой жизни.

Стемнело быстро. Слуги ходили по дворцу и зажигали огонь в канделябрах и лампах из александрийского стекла. В пустом тронном зале столкнулись два министра Васак и Гнуни. В полутьме никем не замеченные, они беседовали, а отблески огня высвечивали загадочный блеск в глазах и неприкрытую обоюдную ненависть.

– Васак, это неслыханно! Новая попытка убийства царя.

– Это же надо, Гнуни? Накануне объявления наследника!

Финансист и дипломат, обмениваясь колкостями, заключили, что Тиграну следовало объявить наследника престола немедленно, не дожидаясь нового дня, но с другой стороны, обычай требовал принести дань божествам. Оба решили: в окружении царя есть люди, желающие ему смерти. Конечно, служба безопасности царя разберется, да и царь, человек проницательный, сам всегда чувствует опасность. Чего стоят его пророческие слова «выпьем за правду» и «перед лицом смерти»! Оба министра рассудили: сам бог защитил государя от неминуемой

гибели. Что касается виночерпия, то род Генуни теперь проклянут, всех сошлют в Высокую Армению на соляные копи, имущество конфискуют, а земли заберут в казну.

– Да, – заключил Васак, – конец виночерпия позорный. Поделом подлецу!

Гнуни неожиданно указал на античную скульптуру:

– Знаешь, Васак, этот каменный лев, стоящий здесь, так разинул пасть, будто собирается сказать нечто важное или кого-то съесть.

– Я думаю, он хотел зевнуть, но передумал.

– Действительно, львы в Армении довольно покладистые, не то что в Риме, – Гнуни бросил на оппонента загадочный взгляд.

– В любом случае, – небрежно проронил Васак, – придворный лекарь Егия прекрасно разбирается в ядах и противоядиях. Подождем результаты исследований.

Егия действительно был великолепным лекарем. Он всегда носил при себе флакон с универсальным противоядием «Териак», изобретенным царем Митридатом VI, – подарок Тиграну от понтийца. Митридат ставил опыты на преступниках и добился того, что его препарат защищал от любых ядов. Римляне давно пытались раздобыть это чудодейственное средство, но им не везло.

– Васак, ты человек исключительного ума, – ехидно усмехнулся Гнуни, – тебе подвластны многие тайны, ты и сам часть тайны, но помни: секреты раскрываются в самый неподходящий момент.

– Дорогой друг, – скривил рот Васак, – как говорят греки, многое может случиться меж чашей вина и устами.

Глава 13. Тайна приоткрылась

Лукулл, временно свободный от военных забот, приводил в порядок римскую провинцию Азия (Пергамское царство отошло Риму по завещанию его царя). Понтийское царство присоединять к провинции он не стал, оставив самостоятельным, но в его городах расквартировал легионы, а в пафосной столице Амасии разместил штаб главнокомандующего.

– Я не позволю, – притворно возмущался Лукулл, наместник провинции, поселившийся в самом красивом доме понтийского богача, – откупщикам и ростовщикам из Рима довести провинцию до несчастного положения!

Мурена, его легат, умный, храбрый и трудолюбивый генерал и, кроме того, честный и душевный человек, пылко откликнулся:

– Я своими глазами видел, как притесняют людей. Нужда заставляет иных граждан продавать своих сыновей и дочерей, но в конце концов должники все равно делаются рабами своих кредиторов.

Лукулл сухо произнес:

– Мурена, тебе, как своему лучшему командиру, поручаю освободить притесняемых жителей от мучений и положить конец жестоким вымогательствам.

– Слушаюсь, император! Но, Лициний, будь готов, что римские ростовщики поднимут громкий вопль, заявляя, что им причинили величайшую несправедливость.

– Конечно, римский народ предназначен покорять другие народы и править ими для их же счастья, но в Азии предстоят великие дела, и я хочу склонить на свою сторону провинциалов, заслужить их благодарность.

Лукулл с усердием приступил к насаждению правосудия и законности в покоренных городах, в том числе в Понтийском царстве, но из этого мало что получилось. Волновал же наместника более важный вопрос.

В один из дней в сопровождении охраны он вышел из здания штаба и направился в военную тюрьму, где уже неделю содержали понтийского мудреца Дорилая, советника Митридата. Двери тюрьмы открылись, Лукулл прошел внутрь. В подвальной камере было сыро и темно, только слабый луч света проникал из небольшого оконца у самого потолка. Железная ржавая решетка заскрипела, в камеру вошел проконсул. Он кивком приказал сопровождавшим его военным удалиться, затем глянул на сидевшего к нему спиной старца:

– Я главнокомандующий римской армией Лукулл. Пришел поговорить с тобой.

Мудрец встал, обернулся и грустным взглядом посмотрел на военного.

– Я умею читать по лицам, – сказал Дорилай. – Ты думаешь о триумфе в Риме, и лицо твое выражает тщеславие.

– Что еще ты прочитал на моем лице?

– Ты отважный, постоянен и незлобивый.

– Спасибо за добрые слова. Тебе будет предоставлено более удобное помещение, и будут кормить как моего гостя.

– Что ты хочешь взамен?

– Говори со мной, открой глаза на неподдающиеся моему понимаю вещи.

– Спрашивай.

Разговор продолжался неспешно. Лукулл упирал на могущество и силу Рима. Перед ним склоняется весь мир, но вот загадка: почему цари Понта, Великой Армении и Парфии не желают добровольно подчиниться римлянам? Мудрец Дорилай, согласившись, что Рим сильнее азиатских царей и имеет много легионов, рассказал басню Эзопа.

Поэт в 600 году до н. э. написал басню. Один флейтист, увидевши рыб в море, стал играть на флейте, ожидая, что рыбы выйдут к нему на сушу. Обманувшись в надежде, он взял сеть,

закинул ее и вытащил множество рыб. Видя, как рыбы бьются в сетях, он сказал им: «Перестаньте. Когда я играл на флейте, вы не хотели выходить и плясать». Мораль басни такова: цари не хотят действовать по произволу Рима и плясать под чужую дудку.

Лукулл выслушал равнодушно. Ни для кого не было секретом притязание римлян на мировое господство, и рано или поздно Рим раздавит царей, ведь его законы настолько справедливы, что позволяли грабить и присваивать чужое достояние. Кто-то не согласен? Рим заставит уважать право сильного. Весь мир снабжает гегемона зерном, оливками, вином и золотом, и богатая Азия тоже станет надежным источником для Римской республики.

Проницательный Дорилай устремил пытливым взор на проконсула:

– Лукулл, ты не можешь пленить Митридата, вот что тебя заботит больше всего.

Проконсул насторожился. Старик обладал даром ясновидения. Действительно, в Риме этого главнокомандующему не простят. Пока царь Понта на свободе, война бесполезна. Дорилай еще и надсмехался: скоро все понтийские города снова перейдут под власть Митридата, потому что он великий царь с нетривиальным мышлением и римлянам не по зубам. Вспомнить хотя бы, как понтиец поддержал восстание рабов под предводительством Спартака, когда Рим был на волосок от гибели.

Лукулл хмурился:

– Митридат прячется в Армении, не так ли?

– Царь Великой Армении его друг и союзник.

– Армянский царь высоко вознесся, пора его остановить.

– Остановить то, что не останавливается, нельзя, это породит хаос.

– И что же делать?

– Наблюдать.

– Может быть мне заключить союз с парфянами? – насмешливо поинтересовался командующий.

Лукулл прекрасно знал, что парфяне – бывшие кочевники и скифы – очень опасны. Когда-то они бурей прошли по Азии, дойдя до границ Египта, и нагнали ужас на все страны Европы.

Дорилай скептически хмыкнул:

– Пока Тигран сдерживает амбиции парфян, Рим может спать спокойно.

– Спать спокойно я буду, когда уйду на покой. Заложу в Риме сад и стану коллекционировать вазы, кубки, статуэтки...

– В твоей коллекции уже есть одна статуэтка – грифон, подарок Митридата. Существо, олицетворяющее силу, бдительность и возмездие... еще охраняет путь к бессмертию.

В голове Лукулла что-то щелкнуло, его самолюбие было задето. Метнув любопытный взгляд на старца, он покинул тюрьму, чтобы думать и наблюдать.

Береника, смотревшаяся на фоне блеклых подруг очень привлекательно, в числе прочих девушек прогуливалась в роскошном саду Тигранакерта, когда к ней подошла жена Артавазда Анаит, обладавшая редкой красотой. Армянка имела утонченные черты лица, карие глаза, пышные черные волосы, гордую осанку, была полненькой и темпераментной, при этом, несомненно, твердо стояла на ногах.

– Какой сюрприз! – сделано шутливым тоном произнесла Береника. – Анаит вышла на прогулку?

Обе знатные женщины, красота которых была неподражаемой, испытывали неприязнь друг к другу, но все же, не подавая виду, пошли по дорожке сада мимо клумб с экзотическими цветами, являя собой подлинное украшение царского цветника. Остальные следовали за ними на почтительном расстоянии.

Анаит говорила:

– Береника, ты красивая, мужчины засматриваются на тебя. Светлые волосы, голубые глаза, нежная кожа – завораживающее сочетание, но я-то знаю, что голубоглазые люди могут быть вспыльчивы и раздражительны. От тебя веет холодом, почему?

– Соперничать с будущей царицей сложно.

– Соперничество в крови у любой женщины.

– Я такая, какая есть, – тихо сказала Береника.

– Для меня ты непрочитанная книга. Не знаешь, что ожидать от тебя. – Анаит остановилась: – Но я тебя раскусила!

Береника насторожилась, скосила глаза на Анаит, а та продолжила:

– Ты из тех женщин, которые крутят мужчинами как хотят.

Береника расслабилась:

– Мы существуем для мужчин, для них мы желанный плод.

– Ты все время напряжена...

– Зато ты всегда излучаешь обаяние и женственность.

– У меня есть секрет.

– Секрет? – удивилась Береника.

Анаит озарила «подругу» лучезарной улыбкой:

– Мой секрет – всегда оставаться нежной, доброй и ласковой.

Белокурая бестия туманно высказалась:

– Мы, женщины, нежные, добрые и ласковые, пока нами восхищаются, но когда любви нет, мы злые, раздражительные и сварливые.

Самолюбие Анаит было задето. Ничего не сказав, она развернулась и, гордо подняв голову, ушла. Береника поспешила в свои покои.

Войдя в комнату, она увидела на окне голубка. Тот самый, прикормленный, переданный Сетосу. Теперь голубок принес послание от матери. Береника ласково взяла его и сняла с лапки кольцо с небольшим кусочком пергамента. Выпустив птицу, она развернула миниатюрное письмо с тайнописью на греческом. Ключ шифра она знала: каждый символ в открытом тексте заменяется символом, находящимся в алфавите на второй позиции левее.

Послание гласило: «Кинжал Зал Поликлет Постамент». Береника почувствовала, что новая идея целиком захватывает ее. После нескольких неудачных покушений на Тиграна, подорвавших веру в возможность осуществления замысла, она вновь готова воспарить над миром. Ее мать Селена не сдастся, и Береника тоже будет бороться. Смерть тирану!

В дворце армянского царя была комната тайн, где работал философ, грамматист и историк Айказ и куда никому не разрешалось входить, кроме царя. У входа в комнату день и ночь стояла стража. За деревянной дверью тридцатилетний ученый Айказ исследовал божественные пророчества. Предметом его поиска было постижение смыслов пророчеств – для избегания поворотов судьбы. Работа велась тайно, ее результаты докладывались лично царю.

Озадаченный происшествиями последнего времени и предчувствуя надвигающуюся беду, Тигран вошел в комнату тайн.

– Ты сообщил, что хочешь видеть меня, – обратился он к ученому.

– Я нашел! – вскричал Айказ. – Земной цивилизации грозит опасность! Есть пророчество о гибели мира... Нужно остановить!.. День исполнения пророчества приближается...

– Подожди, не понимаю... – сказал Тигран. – Объясни!

Царь сел в кресло. Айказ, разложив перед ним клинописные глиняные таблички из Вавилона, хранившиеся в местном архиве, обстоятельно рассказал владыке что удалось узнать. Он не только расшифровал текст, но и понял глубинный смысл написанного.

Тайна приоткрылась. У богов есть врата. Через них они вступают в мир и сообщают о своем присутствии. Вавилон – врата бога! Все что мы знаем и умеем, чем владеем и распо-

ряжаемся пришло из Вавилона – столицы звездочетов, астрономов и астрологов. Этот город – исток мировых религий, культов, обрядов, религиозных традиций. До разрушения он был самым большим и самым богатым городом мира. Вавилоняне придумали исчисление времени: 12 месяцев в году, 60 минут в часе, 60 секунд в минуте, а еще измерения по 360-градусной шкале, семь дней недели и прочее. А Вавилонская башня – храм краеугольного камня неба и земли – стремилась достичь обиталища богов на небе.

Когда вавилоняне завоевали Иудейское царство и разрушили храм в Иерусалиме, а иудеев увели в рабство, появилось пророчество: Вавилон будет разрушен. Предсказание сбылось. Место, где стоял город, стало голой и страшной пустыней, где водятся лишь дикие звери и птицы. Историки это несчастье приписали реке Евфрат, мол, она изменила русло, оставив эти края безжизненными как настоящее царство смерти. Вряд ли. Город питали водой искусственные каналы, прорытые от реки.

Почему же должен был погибнуть цветущий мегаполис, столица могущественной державы? Ответ: проклятие богов! Боги свершили суд на Вавилоном. Укрепления, подобные вавилонским, могли не только стоять тысячелетия, но остановить целую армию. Город был окружен глубоким рвом с водой и двойными, очень высокими и широкими стенами, по которым проезжали в ряд восемь колесниц. И все же он не устоял.

Возникает вопрос: за что? Ответ недвусмысленный. Люди, проповедуя глумление и ненависть, в своем стремлении к могуществу захотели вознестись до уровня богов. Боги недовольны разращенностью человеческого рода. Роковая участь человечества состоит в том, что все цивилизации по достижении своего расцвета гибнут.

Тигран недоверчиво смотрел на Айказа:

– Ты хочешь вырвать у прошлого тайны и показать грядущее... Не слишком ли переоцениваешь себя?

– Государь, Вавилон – это символ грядущего. Так же, как когда-то в прошлом был суд над древним Вавилоном, в будущем будет суд над всемирным Вавилоном.

– Ты полагаешь, что Вавилон – это образ: народы, царства, племена, языки?

– Да! Все будет разрушено.

– Но ведь падение Вавилона происходило не однажды?

– Это так. Рука проведения направляла в Вавилон великих завоевателей, и, несмотря ни на какие оборонительные укрепления, они захватывали и разрушали его. Это было предупреждением человечеству.

Однако Вавилон каждый раз возрождался. Айказ вывел закономерность. Все цари, разрушавшие в разные периоды истории Вавилон и похищавшие главную святыню – золотую статую верховного бога Мардука, – умирали насильственной смертью от рук собственных родителей. Причем статуя бога Мардука необъяснимым образом возвращалась в город. Боги давали Вавилону, то есть человечеству, новый шанс. Последним статую видел Александр Македонский. После индийского похода он прибыл в Вавилон, принял участие в его восстановлении, объявил Вавилон центром мира, но внезапно умер во дворце Навуходоносора, стоявшего на фундаменте Вавилонской башни. Статуя исчезла навсегда.

Тигран невольно удивился:

– Получается, вавилонский бог Мардук вершит судьбы мира?

– Не думаю, – сказал ученый.

Доводы были убедительными. У всех народов есть свое верховное божество: у вавилонян Мардук, ассирийцев Ашшур, урартов Халди, греков Зевс, римлян Юпитер, армян Арамазд, иудеев Яхве, персов Ахура Мазда, индийцев Кришна... Кто же из них истинный? Правда в том, что бог един! А религии лишь доносят его волю до разных народов, а возможно, просто существуют лишь в сознании верующих.

Тигран осторожно спросил:

– Как же боги собираются разрушить цивилизацию?

– В рукописях сказано, – с дрожью голоса поведал Айказ, – что разрушение начнется с Армении, с того места, где жизнь зацвела.

Самая древняя в мире карта исполнена на вавилонской глиняной табличке. На карте указаны только Вавилон, Ашшур, Ниппур и Урарту. Слово Урарту с персидского переводится как Армина, а эламского – Арминия. Получается, армянское царство стоит у богов в одном ряду с Вавилоном, Ашшуром и Ниппуром, уже исчезнувших с лица земли. Осталась лишь Армения.

Лицо Тиграна стало бледным. Он встал, в волнении заходил по комнате. Порывисто обернувшись к Айказу, спросил:

– Место, где жизнь зацвела? Где это?

– Не знаю. Ищи знаки.

– Ладно. А как рухнет моя держава?

– Я могу только предполагать. Ну, например, твое государство может быть уничтожено другим государством.

– Это возможно, – сказал царь. – Я постоянно думаю о безопасности, обустроиваю царство, делаю его сильнее...

И тут Тигран, человек проницательный и информированный, предположил кое-что еще. Весьма вероятно, произойдет нечто непоправимое внутри государства. Все разрушится, ввернется в хаос, люди потеряют разум и волю к жизни, и тогда царство умрет. Армянский народ просто исчезнет с карты истории. В последнее время повелитель ощущал опасность, не в отношении себя, в отношении державы, но не понимал, откуда исходит беда. Не успокаиваясь на достигнутом, он, ради сохранения царства и своего народа, был готов идти на личные жертвы.

– Айказ, скажи, спасенья нет? – царь жадно смотрел на ученого.

– Если не попытаемся в меру своих сил изменить судьбу, то гибель твоей державы predetermined, – печально констатировал исследователь.

Тигран с надеждой в голосе спросил:

– Ты нашел способ изменить судьбу?

– Пока нет... Однако есть то, что разрешает узнать судьбу.

Тигран насторожил слух и скосил глаза в сторону философа. Айказ нерешительно положил перед государем еще одну глиняную табличку с клинописью и ее перевод на пергаменте. Верить или нет тому, что здесь написано, решать владыке.

Текст гласил: «Набу, вавилонский бог письменности, тайной мудрости и астрономии, повелитель драконов и сын верховного бога Мардука, написал Таблицу судеб. На ней стоит личная печать верховного бога. Находится Таблица в Храме судеб. Владение этой вещью дает право притязать на мировое господство».

Царь не поверил. Боги никогда не разрешат человеку достичь уровня своего творения. Несмотря на все стремления, тщетны усилия получить бессмертие и народу, и просто человеку.

Айказ рассказал занятую историю. Все завоеватели искали в Вавилоне Таблицу судеб. Ее предназначения открывают божественные замыслы. Вавилонские тексты недвусмысленно говорят о том, что, завладев Таблицей судеб, человек может узнать свою судьбу и получить власть над решениями богов. Кроме того, Таблица обладает магической силой, берегущей жизнь владельца на войне. Вавилонские цари обожествляли эту вещицу, видя в ней источник сверхъестественной силы.

Царь Персидской державы Ксеркс I (тот самый, что перебил 300 спартанцев в ущелье, ведущем в Грецию) пытался уничтожить Таблицу. Этот полусумасшедший правитель совершил святотатство во всех храмах Вавилона. Кошунственным образом открывая гробницы, в саркофаге Бэла в Храме судеб он нашел божественный дар. Узнав из Таблицы свою судьбу, Ксеркс разбил вещицу мечом. Теперь никто, кроме него, не мог претендовать на мировое гос-

подство. Причем Таблица была настолько прочна, что раскололась на части только с третьего удара.

Обломок Таблицы с печатью бога забрал себе Ксеркс. Второй обломок он приказал бросить в воды Евфрата, а третий – в огонь горящего Храма судеб. Это вызвало восстание вавилонян, но оно было подавлено. Золотую статую бога Мардука Ксеркс увез в Персеполь, чтобы сделать появление царей в Вавилоне более невозможным. Ведь царскую власть можно было получить только из рук бога. Младший сын Ксеркса убил отца в его спальне. Золотая статуя бога Мардука исчезла.

С тех пор Таблицу судеб искали все завоеватели. Обломок из реки достали иудеи после освобождения из вавилонского плена и унесли в Иерусалим. В руинах Храма судеб искали обломок парфяне, захватившие ради этого полуразрушенный Вавилон. Нашли или нет – неизвестно.

Тигран задумчиво посмотрел на философа:

– Ты, Айказ, наводишь меня на мысль, что, собрав обломки Таблицы судеб воедино, можно узнать судьбу, а также повлиять на ход событий и спасти человечество?

– Да, государь, – ответил ученый.

– Либо это осколки иллюзий и придется пожинать плоды великих неудач, либо это шанс вмешаться в ход истории... – размышлял царь.

Мысли владыки уносились в вышину. Все, созданное им, когда-нибудь постигнет забвение, но, возможно, он станет тем, кто вернет людям прометеев огонь. В любом случае, придет время, и люди захотят узнать правду о чудесах его царства, и никакие преграды не помешают им это сделать.

В Амасии Лукулл созрел для второй встречи с Дорилаем. Мудреца привели к нему в дом и усадили перед наместником.

– Хорошо ли тебя кормят? – спросил Лукулл.

– Благодарю, проконсул, кормят сносно, – ответил Дорилай.

– Ты знаешь, зачем я тебя позвал?

– Ты ищешь предлог для развязывания войны с Арменией.

– И что ты думаешь по этому поводу?

– Это агрессия!

Политика римского сената в общем-то предполагала захват территорий, но только в ходе оборонительной войны. Тигран – всесильный царь в Азии. К своему государству он присоединил значительные земельные пространства, отнятые у парфян, а также Месопотамию и Сирию. Доходы и блеск его державы впечатляли. Тигран, по мнению римлян, в своем самообольщении считал себя самым могущественным из владык земных. Лукулл понимал: армяне запальчивы, в их землях можно увязнуть, но лакомый кусок был столь притягательный, что не оттяпать его – непростительное легкомыслие. Если поход окажется неудачным, сенат Лукуллу этого не простит, и его имя станет нарицательным в Риме. Но с другой стороны, если все сложится удачно, Рим воздаст проконсулу должные почести. Но на триумфе обязательно нужно провести плененного царя Тиграна.

Лукуллу советники шептали, что захват Тиграна и привоз его в Рим как пленника, приведет к резкому изменению всей карты Азии. Чуть ли не рухнет мир, все придет в движение, легионам придется усмирять народы армяноязычных стран – Киликию, Каппадокию, Великую Армению, Малую Армению, Коммагену, Софену. Усмирять придется и тех, кто захочет оторвать что-либо от Сирии и Месопотамии, и боги знают кого еще. Нарушится равновесие мира, и Римская республика столкнется с новым вызовом. Лукулл смеялся над страхами беспомощных недоумков, и относился к армянам – древнему народу, гораздо древнее, чем римляне – свысока и презрительно, лишь как к источнику сказочного обогащения. Александр Македон-

ский не сумел войти в земли армян? Это его проблемы – не проявил изобретательности и настойчивости!

Да, Лицинием движет какой-то безумный порыв, враждебный здравому смыслу. Азарт гонит его в страну, где есть дикие племена, непроходимые ущелья, а снег в горах никогда не тает, но на пути к величию проконсул готов преодолеть любые трудности. А еще есть одна волнующая его тайна. Ее Лукулл, несомненно, сумеет выведать. Являясь страстным библиофилом, однажды в библиотеке разграбленного его легионерами города он нашел редкую рукопись. Он понял интуитивно: в свитке кроется сокровенная тайна. Заинтересовавшись, Лициний захотел распутать загадку. Мудрец Дорилай должен что-то знать...

Лукулл спросил:

– Дорилай, из одного манускрипта я узнал, что Митридат владеет некоей тайной, которую я хотел бы разгадать.

Старик внимательно посмотрел на командующего:

– Митридат хранит много тайн. Римские шпионы охотились за секретом териака – препарата, защищающего от любых ядов. Царь знает средство верного зачатия ребенка, а также панацею от любых болезней.

– Я имею в виду тайну, открывающую путь к неограниченной власти, – загадочно произнес Лукулл.

Дорилай бросил на него удивленный взгляд:

– Ты богат, справедлив, обходителен и щедр, весьма аристократичен в своих привычках. Зачем тебе власть? Власть развращает, к ней привыкаешь, она ударяет в голову.

Лукулл хладнокровно рассудил:

– Ты мудрец, а не видишь много преимуществ. Властные люди решительны, у них всегда есть выбор, они могут заглянуть за грань обыденного...

– И что ты хочешь там увидеть?

– Я хочу понять, кто на самом деле управляет миром.

По мнению Лукулла, человечество разобщено, что делается специально. Он верил в створ великих, однако не понимал целей и механизмов осуществления замысла. Кто-то специально сталкивает между собой народы, чтобы вертеть ими, как кукловоды марионетками. Кто же диктует народам волю? Властелины крупных держав связаны деловыми, родственными и оккультными связями. Они хозяева истории. Мир велик и сложен, но как им можно управлять, как достигается равновесие? *Sapienti sat!* (Умный поймет! – *лат.*)

Проконсул подошел к окну и, не оборачиваясь, как бы невзначай спросил:

– Что делает Митридата неуязвимым?

Дорилай молчал.

– Не молчи, в моей власти тебя казнить и миловать.

Мудрец нехотя произнес:

– У него есть талисман, уберегающий от напастей.

– Ты не договариваешь.

– Это какой-то обломок, он никому не говорит.

– Обломок чего? – Лукулл обернулся и вперил в мудреца пристальный взгляд.

Мудрец молчал.

– Тайны! – Проконсул свысока смотрел на старика. – Я обожаю разгадывать тайны. Что тебе известно о Дворце власти?

Дорилай вздрогнул. Подняв голову, тихо проговорил:

– Дворец власти – это место, где сливаются сакральная власть и высшие силы.

Лукулл ощутил над своей головой ореол исключительности. Значит, не миф! Он представил, как будет ехать на колеснице с триумфом по Риму, а толпа неистовствует...

– Где находится Дворец? – строго спросил проконсул.

- Не знаю... Митридат говорил, где-то в горах Великой Армении.
- Кто еще знает об этой тайне?
- Все цари Парфянского царства искали Дворец.
- Вот как? И не нашли?
- Нет, не нашли.
- Римская республика достойна постичь эту тайну! – с воодушевлением воскликнул

Лукулл.

Мудрец посмотрел на него иронически:

- А если это знание станет последним жизненным эпизодом республики?
  - Мы, римляне, верим в счастливые обстоятельства, – спокойноотреагировал проконсул.
- Дорилай тихо предупредил:
- Не строй радужные планы, все может перемениться...

Лукулл зловеще усмехнулся. Он знал рецепт успеха: быть смелым и иметь непреодолимое желание преуспеть.

На площадке для тренировок одного из легионов опытные воины натаскивали новобранцев.

Центурион ободрял молодежь:

- Солдат обязан подчиняться командиру, и, если потребуется, погибнуть в бою!

Одни солдаты оттачивали навыки владения мечом на чучеле, другие стреляли по мишеням из лука, а третьи метали дротики в пустые пивные бочки.

– Освоить военное ремесло этим болванам будет нелегко, – говорил Публий Клодий своему брату Аппиусу.

Братья Клодии – высокие, статные и сильные воины, – когда Лукулл задумал предприятие – войну с Митридатом, – с удовольствием записались в армию проконсула. Тот на них мог положиться. Серьезный и умный Аппиус и беззаботный, беспечный Публий были братьями жены Лукулла. Став легатами, они получили в управление по легиону. История предназначила Публию Клодию сыграть неприглядную роль в развале Римской республики. Его одиозная фигура поспособствовала превращению республики в монархию особой формы – Римскую империю. Сегодня Публий прискакал в расположение легиона брата взглянуть на новобранцев и понаблюдать за ходом тренировок молодых солдат.

– Они бывшие крестьяне. Записались в легион, чтобы поймать удачу и разбогатеть, – насмешливо сказал Аппиус Клодий.

- Неотесанная деревенщина, – весело сказал Публий.

- Дисциплина и военные занятия сделают их непобедимыми.

– Согласен. Если тысячу раз повторять упражнение, закалится характер любого воина, и мы получим превосходство в битве.

Брат поведал:

- Лукулл радеет за то, чтобы не было праздности, а воины усердно тренировались...

Раздался голос посыльного:

- Легат Аппиус Клодий! Тебя вызывает главнокомандующий!

Прибыв в штаб, Клодий проследовал в расположение начальника. Чеканя шаг, вошел в кабинет:

- Император, приветствую тебя!

Лукулл кивнул, предложил легату сесть.

– Я всегда покровительствовал тебе, Аппиус. Ты – один из лучших моих генералов, исключительный человек. Высоко образован (учился в Греции), тонко разбираешься в политике и дипломатии, знаешь этикет.

- Слушаю тебя, император!

– Хочу поручить тебе деликатную миссию... Митридат прячется у армянского царя, и, чтобы его достать, армия должна идти на Армению... Я много думал над возможностью этого похода...

Клодий было запротестовал, так как сенат не давал разрешения на эту войну, но Лукулл его остановил:

– Пока не будем обсуждать последствия этого шага, сначала разведем, как отнесутся к этой идее парфянский царь и вассальные цари Тиграна. Ты инкогнито поедешь в Парфию склонять царя Фраата III к союзу с Римом.

Клодий поднял широко расширившиеся глаза на собеседника. Известно: Фраат придерживался нейтралитета во всем, что связано с Арменией. Кроме того, все в армии знали, что между Римом и Парфией обострилось соперничество. Конфликт мог вспыхнуть вот-вот.

– У нас с Парфией назревает конфликт... – колебался Клодий.

Лукулл смотрел на подчиненного как на медленно соображающего служаку.

– Ты прирожденный дипломат, умолчи об этом, – сказал он.

Легат сомневался в миссии:

– А нейтралитет?

– Соблюдая нейтралитет, Фраат рискует опоздать к дележу жирного пирога, – саркастически сказал Лукулл.

– Понятно. Когда выезжать?

– Отправляйся немедленно! И вот еще что... – Лукулл странно посмотрел на Клодия: – Есть тайна, которую я хочу узнать. Попробуй выведать у Фраата кое-что о Дворце власти. Какая магическая сила затаилась там? – Начальник улыбнулся: – Хочешь познать истину, имей волю докопаться до нее...

Береника, озираясь по сторонам, незаметно проникла в зал приемов дворца Тиграна. Как кошка, она неслышно перебежала от колонны к колонне, пока не оказалась у скульптуры Поликлета «Раненая амазонка». Эта скульптура ей нравилась всегда: изящность силуэта, легкость пропорций, необыкновенная женственность. Композиция со слабеющей женщиной-воином была близка Беренике и вызывала в ней гамму эмоций, а иногда девушка даже представляла себя в образе раненой копьем и теряющей силы амазонки.

Встав за скульптурой, Береника осмотрела постамент бронзовой фигуры, и, увидев сделанное в нем отверстие, заложила туда клинок кинжала, принесенный в складках одежды. Она сняла его со стены в оружейном зале. Не успела завершить дело, как услышала приближающиеся шаги.

В зал вошли Метродор и Амфикрат, два мудреца. Оба греки, и если Метродор покинул Грецию, так как ненавидел римлян, захвативших его родину, то Амфикрат, выдающийся ритор и писатель, был изгнан из Афин соотечественниками, так как пытался доказать, что большинство политических теорий, созданных Платоном и Аристотелем, не годятся ни для чего, кроме как для деклараций перед праздною афинской публикой. Оба стали советниками Тиграна.

– Смерть – это зло, – говорил Метродор.

– А вот Зенон вывел умозаключение: зло не может быть славным, а смерть бывает славной, значит, смерть не есть зло! – в полемическом запале утверждал Амфикрат.

– Аркесилай критиковал Зенона и учил, что все вещи непознаваемы, а идеал мудрости – свобода от заблуждений...

Они остановились посреди зала и, не замечая девушку, состязались в красноречии. Береника равнодушно внимала риторике мудрецов, а те, продолжая извечный спор, доказывали друг другу, что болтовня не принесла миру ни порядка, ни дисциплины. Всю мудрость мира можно уложить в одну строку: человек рождается, страдает и умирает. Армяне, они не болтают, они создают свою цивилизацию. Все свободные люди, живущие в державе Тиграна, явля-

ются ее гражданами с одинаковыми правами и обязанностями, подданные верны своему царю, а греки говорят, что это раболепство. Но в Армении порядок, благосостояние и безопасность, армянские купцы ездят по всему миру. Тигран создал огромное государство, оно, конечно, нестабильно, но царь прикладывает самоотверженные усилия, дабы удержать его от распада. Оба мудреца согласились: 1) царь Тигран опережает свое время; 2) у него есть дар воодушевлять и объединять людей.

Вдруг Метродор сказал:

– Я вижу признаки упадка в державе Тиграна...

Удивленный Амфикрат осведомился:

– Ты сообщишь ему об этом?

– Я обещал. Скрыть правду – значит лгать.

– Навлечешь на себя царский гнев.

– Надеюсь, государь справедлив...

Мудрецы следовали мнению Сократа по поводу справедливости. Несправедливость наносит больше вреда тому, кто ее совершает, чем жертве. Предстояло помочь царю сохранить державу. Когда прозвучали слова о Таблице судеб, никем не обнаруженная Береника, стоявшая за статуей и невольно подслушивавшая не интересные ей философские споры, вострогнула и внимательно прислушалась.

Амфикрат произнес:

– Царь считает, что предназначения Таблицы судеб открывают божественные замыслы. Завладев вещицей можно узнать свою судьбу и получить возможность изменить ее!

– Таблица разделена на три части, – напомнил Метродор. – Местонахождение двух обломков мы знаем: один у царицы Иудейского царства Саломеи Александры в Иерусалиме, другой у парфянского царя Фраата III в Нисе. Никто не знает куда царь Ксеркс поместил третий обломок.

– Поищем ответ в старых манускриптах! – предложил Амфикрат.

Философы ушли, а Береника, немного помедлив, осторожно пробралась в свои покои.

Глава 14. Раб страсти

Город Селевкия в Древней Сирии (развалины находятся в 25 километрах к югу от Багдада) находился на реке Тигр, являясь восточной столицей державы Селевкидов. Он располагался на вершине холма с крутыми склонами, естественным образом занимая выгодную оборонительную позицию. В цитадели Селевкии, охраняемой денно и нощно армянскими воинами, царь Тигран держал пленницу – непокорную Клеопатру Селену I, царицу Сирии.

Когда Тигран завоевал Сирию, чего только царица Селена не делала. Она ездила в Рим просить помощи и войска, пыталась захватить египетский престол, организовала оборону финикийских городов от ненасытного Тиграна. Все напрасно. После долгой осады финикийской Птолемаиды Тигран все-таки город взял, царицу пленил и теперь держал ее в качестве пленницы в каменной цитадели Селевкии.

Как львица она металась по комнатам крепости и рычала на прислугу. Хищно сверкая глазами, ругалась со стражей, потом, обессиленная, рыдала, снова брала себя в руки и, мстительно улыбаясь, придумывала новый способ насолить Тиграну. Она объявила охоту на этого тигра. Находясь в изоляции, царица побуждала своих сторонников быть смелее и настойчивее, и невидимые нити заговоров потянулись из Селевкии во дворец армянского царя.

В комнату вошел Сетос. Царица, исполненная гордости и ощущения собственного превосходства, стояла спиной к двери и думала об очередной уловке против Тиграна, наконец развернулась и устремила взгляд на преданного ей Сетоса, допуская к Селене в роли лекаря.

– Моя госпожа, я принес известие о твоём сыне.

Селена с великим вниманием приготовилась слушать.

– Твой сын Антиох XIII, царь в изгнании, все-таки заключил союз с набатеями! – обрадовал ее Сетос.

– О боги, свершилось! Я столько сделала, чтобы освободить Сирию от ненавистного Тиграна! Наконец-то мои молитвы услышаны.

– Вынужден огорчить: сил для возвращения себе царства у Антиоха недостаточно, даже с учетом верных ему войск и армии набатеев.

– Знаю.

Сирийская аристократия отвернулась от Антиоха XIII и захотела видеть на троне Тиграна. Сирия в своем развитии оставила позади все государства мира, но заносчивость Антиоха привела к упадку страны и смуте, и зная предала его, обратившись к Тиграну с просьбой навести порядок и возложить на себя корону селевкидских правителей. Антиох как правитель показал себя слабым. В два года он взошел на престол после смерти отца, Селена стала при мальчишке регентом, а потом соправителем. Однажды мальчик возмужал, но без помощи матери обойтись не мог никогда.

Сетос это знал, но решил с почтением польстить царице:

– Женская интуиция и рассудительность помогают тебе безошибочно видеть суть вещей.

– Друг мой, женщин недооценивают, – Селена язвительно улыбнулась. – Из-за женщины погиб самый могущественный царь Востока – Кир Великий...

По легенде, любовью Кира Великого, тридцать лет правившего Персией, была Томирис, царица массагетов (кочевого народа из Скифии). Однажды она гордо отвергла любовь царя, и он, оскорбленный и взбешенный, двинул многотысячную армию в ее страну. В бою погиб сын Томирис, и царица поклялась напоить ненавистного завоевателя кровью. Ей это удалось. Она измотала армию царя Кира, его убила, а голову приказала засунуть в кожаный мех с кровью. Таков бесславный конец любвеобильного тирана – самого успешного завоевателя до появления Александра Великого.

Сетос снова сокрушенно вздохнул:

– Госпожа, с огорчением должен доложить: Рим опять отверг твои претензии на египетский трон.

Царица Селена действительно была единственной законной наследницей династии Птолемеев и надеялась, что Рим поддержит ее притязания. Однако в Риме извлекли на свет документ, в котором Египет якобы завещан римскому народу. Сенат боялся и Селену, и заявленные ею права на объединение царств Селевкидов и Птолемеев.

От новости лицо царицы исказилось, однако эта женщина никогда не сдавалась. Не все потеряно, она найдет способ вернуть утраченный трон. Ее дочь Береника по характеру схожа с матерью. Сложность положения только придает сил обеим красавицам.

– Отравить Тиграна не удалось, – опять огорченно вздохнул Сетос.

– Знаю, – сказала Селена. – Я уверена, Береника получила мое послание по голубиной почте и готовит новое покушение на Тиграна.

– За твоей дочерью постоянно следят. Со мной она встречалась с риском для жизни, выбравшись из дворца по отвесной стене здания.

Селена хищно усмехнулась:

– Береника на многое способна. Ведь в нашем роду были боги... Она вся в меня.

Пятый муж царицы, Антиох X, восхищаясь супругой, говорил: «Природа создала красивую, умную, но очень опасную женщину, из рук которой мужчины даже яд принимают с удовольствием».

– Береника такая же златокудрая красавица, как и ты, – польстил Сетос.

Селена была уже в зрелом возрасте, носила скромную прическу с туго уложенными на затылке прядями светлых завитых волос, убранных в сетку из золотых нитей. И даже в каземате одета она была восхитительно: зеленый хитон, скрепленный золотыми пряжками на плечах, и подпоясанный на талии.

– Моя дочь мастерски владеет как искусством обольщения, так и боевыми искусствами.

– Да, моя царица, – поклонился Сетос, – мне показалось, она порождение необузданных сил природы...

Селена мстительно озлобилась. Тигран запер пленницу в этой мрачной крепости, а бедную дочь сделал своей наложницей. Но Береника знает, кто ее враг; девушкой движет жгучая ненависть к узурпатору. Конечно, Береника юна и ранима, но в ее арсенале имеются гнев, слезы и другие женские хитрости, она умеет льстить и подавлять свои желания. Она справится. Сетос видел, как сильно задето самолюбие царицы, но это была та потребность, дававшая ей чувство превосходства над реальностью.

Помощник мягко намекнул:

– Ее полюбил сын Тиграна...

Селена мгновенно отреагировала:

– Тигран Младший стал рабом любовной страсти к Беренике, и она этим воспользуется, я уверена!

– Царица, твой новый план идеален, – Сетос поклонился.

– Я безжалостно раздавлю царя Тиграна. Посмотрим, как он защитится от ножа, огня и магии!..

Сетос ушел, а Селена еще долго не могла успокоиться.

В Тигранакерте утро. Приятная прохлада проникала в покои огромного дворца.

– Ты чудо, и всегда действуешь на меня успокаивающе, – говорил Тигран Младший, целуя и лаская Беренику.

Они лежали на кровати в покоех царевича, где на стенах висели луки, мечи и кинжалы. Один из мечей, подарок отца, был сделан из дамасской стали. Литой узорчатый булат, резав-

ший доспехи, как масло, занимал центральное место в коллекции юноши. Лучи солнца нового дня уже пробивались сквозь окна и, создавая неповторимую атмосферу уюта, преображали суровое жилище холостяка. Начинался новый день, и опять Тиграну Младшему придется притворяться, будто он верноподданный царя и терпеливо выслушивать его нравоучения. Такие муки невыносимы! Юноша постоянно думал об отце, даже в постели не позволял себе расслабиться. Царь унизил его, объявив брата, который глупее и наивнее, наследником престола. Да, невежественный брат превосходит царевича в силе. «Ну это мы еще посмотрим!» – думал он. Береника научила любимого быть осторожнее, держать свои мысли при себе, никому не показывать злость. Милая постоянно удерживала его от необдуманных поступков.

Береника приподнялась на локте и поцеловала юношу в губы:

– В твоей душе горит пламя. Упиваясь молодостью, даже не замечаешь, что тобой управляют чувства. Хоть и царишь в моем сердце, боюсь, наша любовь не станет панацеей от одиночества.

– Да, мне не нравится постоянство, – слабо улыбнулся он, – но я страстно хочу на тебе жениться.

– Знаешь, – вдруг оживилась возлюбленная, – я случайно услышала разговор Метродора и Амфикрата. Они говорили, что царь ищет Таблицу судеб.

– Что это? Зачем она ему?

Девушка пересказала подслушанный разговор. Царевич, услышав невероятную историю, воспрял. Таблица открывает замыслы богов, дает возможность узнать свою судьбу и повлиять на нее! Новость поразила Тиграна Младшего до глубины души. От него скрывали тайну! Имея такую вещичку, можно стать правителем мира, не то что одного царства. Из уст любимой царевич узнал, что Таблица разделена на три части, три обломка. Первый – у царицы иудейской, второй – у парфянского царя, где третий – царедворцы пытаются определить.

Царевич встал с постели и задумчиво произнес:

– Отец всегда учил, что сильный человек вершит свою судьбу сам. Что-то небывалое случилось в царстве, раз царь решил поспорить с богами.

В зал военного совета стремительно вошел царь Тигран. Все члены совета уже собрались, они встали и поклонились.

– Мамиконян, докладывай! – приказал сердитый царь, усевшись в кресло.

– Государь, получено донесение: в Сирии назревает восстание, туда вернулся беглый Антиох XIII. Он заключил союз с набатеями и сеет смуту.

Набатей – воинственный и богатый народ. Через их столицу Петру шли караваны из Аравии с ладаном и миррой – ароматическими смолами, ценящимися выше золота. Царь набатеев Арета III, смелый и мужественный человек, не иначе как задумал оторвать кусок от Сирии, а Антиох XIII был ему нужен как повод, чтобы войти в сирийскую землю.

Тигран жестко отреагировал:

– О каком ущербе моей державе может идти речь?

– Вероятнее всего, Арета захватит Дамаск, Птолемаиду, Тир и Сидон.

Лицо Тиграна стало суровым:

– В Сирии меня почитают как бога...

Сирийцы исправно платили Тиграну налоги, а еще сумели поставить банковское дело так, что серебряные монеты с профилем Тиграна ходили по всему миру. Уже четырнадцать лет эта страна благодаря армянскому царю не знала войн, процветала и благоденствовала.

Царь продолжал неистовствовать:

– Я не позволю Арете нарушить мир! – Затем, успокоившись, обратился к министру: – Васак, докладывай!

Встал Васак и с тревогой в голосе произнес:

– Великий государь! Ты принес Сирии политическое успокоение и экономическое возрождение, но наступили тревожные времена. Агенты Антиоха XIII на юге Сирии подстрекают местные племена, подогревая настроения недовольных...

Наместник Тиграна Баграат стоял во главе стран, захваченных у Селевкидов, в том числе Сирии. Приближенный к царю армянский сановник, умный и решительный человек, хороший дипломат и политик, он не позволял никому разжигать конфликты в стране. Но с ним расквартирован лишь восьмидесятысячный армянский гарнизон, даже с учетом двадцати тысячи сирийских солдат для отражения наступления Ареты войск явно недостаточно. Армяне имели хорошую разведку, быстро доставляли информацию во все уголки державы, четко работали почтовая и костровая связь, но требовались неординарные меры, чтобы разрешить сложившуюся ситуацию.

Встал Гнуни:

– Государь, фараон Египта Птолемей XII сумел захватить власть лишь благодаря твоей военной и политической поддержке. Предлагаю просить его вступить в войну с набатеями.

Когда народ египетской Александрии ворвался в дворец и убил фараона Птолемея XI, законных наследников Египта, помимо Селены, не осталось. Тигран сумел посадить на трон этой страны «флейтиста» – незаконнорожденного сына фараона от греческой любовницы. Тот, страстно увлеченный игрой на флейте, взял себе тронное имя Птолемей XII.

Васак занервничал:

– Освобождая Сирию, ты, государь, тогда прогнал набатеев. Они признали твою верховную власть над этим царством, а теперь нарушают договор... О великий! Только ты способен противостоять Арете, только ты должен возглавить войско и немедленно выдвинуться в поход!

Тигран думал. Арета III сильно ему досаждал. Постоянно вмешиваясь в борьбу за власть в Иудее, правитель Набатеи давно мечтал взять Иерусалим. Иудеи, которых опекал Тигран, были настроены агрессивно против набатейского царя. Если Сирия падет, на Ближнем Востоке начнется большая война. Петра, столица набатеев, – узел, где сходятся все караванные пути мира. В этом городе, в скальном храме Эль-Хазне, цари набатеев хранят свои богатства. Несметные сокровища! Пришло ли время контролировать этот узел?..

Встал Артавазд:

– Государь, разреши мне с отрядом конницы совершить набег на Петру, чтобы упредить противника!

Тигран жестко отреагировал:

– Артавазд, тебе еще будет представлена возможность отличиться... Петра хорошо защищена отвесными скалами. Как известно, Антигон Циклоп попытался захватить Петру, но потерпел неудачу...

Антигон Циклоп, удачливый и бесстрашный полководец Александра Македонского, в ходе одной из битв потерял глаз, но не разрешал врачу вынимать стрелу до окончания боя. После смерти Александра он до безумия в фанатизме вел войну со своими товарищами-полководцами за наследство царя.

Встал Меружан:

– Государь, дай мне десять тысяч пехотинцев, и я разобью Арету, если он попытается войти в Сирию.

Тигран Младший, молчавший до этого, подал голос:

– Не только набатеи, но и Рим и Парфия стремятся включить Сирию в сферу своего влияния. Они считают ее ключом к твоей державе, государь. – Царь внимательно посмотрел на сына, а тот продолжил: – Если отколетя Сирия, отец, тебе не удержать державу единой. Я за войну, немедленно!

Царь спокойно отреагировал:

– Мой сын очень воинственный, он еще не понял две вещи: война – не игра, поражение – катастрофа. Война – это последнее средство, к которому я прибегаю, чтобы восстановить порядок.

Тигран встал, подошел к чаше мира, наполненной до краев водой. Полная чаша, вызывавшая у него образ достатка царства, напоминала, что в Армении есть все блага. Эту бронзовую чашу, как реликвию, передавали из поколения в поколение в династии Аргашесидов, чтобы, глядя на рисунки сцен кровавых битв, царь помнил о благородной цели – содействовать миру.

Тигран твердо сказал:

– Я не ищу предлога к насилию, редко выхожу из себя, подавляю свои эмоции и стараюсь быть сдержанным и к сторонникам, и к противникам, но царский меч опустится на головы тех, кто встанет на моем пути.

Глава 15. Парфянская головоломка

Царь Фраат III принимал тайного посланника римского наместника в своем дворце в столице Нисе (руины города сохранились в 18 километрах к западу от Ашхабада). Парфяне, отняв у Селевкидов Персию и юг Месопотамии, хотели также вмешаться в дела Сирии, но Тигран II положил этому конец, и внешние границы Парфянского царства стабилизировались. А вот борьба внутри этого царства не затихала ни на минуту. Часть парфянской знати была настроена проримски, войны не хотела, другая же часть, напротив, стремилась к широким территориальным завоеваниям, призывая к войне с Римом. После периода смуты и двоецарствия компромиссной фигурой для обеих группировок стал царь Фраат III.

– Посланник Рима – мой друг! – лучезарно улыбаясь, говорил хитрый Фраат. – Одна из первых обязанностей дружбы состоит в том, чтобы предупреждать просьбы друзей. Попробуй халву с цветами, вкус изумительный.

Клодий и царь расположились на мягких диванах, между которыми накрыли столик с восточными сладостями и фруктами. Клодий, преподнеся царю дар – изящный золотой кубок (царь даже не удосужился на него взглянуть), – уже было собрался блеснуть красноречием и открыл рот, как царю доложили, что талисман, защищающий его столицу от всех бедствий, похищен. Бородатый правитель, светловолосый и светлоглазый, с белой лентой, повязанной вокруг головы, в пышной восточной одежде, украшенной золотом и жемчугом, очень рассердился:

– О боги, кто мог украсть реликвию?! Стража!!

Клодий, желавший произнести дежурную фразу, приготовившись пустить весь потенциал личного обаяния, закрыл рот и насторожился. Он многому подивился во дворце Фраата: и архитектура, и убранство залов, и скульптура, и манера одеваться – все причудливая смесь греческого, персидского и скифского.

А Фраат уже вошел в состояние неистовства. Вскочив с дивана, он закричал:

– Кто выходил из дворца?!

– Никто не выходил! – докладывал начальник стражи.

– Немедленно поймать вора!! Привести сюда Манतिकору!! – вопил царь.

Он жестом пригласил Клодия следовать за собой.

– Уважаемый посланник, возникла чрезвычайная ситуация. Похищен талисман. Невероятно! Он был под охраной Манतिकоры.

Столица Ниса неприступна, потому что защищена кольцом мощных городских стен, и если кто-то попытается штурмовать их, на него обрушится огненный дождь из сырой нефти. За последние двести лет враги так и не смогли захватить город, и парфяне верили, что это благодаря защите волшебного талисмана.

– Кто такая Манतिकора? – поинтересовался Клодий.

– Кошка.

Римский дипломат, недоумевая, просто следовал за царем, а тот вдруг остановился и, сделав страшные глаза, разъяснил:

– Манतिकора – это чудовище с телом красного льва, головой человека и хвостом скорпиона. У него рыжая грива, три ряда зубов и глаза, налитые кровью. Хвост, кстати, заканчивается шипами, яд которых убивает мгновенно. Я назвал Манतिकорой свою кошечку.

Они шли по коридору дворца, и в какой-то момент Клодий остался один. Озираясь по сторонам, он пытался найти Фраата, но того нигде не было. Клодий пошел дальше и оказался в обширном внутреннем дворе – своеобразном световом колодце для прилегающих помещений, что-то вроде римского атриума. Стоя посреди двора в белоснежной тоге, он посмотрел наверх, увидев на всех четырех этажах суетившихся людей, а на верхнем стоял царь Фраат и смотрел

на гостя. Шум внезапно стих, взгляды людей устремились также на Клодия. Тот, не понимая, что происходит, опустил голову и тут увидел «кошечку».

Во двор неслышно вошел огромный тигр. Это был самый совершенный хищный зверь из всех, когда-либо виденных Клодием. Тигр был спокоен и нетороплив. Шел он непринужденно и легко, держа тяжелую голову полуопущенной, шаги его были плавны и мягки.

Подойдя к Клодию, тигр тонкими кончиками усов прикоснулся к тоге, возможно оценивая величину объекта, потом обнюхал человека, при этом кончик его хвоста извивался из стороны в сторону. Зубы тигра оказались совсем рядом с рукой легата. Хищник поднял голову, направив насквозь пронизывающий и заволаживающий взгляд на человека. От одного лишь осознания, что рядом опасный зверь, сердце легата учащенно забилось, а все органы чувств предельно обострились. Оба, человек и хищник, глядели друг другу в глаза, затем тигр, видимо почувствовав сильную волю мужчины, потерял к нему интерес, отвернулся и пошел дальше.

На втором этаже, пройдя мимо дворцовой челяди, тигр приблизился к человеку, похожему на повара, разинул пасть, и рев – громкий, протяжный и жуткий – сотряс все этажи дворца. Удовлетворенный наделанным шумом, зверь пошел дальше и улегся у дверей в покои дочери царя. Довольный и умиротворенный, он мурлыкал почти как кошка, а кончик его хвоста плавно загнулся кверху.

Шокированный происходящим, Клодий оставался неподвижным, наблюдая за происходящим. Дверь покоев царевны открылась, и вышла прекрасная Родогуна. Клодий изумленно уставился на очаровательную девушку. Ее тонкие черты лица обрамляли светлые волосы; гибкий стан и прекрасные голубые глаза придавали ей очарование и привлекательность. Облик завершали яркая красная туника, головной убор, ожерелье, серьги и браслеты. Родогуна, потрепав «кошечку» по загривку, подошла к перилам ограждения атриума и глянула вверх.

– Я это сделала, чтобы привлечь твое внимание! – она потрясла перед отцом цепью с золотым медальоном с чеканным ликом Солнца.

– Чего ты хочешь, Родогуна? – возбужденно кричал царь с четвертого этажа.

– Я хочу замуж!

– Но, дорогая, пока нет достойного жениха.

– Мне надоело ждать. Хочу замуж!

– Хорошо, хорошо, только уведи Мантикору!

Вредная Родогуна повязала шею тигра шелковым шнурком, шлепнула его; тот встал и пошел рядом с царевной. Со шлейфом неповторимого загадочного аромата она прошла мимо Клодия, даже не повернув головы. Римлянин с восхищением смотрел на удаляющееся хрупкое существо таинственной природы, наделенное необычайной красотой и способное к тому же укротить свирепое чудовище.

– Друг мой, – внезапно за спиной посланника раздался голос коварного царя Фраата, – ты вел себя мужественно, хотя, уверяю, тебе ничего не угрожало.

Они направились в святилище бога Шамаша, находившееся тут же во дворце. Парфия, огромная страна, простиралась от Великой Армении до Индии. Счастьем и богатством парфяне обязаны могущественному богу Солнца Шамашу, в святилище которого постоянно горел священный огонь.

Фраат туманно пояснил:

– Посланник, в этом неугасимом пламени мне видится лик бога.

Святилище сделано с любовью к декоративным деталям. В центре помещения, украшенного многоцветной росписью стен, на постаменте стояла изготовленная из золотистого базальта статуя бога Шамаша в пышной одежде. Раскрашенная красками скульптура в человеческий рост выглядела настолько реалистично, что казалось, Шамаш сейчас заговорит. Лучи света падали из большого круглого отверстия в потолке прямо над статуей. В это же отверстие выходил дым от негасимого огня, горящего у подножья изваяния. На его груди сиял злополучный

талисман. Слуга, сняв медальон с золотой цепью с шеи статуи, передал его Фраату, а тот милостиво разрешил Клодию рассмотреть талисман подробнее. Золотой диск размером с яблоко имел на лицевой стороне лик Солнца, а на обратной кусающую себя за хвост змею и пятилучевую звезду.

Клодий, держа в руках реликвию, невольно задумался об удивительном народе – парфянах. Как образованный человек, он знал, что это царство основал Андрагор, селевкидский наместник в области под названием Парфия. Однажды, взбунтовавшись, он провозгласил свою независимость от Селевкидов и объявил себя царем. Потом в его царство вторглись племена дахов, парнов и массагетов. Андрагор погиб в схватке, и царством стали править потомки кочевников.

– Мои сыновья Ород и Митридат, – представил Фраат Клодию юношей, вошедших вслед за ними.

От Клодия не укрылся злобный блеск в глазах юношей, такой же, как у тигра, занявшего свое место за решеткой в нише святилища. Тигр облизнулся и уставился на легата.

Фраат перехватил направление взгляда гостя:

– Манतिकору выпускают, когда здесь нет царя и его приближенных.

Клодий решительно сказал:

– Я бы хотел поговорить о делах!

– Конечно, посланник, прошу за мной! – расплылся в улыбке Фраат.

Они вновь расположились на диванах. Охрана – стражники в доспехах из чешуйчатой брони с пиками и мечами – неусыпно бодрствовала.

Клодий произнес заготовленную речь:

– Сухопутная торговля между Римом и Китаем нуждается в контроле на протяжении всего пути. Мы бы хотели обойтись без посредничества Великой Армении и просить тебя, государь, способствовать этому вопросу.

– Парфянское царство будет радо оказать услугу Риму, – недоверчиво прищурился Фраат.

– Рим рассчитывает упрочить отношения с твоей державой и предлагает заключить союз.

– Союз против кого? – без энтузиазма спросил царь.

– Разумеется, против Великой Армении. Римский наместник Лициний Лукулл считает, что две огромные державы, Римская республика и Парфянское царство, могли бы контролировать Великую Армению.

– И это мне говорит посланник Лукулла! – разочарованно надулся царь. – Парфия оказала большую услугу Риму в войне с Митридатом, а что получила? Нам даже не возвратили наших вассалов!

Речь шла о царствах Эдесса, Элимаида и Кордуэна. Дипломат Клодий попытался переубедить царя:

– Мы хотим дать мощный стимул деловой активности нашим странам...

– По моим данным, – быстро сказал царь, – Рим хочет превратить Парфию в вассальное государство.

– Наши намерения в отношении Парфии искренни...

– Не верю! Корыстолюбивые политики Рима нацелились на парфянские сокровища.

– Риму нужен надежный союзник...

– Да и вообще, – заключил Фраат, – Рим препятствует моему господству на Востоке.

После этих слов Клодий не знал, что и сказать. Все было сущей правдой. Но союз необходим. Только в союзе с Парфией можно поставить Тиграна на колени.

Клодий нашел еще один аргумент:

– Государь, ты вернешь земли, отнятые у тебя Тиграном.

Фраат скривил рот:

– Наша пословица гласит: бери кусок по величине рта. Я не хочу связываться с Тиграном II, мы и так потеряли треть царства, не хватало лишиться еще и остального.

– Государь, правильно я понял: ты отказываешься от союза с Римом?

– Нельзя насильно тащить собаку на охоту, – притворно обиделся Фраат.

– Прошу меня извинить, если я чем-то тебя обидел. Дружба требует взаимных симпатий.

– Именно, друг мой! Попробуй шербет, вкус изумительный.

Помолчали. Вдруг Клодий спросил:

– Я слышал легенду про Дворец власти...

Парфянский царь напрягся:

– И что тебя интересует?

– Существует ли он? Что там?

– Легенды придумывают люди... – осторожно сказал царь.

– Я бы хотел докопаться до истоков этой легенды, – упрямо гнул Клодий.

Фраат озабоченно произнес:

– Мое царство заинтересовано вернуть себе Элимаиду.

– Почему нет? – подумав, ответил Клодий. – Она населена разбойническими племенами, Рим не будет возражать.

– О посланник, мы с тобой становимся закадычными друзьями!

– Я весь внимание.

Фраат, хитро улыбнувшись, предложил Клодию вина и бархатным голосом с нотками снисходительности приоткрыл тайну. Немного людей могут похвастаться этим знанием. То, что римлянин желал знать, величайший секрет. Легендарный Дворец власти существует! Это хранилище сокровищ и чудес.

Однажды богатейший царь Лидии Крёз спросил мудреца:

– Можно ли считать владельца столь великих богатств, как у меня, поистине наисчастливейшим из смертных?

На что мудрец ответил:

– Никого нельзя назвать счастливым прежде его смерти.

Это означает: не гордись счастьем данной минуты, все может перемениться. Даже богатый всегда подвержен опасности. Крёз понял: не в богатстве счастье. Если не властвуешь над миром как бог, от богатства нет пользы. Власть царя сакральна, то есть дана свыше, но как осмыслить божественное? Крёз поспешил задать вопрос богам – через оракула, конечно, – и получил ответ: «Взаимопроникновение сакральной и божественной сфер возможно в Дворце власти»...

Царь Фраат величественно прошелся по залу:

– Посланник, Дворец власти находится на Армянском нагорье, что лежит на полуострове Малая Азия!

Клодий открыл рот от изумления, но так и ничего не сказал, а Фраат, удовлетворенный произведенным эффектом, продолжил рассказ.

Крёз захватил половину Малой Азии, и в том месте, где сходятся пути завоевателей Востока, он нашел Дворец и перенес туда свои сокровища. Другой могущественный царь, Кир II Великий из Персии, захватив Вавилон, в Храме судеб узнал нечто, что помогло ему разбить войска Крёза. Царя лидийского он пленил, хотел казнить, но Крёз поведал ему о Дворце, и Кир не только сохранил ему жизнь, но и назначил своим советником. Оба сделались причастны к высшим силам и их проявлениям, более того, они стали проводниками этих сил на Земле. Получив бессмертие и способность находиться вне времени и пространства, они обрели невероятное могущество для преобразования мира. Вполне даже могут находиться здесь и сейчас!..

– Все это так таинственно и лежит вне моего понимания, – признался Клодий.

Фраат иронично сказал:

– Посланник, твой наместник Лукулл, захватив Понтийское царство, стал баснословно богат. А теперь, уверен, он хочет приобщиться к сверхъестественному. Ему наскучил окружающий мир, захотелось выведать тайну Дворца власти, впрочем, как и мне...

Фраат смотрел на Клодия как на средство достижения своих целей. Вся демагогия разводилась ради одного: заставить римлян найти священное место, а потом, устроив ловушку и устранив противника, завладеть сокровищами.

Ядовито улыбнувшись римлянину, царь указал на окно:

– Подойди посмотри!

Клодий подошел к окну и выглянул.

– Это Баулук – сокровищница парфянских царей, – сообщил Фраат.

Клодий увидел большое, не очень высокое квадратное здание без окон, с единственным входом, с плоской крышей и открытым внутренним двориком. Фриз, венчающий это странное сооружение, украшен изображениями греческого Геракла, львиными мордами и парфянскими колчанами со стрелами. Вокруг хранилища сокровищ ходили стражи со страшными собаками на поводках – помесь пастушьих овчарок с малоазийскими львами.

– Посланник, сокровищница доверху забита золотом и драгоценностями, – с придыханием произнес Фраат. – Я сплю на золотом ложе, мой трон из золота, мой гарем уступает только гарему Митридата Евпатора. Но увы! Что толку в обладании богатством, если власть ограничена зловредными соплеменниками, которые только и мечтают тебя убить.

– Понимаю, – с едкой иронией произнес Клодий, – хочется стать властелином мира и влиять на ход истории.

Они сели на диваны и посмотрели друг другу в глаза. Фраат насмешливо произнес:

– Идти в поход против Великой Армении Лукулла побуждает поиск Дворца власти. Что ж, я буду внимательно наблюдать за эпопеей.

Клодий всем телом подался вперед, жадно вглядываясь в лицо царя:

– Скажи, где Дворец!

– Никто не знает, – Фраат, пожав плечами, развел руки в стороны. – Знание было утеряно.

– Не понимаю, – римлянин часто заморгал глазами, – ведь персы, твои вассалы, владеют этим знанием, а ты говоришь, никто не знает!

Фраат просветил:

– Посланник, персидский царь Дарий III был последним, кто знал месторасположение Дворца.

Дарию не повезло. Проиграв битву Александру Македонскому, он скрывался в горах. Александр, двигаясь с небольшим отрядом, догнал беглецов. Приближенные из свиты закололи Дария, сами же бежали дальше, бросив истекающего кровью царя. Разыскав убийц персидского царя Дария III, Александр Македонский предал их страшной смерти со словами: «Царей имеют право убивать только цари».

Как бы невзначай Фраат негромко произнес:

– По-видимому, кое-что знают армяне...

Действительно. Умирая, Дарий мог раскрыть секрет полководцу Дадарсису, армянину, герою битвы при Гавгамелах, единственному оставшемуся верным ему.

Блестя глазами, Клодий, скорчив отвращение, вскричал:

– О, я понял! Ты ищешь Дворец, но не можешь найти и хочешь подключить римлян! И еще мне кажется, ты обладаешь какой-то важной вещью, но не говоришь мне. Думаю, и про талисман, охраняемый «кошечкой», не все рассказал!

Фраат смутился и отвернулся:

– Попробуй пахлаву, вкус изумительный!

Аудиенция закончилась. Клодий понял, что попал в точку, но царь больше ничего не скажет. Легат встал и коротко склонил голову. Фраат также поднялся, улыбка вновь засияла на его лице:

– Посланник, уверен, у нас еще будут встречи. – Царь хлопнул в ладоши: —Подарки наместнику Лукуллу и его посланнику!

Слуги принесли подарки. Клодию была вручена золотая бляшка с изображением орла со змеей в клюве. Кто имеет такую вещь – друг царя Парфии, его всегда ждет радушный прием. Наместнику Лукуллу предназначалось страусовое яйцо. Клодий уставился на огромное яйцо в золотом обрамлении, пытаясь сообразить, что означает этот подарок, но в голову ничего не приходило.

Фраат, видя его замешательство, таинственно произнес:

– Если человек ищет мудрости, он умен, но решив, что нашел ее, он глуп.

Глава 16. Откуда исходит угроза?

Ваагн – армянский бог огня и молнии – рожден с особой миссией сражаться с драконами. Армяне его называли жнецом драконов. Как своему любимцу царь Тигран часто приносил этому божеству жертвы в храме. Арамазд, Анаит и Ваагн – триада главных богов Великой Армении, а еще пять богов, не столь популярные, являлись покровителями в других делах: знание, умение, плодородие, жизнь, любовь, смерть.

Огромная процессия верхом на лошадях двигалась по улицам столицы, направляясь в храм бога Ваагна. Тигран, приветствуя народ, кивал и улыбался, а толпа одобрительно гудела. Люди, стоявшие по обе стороны дороги, выкрикивали ликующие возгласы и любовались яркими одеждами сопровождавшей государя знати и сверкающими на солнце доспехами воинов.

Верховный жрец Спандуни, ехавший подле царя, говорил:

– Подданные существуют для тебя и твоей державы, а ты для них. Посмотри, как они радуются!

Это он убедил принести жертвы богу Ваагну, управлявшему громом, молниями и огнем, так как стихийные бедствия, захлестнувшие гавары (уезды) вблизи горы Арарат, не прекращались. Обязанность Тиграна – обеспечить процветание народа, а для этого нужно совершить ритуал в храме бога Ваагна, и все наладится.

Блестящая процессия, состоявшая из самых заметных фигур царства и охраны, пышная и торжественная, продолжала свое движение. Обычно Тигран взывал к Ваагну как к богу отваги и войны, но сегодня он все больше думал о происках драконов-вишапов, победить которых, согласно легендам, можно только огнем или молнией.

Справа от царя шествовал Меружан, сзади – начальник стражи дворца Нубар, оба мужественные полководцы, особо приближенные к царю люди, исполнявшие в мирное время функции охраны государя.

– Нубар, – сказал Меружан, – смотри внимательно по сторонам. На площади собралось много народу.

Процессия проследовала на главную площадь Тигранакерта. Взгляд Тиграна упал на человека в толпе; лицо царя помрачнело. Меружан, повернув голову в ту сторону, куда смотрел царь, увидел сверкнувший на солнце предмет, летящий в Тиграна. Воин, не задумываясь, закрыл собой царя. В спину телохранителя вонзился нож. Тело Меружана обмякло. Испытывая невыносимую боль, он опустился на шею лошади, призвав Нубара позаботиться о царе. Нубар, выхватив из-за спины лук, натянул тетиву и выпустил стрелу как раз в тот момент, когда злоумышленник приготовился метнуть второй нож. Стрела вонзилась убийце в плечо; нож выпал из его руки. Злодей, выдернув стрелу, закрыл рану ладонью и попытался скрыться, но дворцовая стража настигла его в узких улочках города.

Площадь охватила паника, оглушал невообразимый шум, поднялся переполох. Охрана окружила царя, процессия остановилась, стройные ряды царедворцев смешались. Подоспевший лекарь потребовал нож из спины Меружана не выдергивать и немедленно доставить воина в дворец в ятрею – хорошо оснащенную клинику при дворце. О дальнейшем шествии в храм не могло быть и речи.

В ятрейе операция прошла успешно: нож из тела Меружана извлекли, рану прижгли и зашили, наложили повязку. Армянскому лекарю Егии ассистировал греческий эскулап Архагат. Меружан лежал на кушетке на спине, перевязанный полотняными бинтами, и спал.

Егия смеялся:

– Дорогой Архагат, у нас не применяют метод общего обезболивания, предложенный тобой, – нанести удар тяжелым предметом больному по голове. Мы давно используем для наркоза болеутоляющее растительное средство. Меружан заснул, и скоро придет в себя.

Искусство врачевания в Армении в этот период было на высоком уровне. Но и в Греции медицина – древнейшее занятие. Асклепий, греческий бог врачевания, был рожден смертным, но за высочайшее искусство получил от богов бессмертие. Свободному развитию терапии и хирургии в Армении способствовало отсутствие запретов со стороны царя и жречества на анатомические исследования. Успешно лечили даже открытые и закрытые переломы; кровотечение останавливали, прикладывая к ране прополис; широко использовалось лечебное применение продуктов пчеловодства

– Чем ты обмазал рану, накладывая повязку? – поинтересовался Архагат.

– Это «армянская глина», которую мне доставляют с озера Ван. Она резко ускоряет заживление, – ответил Егия.

Лекарственные растения Армении отличались особыми свойствами. Целебные армянские травы знали во всем мире. Егия, получив образование под руководством опытных врачей – армян, ассирийцев, персов и сирийцев, – применял ценные растения с гор Армении.

Разговор двух эскулапов прервал царь, вошедший в сопровождении Кухбаци и Нубара проведать Меружана.

– Ну как он?

– Твой телохранитель сильный человек, – отвечал врач. – Даже на более серьезные раны может не обратить внимания. Он вне опасности. Края раны ровные, потеря крови небольшая. Сейчас он спит, думаю, выздоровление пойдет быстро.

Царь с благодарностью посмотрел на врача:

– Ты искусный врачеватель, Егия... А что если нож был отравлен?

– Я подумал об этом и использовал сок растения сильфий на тот случай, если в рану попал яд.

– Меружан спас мне жизнь... – Тигран с сочувствием смотрел на раненого воина.

Егия взял со стола кольцо с тайником и откинул камень:

– Государь, я закончил исследование кольца. Под камнем был яд аконитин. В наше время его изготавливают только в Сирии.

– Вот как... – царь задумался и, ничего не сказав, вышел из покоев с сопровождающими.

Решительным шагом шел Тигран по коридорам дворца, за ним поспевали Кухбаци, и Нубар. Владыка уже получил сведения: преступник с площади являлся сирийцем. Он метатель ножей высокого класса, прибывший на днях в город. При нем нашли десять ножей, и все особой конструкции. Такие изготавливают только в Сирии.

Царь внезапно остановился и посмотрел на телохранителей:

– Все последние покушения связаны с Сирией. Кто-то направляет руку убийцы. Узнайте, откуда исходит угроза!

В доме азарапета Гнуни, главного финансиста царя, развернулась дискуссия между друзьями. Аравелян, старейшина рода и крупный землевладелец, пытался донести до царского чиновника озабоченность реформами царя настроенной проримски армянской аристократии.

Аравелян говорил:

– Нам не нужны новые рабы, а имеющиеся зачастую приносят лишь небольшой доход. Есть другие способы обогащения.

Гнуни полемизировал:

– Конечно, вы разбогатели настолько, что решительно выступаете против сильной центральной власти.

Аристократия хотела больше самостоятельности и видела наследником престола того, кто будет проводить политику, понятную и удобную большинству богатых людей, например Тиграна Младшего. Идеальным, с их точки зрения, было бы следующее: царь, умиротворив и подчинив для армянской знати половину Азии, разрешил бы ей хищно выкачивать из провинций огромные средства. В противном случае, возможно ожесточенное сопротивление курсу царя. Несомненно, аристократия нацелилась грабить народ и дальше, наживаясь на ростовщичестве и спекуляции, а не думать о развитии государства.

– Рим движется в этом направлении, аристократия там процветает! – настаивал Аравелян.

– У Рима другие приоритеты и единственная цель – завоевания для грабежа, – парировал Гнуни.

– Мы готовы считаться с римскими интересами, а они с нашими, – гневался Аравелян.

– Вы разрушите державу и сами сгорите в огне своих идей, – не уступал Гнуни.

Оба знали, что Митридат Понтийский, главный союзник Тиграна, потерпел поражение в войне, Великая Армения осталась в одиночестве между могущественным Римом и усилившейся Парфией. Теперь давление на Армению с запада и востока будет только нарастать. Римляне мечтают вмешаться в дела армянской державы, и сейчас подкармливают некоторые слои армянской знати, настраивая ее против царя.

Аравелян, чтобы закончить разговор на дружеской ноте, примирительно сказал:

– Нашей дружбе, Гнуни, ничего не угрожает, в конце концов, мы армяне, патриоты, в нашей религии и культуре в сочетании с древними традициями много хорошего, и мы не хотим останавливаться в своем развитии.

Гнуни с теплом в голосе произнес:

– Ты, мой друг, не искушен в делах царства, но, быть может, здравый смысл и глубокий ум помогут тебе понять мою правоту.

В царских покоях Тигран вел неторопливую беседу с мудрецами. В креслах напротив него сидели старый Евсевий и молодой Айказ. Солнце уже зашло, темная южная ночь опустилась на город, в окно заглядывала яркая луна в окружении мириада мерцающих звезд. Огоньки пламени в чашах светильников весело прыгали, высвечивая одухотворенные лица говорящих.

Речь зашла о манускрипте «Экономика» знаменитого афинянина Ксенофонта. Манускрипт, как и его книга «Анабасис», хранились в библиотеке дворца. Ксенофонт пишет о рациональном ведении хозяйства: как платить за труд, как извлекать выгоду, а пребывая в Армении и встретившись с царем Ервандом I, он поделился мыслью об управлении царством. Его идея о большом предприятии по переработке меди обогатила Великую Армению. Под защитой Тиграна процветали все армянские области. Для этого была создана структура власти, дающая армянской аристократии возможность не только приумножать свои богатства, но и делиться с государством и заботиться о народе. Но знати не давал покоя пример непомерного обогащения римской аристократии.

Уходя от этой больной темы, Тигран сказал:

– В наших вечерних беседах мы часто поднимаем вечные темы: жизнь, смысл жизни, смерть, отношения с богами...

– А еще загадываем, оставишь ли ты след в истории? – вспомнил Евсевий.

– Люди всегда мечтали овладеть высшей мудростью и разгадать тайну вечной жизни, – сказал Айказ.

– Бессмертие могут подарить только боги, – улыбнулся Тигран.

– А знаешь, государь, – проронил Евсевий, – царь Ерванд, которого ты сегодня упоминал, возможно, произошел от дракона, ведь его имя означает дракон.

Тигран стал серьезным. Тема драконов все чаще занимает умы как его самого, так и его подданных. Есть сочинения, где говорится, что и Александр Великий тоже произошел от дракона. Вблизи Арарата стали встречать странных людей, называющих себя колдунами. Уж не порождение ли это драконов? Землетрясения, черный дым, гром, языки пламени, молния, град, туман – вот о чем постоянно доносили царю из уездов, примыкающих к горе Арарат! Все говорило о том, что ужасный монстр проснулся. Старые рукописи называли огромного черного дракона злым духом, порождающим хаос, а народ прозвал его вишапом, обитающим в священной горе Арарат.

Тигран проронил:

– Мне с детства рассказывали старинные легенды, и я всегда полагал, что драконы – это порождение народных поверий.

Евсевий промолвил:

– Легенды, друг мой, это предания о реальных событиях. Драконы существуют!

Из легенд все знали, что у драконов ядовитая слюна и смрадное дыхание, ужасный голос и свирепый вид, они огромны, быстро размножаются, крадут человеческих детей и подменяют их злыми духами, также могут и сами принимать образ человека.

Собеседники умолкли, погружившись в тяжелые раздумья. Тигран вспомнил слова Айказа, сказанные в комнате тайн: «Вавилон – это символ грядущего. Так же, как когда-то в прошлом был суд над древним Вавилоном, в будущем будет суд над всемирным Вавилоном». Прервав молчание, он сказал:

– Разрушение мира начнется с Армении, с того места, где когда-то жизнь зацвела... Так что, Айказ, судьба мира предначертана?

– Да, государь. Боги собираются разрушить цивилизацию. Пробуждение драконов не случайно.

– Как убить дракона? – Тигран серьезно воспринял слова ученого.

Айказ поведал:

– Ваагн, громовержец и бог войны, всегда возглавлял силы против драконов.

Евсевий тревожным голосом произнес:

– В державе, государь, одни считают тебя божеством, другие человеком, тесно связанным с богами. Ты можешь обеспечить народу благополучие, потому что общаешься с божественными силами. Благоденствие державы зависит от тебя.

– Это так! – подтвердил Айказ. – Твоя власть проникнута могуществом богов.

Тигран встал, прошелся по залу. Он помнил свою клятву: идеалом и высшим смыслом жизни царя является жертвенное служение народу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.